

РАССЛЕДОВАНИЕ ИЗНАСИЛОВАНИЙ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ПОД РУКОВОДСТВОМ ЧЛЕНА ПАЛАТЫ ОБЩИН РУПЕРТА ЛОУ, ПАРТИЯ
«RESTORE BRITAIN»

*

От переводчика

Настоящий перевод подготовлен локально на личном оборудовании при помощи большой языковой модели Google Gemma 4, использующейся по лицензии Apache 2.0 и очищенной от цензурных ограничений энтузиастом LLM с ником TrevorVS, который любезно предоставил эту модель для использования всеми желающими. Оригинальные веса модели размещены на сайте Hugging Face. Считаю необходимым подчеркнуть, что попытки обсуждения Доклада в рамках платной подписки на ChatGPT провалились. Несмотря на то, что ChatGPT пытался отвечать на мои вопросы, ответы удалялись встроенной цензурой в процессе генерации или сразу же после неё, так, что их невозможно было сохранить. OpenAI также удалил из интерфейса возможность опротестовать цензуру или любую другую возможность пожаловаться на неё.

Содержание

Содержание.....	1
Благодарности.....	2
Предисловие.....	3
Введение.....	4
Резюме.....	5
Обзор преступлений.....	8
Показания потерпевших.....	14
Показания информаторов.....	58
Демография и культура.....	62
Влияние ислама.....	71
Внутренние способствующие факторы.....	85

Влияние на пострадавших.....	101
Выводы.....	102
Рекомендации.....	105
Законодательные меры.....	110
Меры реагирования.....	114
Дальнейшие шаги.....	123
Заключительное слово Руперта Лоу, члена парламента, председателя Комиссии по расследованию деятельности банд насильников.....	124
Приложение I – Показания потерпевших, не представленные на слушаниях.....	124
Приложение II – Цитаты пострадавших.....	132
Приложение III – Институциональные провалы.....	140
Приложение IV – Список районов, в которых, как известно, действовали банды...214	

Благодарности

Каждый свидетель, добровольно предоставивший свои показания — будь то пострадавшие, их родители, осведомители, политики или эксперты — проявили мужество, которое сделало это Расследование возможным. Их вклад обеспечил то, что истина теперь стала частью постоянного публичного архива.

Энергия и приверженность Руперта Лоу, члена парламента, обеспечили проведение Расследования деятельности банд насильников. Он был непоколебим в своем стремлении к тому, чтобы это гниющее пятно на истории нашей страны оставалось в центре общественного внимания.

Выражается глубокая благодарность всей группе Расследования под руководством Сэмми Вудхауса. Нэт Эндерби-Шентон, Марлон Уэст, Дебра Садбери и Джули Баллан неустанно работали над сбором доказательств и поддержкой каждого выжившего, который обратился за помощью.

Особая благодарность выражается членам парламента Эстер Маквей, Нику Тимоти и Карле Локхарт за то, что они уделили время работе в комиссии Расследования.

Доктор Марк Дьюри проявил исключительную щедрость, дополнив последующий отчет своими экспертными знаниями.

Мы также благодарны Чарли Даунсу, Джошуа Ферму, Харрисону Питту и Грэму Смиту за их редакционный надзор и консультирование.

И, наконец, мы благодарим бесчисленные тысячи людей по всей Британии, которые сделали всё это возможным, внося пожертвования, чтобы обеспечить проведение данного Расследования.

Предисловие

У Британии нет проблемы с расизмом, у неё проблема с иммиграцией.

Руперт Лоу

Как и многие порядочные, трудолюбивые британцы, я не осознавал истинного масштаба зла, которое совершалось и продолжает совершаться преимущественно мужчинами-мусульманами из Пакистана в отношении уязвимых молодых белых женщин и девушек в общинах по всей нашей стране. Но одна стенограмма судебного заседания по одному из таких ужасающих дел — растиражированная Илоном Маском в начале прошлого года — запустила давно назревшее национальное осмысление этого вопроса, которое вдохновило более 20 000 британских патриотов помочь в финансировании нашего Расследования по делу о бандах насильников. Далее следует исчерпывающий отчет о его результатах. Крайне важно, чтобы все соответствующие судебные документы были надежно сохранены как по юридическим, так и по историческим причинам.

Я благодарен всем членам моей команды, которые внесли свой вклад в разоблачение этой ужасной главы в истории Британии. Сочетание парализующего страха перед обвинениями в «расизме» и борьбы за голоса импортированных представителей иностранных субкультур привело к тому, что чистому злу позволили распространиться. И этот кошмар еще не закончился. Первопричиной была иммиграция, начавшаяся с Закона о британском гражданстве 1948 года и увеличившаяся во время каденции премьер-министра Тони Блэра с 1997 года и далее. Полагая, что национализм несёт ответственность за разрушение Европы в середине XX века, наши послевоенные лидеры приняли многообразие и мультикультурализм в качестве якобы цивилизованной альтернативы. Данный отчет вне всяких сомнений доказывает, что эта одержимость «открытым обществом» на самом деле породила неопишное варварство. Масло с водой не смешиваются, и культурные различия, уходящие корнями в века, являются истоком этой проблемы.

Я призываю всех британцев прочитать этот отчет полностью. Необходимо извлечь уроки, и должны последовать судебные преследования за чудовищную трусость тех, кто, будучи ответственным, отказался противостоять подобным ужасам. Максимально строгие меры наказания, вплоть до смертной казни, должны быть применены и к тем, кто еще не был должным образом наказан или вовсе не понес наказания за свои мерзкие, неопишмые преступления.

Мир — опасное место для жизни не из-за тех, кто творит зло, а из-за тех, кто не делает ничего, чтобы этому противостоять.

Альберт Эйнштейн

Человек — самое жестокое животное.

Введение

Расследование по делу о бандах насильников завершило первый этап своей работы. Оно было инициировано для изучения одного из самых ужасающих скандалов в долгой истории нашей страны: систематического выбора в качестве целей уязвимых девушек, в подавляющем большинстве — белых британок, преимущественно мусульманскими пакистанскими бандами по всей стране.

Доказательства, представленные в ходе слушаний, подтвердили то, что давно было известно, но неоднократно отрицалось многими представителями политического класса. Расследование приглашало девушек, юношей, мужчин и женщин всех рас и религий дать показания о своем опыте, чтобы получить полную картину феномена банд насильников.

В Отчете баронессы Кейси, посвящённом этой теме, (2025) утверждалось, что несоразмерное количество мужчин «азиатского этнического происхождения» находилось в числе подозреваемых в групповой сексуальной эксплуатации детей («CSE»). Баронесса Кейси процитировала местные отчеты, свидетельствующие о том, что значительная часть осужденных имела пакистанское и/или мусульманское происхождение. Эти преступления охватывают несколько поколений.

Расследование по делу о бандах насильников стало необходимым, поскольку государство и его институты на протяжении десятилетий терпели катастрофические неудачи. Полиция, социальные службы, школы, NHS (национальная служба здравоохранения), лицензирующие органы и правительства позволяли этим бандам действовать безнаказанно. Наблюдалось явное отсутствие политической воли для противостояния им. Лейбористская партия изначально вообще отказывалась от проведения публичного расследования, уступив лишь под значительным давлением. Пройдут многие годы, прежде чем это расследование будет завершено, и нет никаких гарантий того, что в нем будет должным образом рассмотрен политически чувствительный этнорелигиозный характер этого явления. Несмотря на то, что сейчас, находясь в оппозиции, Консервативная партия настаивает на проведении расследования, в период своего пребывания у власти она сделала очень мало.

Наше расследование по делу о бандах насильников проходило под руководством пострадавших. Ежедневно комиссия заседала с Сэмми Вудхаус, которая сама является пострадавшей, ставшей активисткой, а также с различными экспертами, которые присутствовали всякий раз, когда их специализированная область становилась центром наших усилий по установлению истины. Мы последовательно изучали отдельные аспекты скандала, чтобы можно было составить максимально полную картину. Родители и опекуны описывали свой опыт. Были обнародованы случаи беременности, аборт и рождения детей в результате изнасилований. Показания дали осведомители, которые ранее игнорировались. Были задокументированы провалы в работе полиции и органов правосудия. Социальное обеспечение, службы NHS (включая сексуальное и психическое здоровье), образование, лицензирование такси, демографические тенденции, культурные и

социальные проблемы, а также идеологические препятствия на пути к правосудию — всё это подверглось неограниченному анализу. Ни одна тема не была под запретом. Ошибочная политическая корректность и культурная чувствительность не играли никакой роли в разбирательстве. Обещание, данное каждому участнику, было выполнено в полном объеме: истина была доведена до конца, а правосудие было нашей единственной целью.

Пострадавшие наконец получили трибуну, которой они были лишены так долго, и стали центральными фигурами Расследования. Теперь полный масштаб и характер преступлений могут быть внесены в официальные протоколы. Истинный ужас произошедшего больше не скрыт.

Хотя Расследование не обладало закондателными полномочиями, отклик был ошеломляющим. Политики, осведомители, эксперты, члены семей и многие другие вышли вперед. Те немногие, кто занимал высокие посты и отказался давать показания, делали это, зная, что их отказ будет зафиксирован.

В данном отчете изложены выводы и даны четкие рекомендации по искоренению проблемы банд насильников. Теперь страна знает всю правду. Стране дана основа для правосудия. У страны есть дорожная карта, гарантирующая, что эти преступления больше никогда не повторятся.

Резюме

Расследование деятельности банд насильников изучило систематический выбор в качестве целей уязвимых девочек, подавляющее большинство из которых — белые британки, преимущественно мусульманскими пакистанскими бандами в городах и поселениях по всему Соединенному Королевству. Доказательства, представленные Расследованию, подтверждают, что этот скандал представляет собой один из самых ужасающих провалов в истории страны. Организованные сети преступников выстроили скоординированные операции по перевозке жертв между различными локациями, снабжению их наркотиками и алкоголем, записи издевательств для дальнейшего распространения и шантажа, а также передаче девочек группам взрослых мужчин для совершения над ними актов насилия. Эти преступления совершались на протяжении десятилетий, в частности пакистанцами, начиная с 1950-х годов, и затронули каждый регион нашей страны.

Масштаб совершенных преступлений ошеломляет. Ранее было установлено, что, как минимум, 250 000 молодых белых британок подверглись повторным изнасилованиям, групповым изнасилованиям, торговле людьми, пыткам, беременности, принудительному переходу в ислам и пожизненной травме. Истинное число, вероятно, выше. Преступники несут основную ответственность, однако необходимо также признать институциональные провалы, которые позволяли им действовать десятилетиями. Согласно судебным записям и официальным расследованиям, около 87% осужденных по этим делам о групповой сексуальной эксплуатации детей («CSE») носили характерные мусульманские имена. Подавляющее большинство мужчин, входивших в эти банды, не были осуждены. Д-р Тадж Харги, имам Оксфордского исламского собрания (Oxford Islamic Congregation), полагает, что истинная доля членов банд, являющихся мусульманами, составляет около 95%. Этот

показатель значительно превышает долю мусульман в общей численности населения Соединенного Королевства. Подавляющее большинство сетей банд насильников состояло исключительно из мужчин мусульманского происхождения — преимущественно пакистанского, хотя в них также участвовали более мелкие группы сомалийского, иранского, сирийского, турецкого и другого происхождения с мусульманскими корнями.

Расследование выслушало душераздирающие показания выживших и их семей. Метод, используемый для груминга детей, обычно следовал одному и тому же процессу.

1. Лорд Пирсон из Ранноха (Палата лордов, Хансард, том 797) в ходе дебатов о бандах груминга, 14 мая 2019 г.

2. См. «Принесение девочек в жертву политической корректности» (Sacrificing girls to political correctness), Christian Concern, 16 марта 2018 г.

3. См. «Фундаменталисты: „Мусульмане верят, что если Пророк спал с девятилетней, то что плохого в двенадцатилетней?“, — утверждает мусульманский лидер», London Loves Business, 9 января 2025 г.

Дети в возрасте от 11 лет изначально вступали в доверительные отношения с молодыми мусульманами, которые затем относились к ним как к взрослым и начинали предоставлять им алкоголь, наркотики и сигареты. Спустя несколько месяцев девочек забирали из школ, детских домов и с улиц на такси. Их отвозили в дома, квартиры, рестораны и отели, где они подвергались неоднократным групповым изнасилованиям, пыткам, их снимали на видео для шантажа и говорили им, что они — «белый мусор» или «кяфиры» («неверные»), заслуживающие наказания. Многие забеременели, будучи еще детьми. Некоторые пережили выкидыши из-за травм, другие подверглись принудительным абортam, а некоторые родили детей, которые впоследствии были изъяты государством. Мы обнаружили, что те же неопиcуемые преступления происходили как минимум в 149 муниципальных образованиях — что составляет почти 40% от всех таких районов по всей Великобритании (полную карту см. на стр. 14). Пострадавшие описывали ежедневные изнасилования, «красные комнаты» экстремальных пыток, торговлю людьми между городами и институциональное недоверие, которое усугубляло их страдания. Некоторые девочки даже были переправлены на Ближний Восток, где они их заставляли вступать в принудительные браки.

Демографические и культурные факторы очевидны. Преступники из пакистанских мусульман и других мусульманских групп действовали в рамках кланового кодекса, основанного на понятиях «честь» и «позора», который рассматривал немусульманок, особенно белых девушек из рабочего класса, как собственность, доступную для сексуального использования. Эта модель подкреплялась восемью теологическими и правовыми аспектами ислама. К ним относятся доктрина превосходства мусульман, вытекающая из коранических стихов, которые ставят мусульман на высшую ступень с обязанностью исправлять неверующих. Оправдание преступлений членами банд можно

найти в исламских принципах лояльности и отречения, известных как аль-вала ва-ль-бара (al-walā' wa-l-barā'). Они требуют враждебности по отношению к немусульманам, превосходства мужчин над женщинами, принудительного брака в сочетании с отсутствием какого-либо фиксированного минимального возраста согласия, восприятия женской сексуальности как изначально опасной, системы сексуального рабства, санкционирующей сексуальные отношения с пленницами-немусульманками, и религиозно санкционированной социальной иерархии, подчиняющей покоренных немусульман. Эти элементы, пропущенные через субкультуры иммигрантских кланов, обеспечили религиозное оправдание, которое сделало возможными систематические изнасилования и даже убийства белых британских девушек.

Если бы Великобритания функционировала эффективно, эти девочки получили бы значительную государственную защиту. Однако каждый из наших институтов потерпел катастрофический крах.

Полицейские управления игнорировали неоднократные сообщения, криминализировали жертв вместо того, чтобы преследовать преступников, уничтожали улики и позволяли известным насильникам оставаться на свободе под залог. Службы социальной защиты подрывали роль родителей, выступавших на защиту своих детей, размещали детей в центрах торговли людьми внутри детских домов, закрывали дела, несмотря на явные признаки эксплуатации, и мстили осведомителям. Национальная служба здравоохранения (NHS) фиксировала генитальные травмы, множественные инфекции, передающиеся половым путем, у детей в возрасте от 13 лет, беременности в результате изнасилований и попытки самоубийства, однако передавала жертв обратно к их мучителям без направлений на меры по обеспечению безопасности или помощь при травмах. Школы наблюдали, как мужчины старшего возраста забирают девочек у ворот, слышали признания в изнасилованиях в помещениях школ, и реагировали на это отчислением жертв вместо их защиты. Органы лицензирования такси продлевали разрешения водителям, которые составляли логистический костяк сетей, и пасовали перед организованными протестами, когда предлагались базовые меры безопасности.

Политический провал лежит в основе скандала. Сменявшие друг друга правительства не имели воли противостоять этническим и религиозным закономерностям. Лейбористская партия несет особую ответственность. Сначала она отказалась от проведения общественного расследования и уступила лишь под давлением, распорядившись о процессе, который был встречен широким скептицизмом.

Местные советы и парламент, в которых доминировали лейбористы, были проинформированы о бандах давным-давно, однако позже отрицали осведомленность. Лейбористская партия отдавала приоритет электоральной зависимости от мусульманских блоков избирателей, после чего блокировала или смягчала результаты расследований, скрывала данные об этнической принадлежности и представляла законные опасения как «крайне правое» подстрекательство. Когда лейбористское правительство было наконец вынуждено действовать, оно инициировало национальное расследование, чьи узко сформулированные рамки намеренно исключали систематический анализ

демографических, культурных и религиозных факторов. Консервативная партия, находясь у власти, продолжила придерживаться подхода лейбористов и не смогла ввести обязательную регистрацию этнической принадлежности (преступников) или начать полномасштабное официальное расследование, несмотря на явные доказательства из Ротерема и других мест. Политические партии Шотландии отказались от проведения специального расследования и не фиксировали этническую принадлежность преступников. Политическая корректность, страх перед обвинениями в расизме и страх потери электоральной поддержки определенных демографических групп стали приоритетнее защиты британских детей.

Информаторы, родители и пострадавшие, которые решились дать показания, проявили необычайное мужество, несмотря на то, что в прошлом они сталкивались с недоверием и запугиванием.

Преступники действовали безнаказанно, потому что государство создало им такие условия. Имеющиеся доказательства теперь требуют немедленных и решительных действий по искоренению проблемы, восстановления справедливости для жертв и обеспечения того, чтобы эти гнусные преступления были изгнаны с нашей земли.

Теперь мы имеем более четкое представление о проблеме. Для ее решения необходим ряд мер, вплоть до значительных изменений в нашей системе уголовного правосудия, принятия законодательства, направленного конкретно на борьбу с сексуальной эксплуатацией детей (CSE), осуществляемой бандами, и масштабной институциональной перестройки.

Наш подробный список рекомендаций включает улучшение регистрации данных об этнорелигиозных закономерностях среди преступников, вынесение значительно более строгих приговоров, комплексные меры по депортации, меры институциональной подотчетности, межведомственную координацию, специализированное обучение, усиление защиты за счет большего вовлечения семей и устранение различных пробелов в британском законодательстве, сквозь которые провалилось так много жертв.

После публикации настоящего Отчета мы намерены обнародовать полные показания свидетелей, собрать дополнительные свидетельства выживших, установить ответственных лиц в Парламенте и начать гражданские и частные судебные иски для обеспечения максимальной ответственности.

Обзор преступлений

Банды насильников систематически эксплуатировали детей во всех регионах Соединенного Королевства на протяжении десятилетий.

Независимый председатель Центра передового опыта по уходу за детьми и их защите Алексис Джей определила 1970-е годы как десятилетие, когда иммигрантские банды насильников впервые начали истязать британских девочек. *4. Однако Британский архив газет (British Newspaper Archive) показывает, что первый зафиксированный случай деятельности именно пакистанских банд насильников относится к 1955 году, когда четыре

пакистанца из Брэдфорда были обвинены в изнасиловании 15-летней девочки из Мидлсборо. *5. Это произошло вскоре после того, как бывшие подданные колоний, как из индийского субконтинента, так и с Карибских островов, получили право въезжать в Соединенное Королевство в значительных количествах в соответствии с Законом о британском гражданстве 1948 года. *6. То, что начиналось как единичные и мелкомасштабные случаи, со временем стало систематическим и приобрело промышленные масштабы.

Эти ужасающие преступления только обострились в последние десятилетия, особенно после победы Тони Блэра в 1997 году и начала организованной массовой иммиграции. С увеличением численности выросли и возможности для насилия. Преступники создали организованные сети, которые перевозили жертв между городами и передавали девочек группам взрослых мужчин.

В каждом из этих районов использовалась одна и та же тактика. Целями становились девочки в возрасте от 11 лет, которых завлекали подарками, алкоголем и наркотиками, забирали на такси от школьных ворот, из детских домов и с улиц, отвозили в дома, квартиры, рестораны и отели, где затем подвергали неоднократным изнасилованиям группами мужчин, передавали между преступниками, перевозили через границы графств, и во многих случаях доводили до беременности или принуждали к абортam. Большинство жертв подвергались насилию, их снимали на видео для шантажа или говорили им, что они «белый мусор» или «кяфиры», заслуживающие наказания.

Власти на всех уровнях — включая полицию, социальные службы, службы здравоохранения, школы, лицензирующие органы и политиков — знали о закономерностях, обладали разведанными, но всё равно не смогли защитить детей страны. Доказательства подтверждают, что на протяжении десятилетий происходил национальный скандал с неоднократными изнасилованиями, торговлей людьми, пытками, беременностями, принудительным переходом в ислам и пожизненными травмами, что стало возможным благодаря институциональному отрицанию, политическому расчету и страху перед обвинениями в расизме.

6. См. Закон о британском гражданстве (1948).

5. См. Bradford Observer, суббота, 27 августа 1955 г., Британский архив газет.

4. См. Алексис Джей ОВЕ, Отчет независимого расследования сексуального насилия над детьми, октябрь 2022 г.

Случаи преступной деятельности, перечисленные в настоящем отчете, взяты из судебных записей, официальных и неофициальных расследований по всей стране, а также из свидетельских показаний, предоставленных Комиссии. Они подтверждают, что это никогда не было серией изолированных локальных неудач. Это была скоординированная общенациональная схема организованной сексуальной эксплуатации детей, которая повторялась город за городом, от крайнего севера до южного побережья. Один и тот же

этнический и религиозный профиль преступников был задокументирован почти у всех свидетелей, обратившихся в Комиссию.

Масштаб феномена банд насильников носит эндемический характер на всей территории Британии. Цифра в 250 000 происходит непосредственно из заявления лорда Пирсона из Ранноха в Палате лордов от 14 мая 2019 года:

«Признает ли Правительство, что если экстраполировать на национальный уровень отчет Джей по Ротерему и другие отчеты по Телфорду и Оксфорду, то в этом столетии было изнасиловано более 250 000 молодых белых девочек, в подавляющем большинстве случаев — мужчинами-мусульманами, обычно по несколько раз в день на протяжении многих лет?»

Он добавил, что это число «вероятно, является заниженным». *7

Эта экстраполяция, скорее всего, подтверждается благодаря дополнительным собранным данным, полученным путем масштабирования закономерностей, задокументированных в основных расследованиях:

- Ротерем (отчет Джея, 2014): по меньшей мере 1 400 девочек подверглись насилию в период с 1997 по 2013 год, при этом некоторые обновленные оценки превышают это число. Преступниками были в подавляющем большинстве мужчины-мусульмане пакистанского происхождения.
- Расследование в Телфорде (2022): более 1 000 детей (преимущественно девочек) на протяжении десятилетий, снова с тем же профилем преступников.

7. Лорд Пирсон из Ранноха (Палата лордов, Хансард, том 797) в ходе дебатов о бандах груминга, 14 мая 2019 г.

- Национальный охват: модель банд т.н. «груминга» была подтверждена в десятках муниципальных образований. Наше независимое Расследование под руководством члена парламента Руперта Лоу получило свидетельства, демонстрирующие скоординированные операции, охватывающие все уголки страны, по меньшей мере в 149 из них (полную карту см. на стр. 14).

При применении масштаба Ротерема и Телфорда к задокументированному национальному распределению и умножении на коэффициент экстремального недоучета, принятый в официальных обзорах, общая сумма достигает порога в 250 000 человек в качестве абсолютного минимума.

Мы далеки от полного понимания масштабов преступности банд груминга в современной Британии. Разумно предположить, что, поскольку сексуальное насилие всех видов имеет тенденцию к недоучету, это верно и для банд груминга. Издание *The Independent* сообщило, что только за один год в Англии было выявлено почти 19 000 детей, ставших жертвами сексуальной эксплуатации, несмотря на нежелание государственных структур

называть или решать проблему банд насильников.⁸ После десятилетий насилия число жертв должно исчисляться сотнями тысяч. Полный масштаб пока неизвестен.

В каждом крупном обзоре подчеркивалось, что зарегистрированная статистика серьезно занижает реальность:

- Национальный аудит баронессы Кейси по групповой сексуальной эксплуатации и насилию над детьми (июнь 2025 г.): в аудите прямо заявляется, что масштаб, характер и характеристики групповой сексуальной эксплуатации детей остаются невозможными для точного количественного определения из-за непоследовательного сбора данных и исторического замалчивания.
- Независимое расследование сексуального насилия над детьми (ИКСА) и многочисленные местные расследования (2022–2025 гг.): «Просто невозможно знать масштаб», поскольку этническая принадлежность, групповое совершение преступлений и исторические случаи систематически не фиксировались или откладывались «в стол» для защиты «сплоченности общин».

На обратной стороне представлена тепловая карта, отображающая различные локации, в которых Расследование может быть уверено в деятельности банд насильников. Вероятно, истинный масштаб гораздо страшнее. *9.

9. См. Приложение IV для нашего списка затронутых районов по именам.

8. Лиззи Дирден, «Эпидемия» груминга: почти 19 000 детей признаны жертвами сексуальной эксплуатации в Англии, *The Independent*, 28 декабря 2019 г.

Масштаб, тактика, профиль преступников и системное бездействие почти везде были идентичными. Британия столкнулась не с десятками отдельных локальных скандалов. Она столкнулась с одним национальным скандалом, который государство позволяло разрастаться на протяжении десятилетий.



Лондон

Лондон предстает эпицентром институционального отрицания в скандале с бандами груминга. В то время как в северных городах после выяснения истины проводились публичные расследования, столица в течение многих лет сохраняла стену молчания. Мэр Лондона Садик Хан неоднократно настаивал на том, что в городе не действуют банды груминга. Как стало известно в ходе нашего расследования от Сьюзан Холл, лидера консерваторов в Ассамблее Лондона, феномен банд насильников на самом деле эндемичен для столицы. После того как Холл поставила под сомнение слова Хана об отсутствии таких

банд в Лондоне, на неё обрушился шквал звонков от женщин и девушек, заявлявших, что они стали жертвами подобных преступлений. Хан характеризует показания информаторов как злонамеренные и политически мотивированные. Он заявил Ассамблее Лондона, что проблема здесь гораздо сложнее, чем в других частях страны, и что молодые люди эксплуатируются через систему «county lines», а не посредством организованной групповой сексуальной эксплуатации детей. *10

Эти заявления были сделаны несмотря на то, что в распоряжении Столичной полиции находились отчеты о том, что молодых девушек подвергали воздействию алкоголя и наркотиков, а затем группы мужчин насиловали их в отелях и других местах по всей столице. Расследование Daily Express показало, что Хан имел прямой доступ к документам Инспектората констеблей Его Величества, в которых подробно описывались именно такие схемы преступлений. Он ознакомился с файлами, но тем не менее продолжал публично отрицать существование банд груминга. *11.

Теневой министр внутренних дел Крис Филп, член парламента, обвинил Хана в содействии сокрытию фактов, а другие политики заявили, что и мэр, и Столичная полиция отрицали наличие банд груминга в Лондоне. Активисты, включая информатора Мэгги Оливер и Криса Уайлда, назвали столицу последним оплотом отрицания и предупредили, что масштабы насилия там более катастрофичны, чем где-либо еще в стране.

11. Зак Гарнер-Пёркис и Каллум Каддефорд, «Разоблачение „сокрытия“ Садика Хана в деле о бандах груминга по мере появления новых доказательств», Daily Express, 19 октября 2025 г.

10. См. «Мэр Лондона Садик Хан заявляет, что дела о бандах груминга в Лондоне „гораздо сложнее“», ITV News, 28 октября 2025 г.

Появляющиеся сейчас доказательства подтверждают их предупреждения. В октябре 2025 года Столичная полиция объявила о пересмотре 9 000 дел о сексуальной эксплуатации детей. Национальное агентство по борьбе с преступностью запустило операцию «Биконпорт» для изучения тысяч других дел по всей стране после того, как первичные оценки выявили человеческие ошибки, упущенные направления следствия и неправомерно закрытые дела. Лондон составляет значительную часть этого объема нерассмотренных дел. Бывший детектив Столичной полиции описал промышленный масштаб детской проституции и груминга в столице, отметив, что власти знали об этом, но предпочли бездействовать из-за сочетания «некомпетентности, лени и коррупции». *12.

В Лондоне проживает самое многочисленное мусульманское население в Британии. Хан полагается на значительную электоральную поддержку этих общин, а также имеет этнорелигиозный мотив защищать общественную репутацию, в частности, пакистанских мусульман. Широкое признание существования организованных сетей, состоящих преимущественно из мужчин-мусульман пакистанского происхождения, целью которых стали уязвимые белые девочки, разрушило бы нарратив о сплоченности общин, который продвигали сменявшие друг друга администрации Лондона, и в особенности администрация Хана. Что касается других представителей власти, страх быть

заклейменными «расистами» парализовал Столичную полицию и мэрию Лондона (City Hall) так же, как это произошло в Ротереме и Рочдейле до них. Один анонимный осведомитель сообщил нам, что мальчики, так же как и девочки, являются особенно уязвимой целью для преступных группировок — обычно албанских, сомалийских или турецких — действующих в столице. Тем не менее, соответствующие органы по-прежнему отказываются собирать данные об этнической принадлежности, сознательно делая себя слепыми к тем самым поведенческим паттернам, которые должны помогать правоохранительным органам в осуществлении правосудия.

Проверка Столичной полиции, операция Национального агентства по борьбе с преступностью и поступающие показания свидетелей доказывают, что групповая сексуальная эксплуатация детей процветала в нашей столице.

Данное Расследование фиксирует этот провал безоговорочно. Хан и высшее руководство Столичной полиции должны ответить за свою роль в этом скандале. Пока столица не взглянет в лицо правде с той же решительностью, которая сейчас требуется в других местах, дети Лондона остаются в опасности, а государство остается соучастником.

12. См. Sadiq Khan's Grooming Gang cover up EXPOSED | Daily Express

Показания потерпевших

Существуют тысячи выживших, которые могли бы предоставить доказательства нашей группе Расследования. Ниже приведено краткое изложение некоторых показаний наших смелых свидетелей, выступивших на слушаниях Расследования. Некоторые из свидетелей должны оставаться анонимными в целях их собственной безопасности.

«Хлоя»

В течение всего раннего детства «Хлоя» была популярна в школе, имела хорошую успеваемость и вела активную социальную жизнь. Хотя её родители разошлись, когда она была маленькой, она описывает своё раннее воспитание как относительно стабильное. После развода полная опека над Хлоей и её старшим братом была передана отцу, несмотря на его алкоголизм. Её мать, с другой стороны, часто отсутствовала в её жизни и стала бездомной после развода.

Хлоя вспоминает общую безопасность и поддержку в домашней обстановке под опекой отца. Однако после его внезапной смерти незадолго до её десятилетия она переехала к матери и новому мужу матери — человеку, которого она описывает как «педофила» и который подвергал её сексуальному насилию. Мать Хлои многократно заставляла своего мужа за насилием над Хлоей, но мало что делала, чтобы это остановить. В одном случае мать Хлои застала мужа в душе с Хлоей и вместо того, чтобы вмешаться, «закрыла дверь и вышла». В то время Хлое было десять лет.

Насилие вскоре переросло в изнасилование. Отчим Хлои снабжал её алкоголем и сигаретами, чтобы она «молчала», и она начала курить каннабис. Примерно в то же время Хлоя начала прогуливать занятия и проводить время в центре местного города с подругой

без присмотра. Она описывает группы мужчин-мусульман, преимущественно пакистанцев, в возрасте от 20 до более чем 50 лет, которые уделяли им внимание, включая свист вслед и покупку алкоголя. Многие из них были таксистами, которые забирали девочек в свои машины и возили их по городу. На этом этапе сексуального насилия не было, и хотя поведение мужчин было явно ненадлежащим, Хлое и её подруге — в то время они были в выпускном классе начальной школы — нравилось, что с ними обращались *18 как со взрослыми.

Груминг вскоре усилился. Предоставление алкоголя и еды на вынос сопровождалось эмоциональным манипулированием, при этом мужчины — многие из которых были родственниками друг другу — представляли себя сочувствующими друзьями Хлои. Хлоя описывает этот процесс как «разведку: являетесь ли вы уязвимым человеком?». Физический контакт, включая поцелуи и прикосновения, становился всё более обычным явлением. Тем временем насилие со стороны отчима дома усилилось, а мать практически отсутствовала как опекун.

В то время у Хлои были тетя и дядя, жившие неподалеку, и она часто искала у них убежища. В раннем детстве она проводила с ними каникулы и чувствовала, что может им доверять. Однажды она навестила их, прогуливая занятия, после чего вернулась домой и провела там день, пока её мать и отчим были на работе. К удивлению Хлои, через час её дядя пришел к ней домой без предупреждения, и она пригласила его войти. После короткого разговора дядя Хлои подверг её сексуальному насилию. Хлоя сопротивлялась, и он отпустил её и ушел.

Она рассказала матери о нападении, и мать сообщила об этом в полицию. Полиция обвинила Хлою во лжи, и никаких дальнейших действий предпринято не было. До этого инцидента она считала своего дядю «одним из лучших людей в её жизни» — после этого не осталось ни одного взрослого, которому Хлоя могла бы довериться или у которого могла бы искать поддержки. Становясь всё более изолированной, она всё глубже вовлекалась в общение с группами мужчин-мусульман, которых она встречала в центре города.

Однажды вечером подруга Хлои предложила поехать в соседний город, где у одного из мужчин был номер в отеле. Их забрал этот мужчина — который был пьян и находился под воздействием наркотиков — и отвез в отель. По прибытии сотрудники отеля увидели их, но не вмешались. В номере девочкам дали сильный сорт каннабиса, от которого Хлоя — тогда ей было одиннадцать — была «абсолютно в стельку». Подругу Хлои увела в другую комнату группа мужчин, а Хлою начал лапать оставшийся мужчина. Хлоя сопротивлялась, и он ударил её. Мужчина больше не пытался подвергнуть её сексуальному насилию, а вместо этого вышвырнул девочек — обе из которых всё еще были в состоянии опьянения — из отеля и отказался везти их *19 обратно в их родной город. Им пришлось идти пешком. Было около полуночи. Хлоя не хотела возвращаться домой, так как боялась, что мать изобьет её за поздний приход, поэтому осталась с подругой.

Ранним утром полиция забрала Хлою из дома её подруги после того, как мать сообщила о её исчезновении. Хлоя солгала полиции и матери о том, где она была. Мать Хлои

«поставила её на домашний арест» на месяц, что означало, что она была заперта дома с её хищным отчимом — период, который она описывает как «пытку».

По истечении месяца Хлоя договорилась о встрече с подругой, которая похвасталась тем, что у неё появился новый парень. Хлоя вышла из дома, чтобы встретиться с ней, и девушек забрал «парень» — который на самом деле был 25-летним индийцем.

Сначала Хлоя подумала, что мужчина приятный — «более респектабельный», чем другие мужчины, которых она встречала в центре города. Он отвез Хлою и её подругу в магазин, где купил бутылку водки, после чего забрал одного из своих друзей и отвез девушек в уединенное место. Во время поездки мужчины начали оказывать давление на девушек с целью вступления в сексуальную связь. Хлоя отказалась, заявив, что у неё начались менструации, но мужчины ответили, что это не имеет значения. Когда они прибыли на место, наступали сумерки, и «парень» вывел подругу Хлои из машины, оставив Хлою наедине с другим мужчиной, после чего тот изнасиловал её на заднем сиденье.

Этот инцидент произошел в 2003 году. В 2022 году Хлоя подала в суд на двух мужчин, но ни один из них не был признан виновным.

С этого момента жизнь Хлои покатила по наклонной. В двенадцатилетнем возрасте она начала сильно пить, употреблять большое количество каннабиса и более тяжелые наркотики, включая экстази — «всё, чтобы вытеснить это из памяти». Она пила перед школой, «просто чтобы пережить день», и её посещаемость значительно снизилась. Она и её подруга проводили школьные часы в центре города, «гуляя до тех пор, пока их кто-нибудь не заберет на машине, кто-нибудь не купит им алкоголь или кто-нибудь не даст наркотики». Бывали случаи, когда Хлоя пропадала на срок до трех дней, в течение которых её передавали из рук в руки таксистам, её накачивали наркотиками и насиловали. В каждом случае преступниками были мусульмане, преимущественно пакистанцы.

Однажды Хлоя была похищена насильником, который был за рулем в нетрезвом состоянии, и привезена на кладбище. Он дал Хлое — которой всё еще было двенадцать лет — виски, после чего ударил и изнасиловал её. Он извлек член до эякуляции и насильно засунул пустую бутылку из-под виски во влагалище Хлои, где она разбилась. Хлоя сама обратилась в отделение неотложной помощи (A&E), но вопросов о том, как она получила такую травму, задано не было. Её осмотрели, осколки стекла извлекли, и её выписали.

Хлою несколько раз допрашивала полиция в связи с её отсутствием. Каждый раз её спрашивали, где она была, с кем она была и чем она занималась. Она отвечала, что вступала в сексуальную связь с совершеннолетними мужчинами в машинах. Вместо того чтобы начать расследование и разыскать её насильников, полиция списала Хлою со счетов, назвав её проституткой. Они спросили её, соглашалась ли она на сексуальную активность, и, несмотря на то что Хлоя сказала им, что не знает определения слова «согласие», они указали в отчете, что она соглашалась.

Полиция неоднократно находила Хлою, а также других пропавших детей, в машинах с членами банды, но отпускала членов банды, даже не допросив их. В одном из случаев

Хлоя находилась в центре города, и полицейский, опознавший её как пропавшего ребенка, спросил, где она была. Хлоя рассказала этому полицейскому о полном масштабе насилия, на что полицейский ответил, что ничего нельзя сделать, и Хлою отпустили.

В ответ на её прогулы и ухудшение поведения школа регулярно помещала Хлою в изоляцию и принуждала её посещать дополнительные занятия после уроков каждый день. Это мало помогло улучшить её эмоциональное состояние, и она продолжала проводить время со своей подругой и «парнем» своей подруги.

Это продолжалось в течение нескольких лет. «Парень» снабжал девочек алкоголем и наркотиками, а также знакомил их со своими друзьями, которые были исключительно мужчинами из Южной Азии. В одном из случаев он отвез девочек на свое рабочее место — текстильную фабрику, где изнасиловал Хлою. После этого инцидента Хлоя *21

перестала проводить время с подругой, которая до этого момента сопровождала её на протяжении всей эксплуатации.

К этому времени Хлоя настолько привыкла к своему «образу жизни», связанному с проведением времени с мусульманскими бандами, что продолжала делать это без подруги. В одном из случаев, после очередного позднего возвращения домой, мать «заперла её дома» на два месяца. Опасаясь дальнейшего насилия со стороны отчима, Хлоя дошла до ближайшего офиса социальных служб, пока мать была на работе, и заявила на него. Социальные работники опросили Хлою о насилии, после чего её мать и отчим были арестованы и допрошены. Оба отрицали факт насилия и были освобождены без предъявления обвинений.

Хлоя повторно обращалась в социальные службы, и в итоге её забрали из дома и поместили в приемную семью. Она жила с парой, которая заботилась о нескольких других приемных детях, и, хотя она считала их «снобами» и склонными к осуждению, она обрела с ними некое подобие стабильности — но это длилось недолго. Она по-прежнему жила в том же городе, поэтому, когда она отправлялась в центр города — что она часто делала как одна, так и с приемными родителями — мусульманские банды узнавали её и выбирали своей целью. Она осталась в той же школе, и поскольку теперь жила дальше, приемные родители оплачивали такси, чтобы она могла туда добраться. Она просила водителей такси высадить её рядом со школой и, вместо того чтобы идти на занятия, шла в один из районов, где проводили время мусульманские банды. Банды забирали её в свои такси, накачивали наркотиками и алкоголем и подвергали сексуальному насилию.

Примерно в возрасте 13 лет Хлоя сообщила социальным службам, что подвергается сексуальному насилию со стороны банд мусульман. В ответ социальные службы не предприняли никаких мер по вмешательству, а вместо этого поговорили с Хлоей о контрацепции и сексуальном здоровье. Один социальный работник начал регулярно водить Хлою в клинику сексуального здоровья, где у неё диагностировали хламидиоз в горле и влагалище, гонорею, генитальные кондиломы и воспалительное заболевание органов малого таза. Ни социальные работники, ни персонал клиники не задавали вопросов и не сообщали об этом. Полиция знала о действиях Хлои, но вместо того чтобы

нацелиться на виновных в насилии над ней, они систематически избегали допрашивать их — не говоря уже о принятии дальнейших мер — когда Хлоя была найдена в машинах и домах вместе с ними.

Хлою вскоре перевели в другую приемную семью к гораздо более оберегающему её опекуну. Однажды в приемный дом пришла банда в поисках Хлои, и опекун вступил с ними в драку на улице, чтобы защитить её.

Примерно в то время, когда Хлое исполнилось 14 лет, к ней обратился социальный работник по поводу продолжающейся сексуальной эксплуатации. Это был один из первых случаев, когда такое произошло, и Хлоя почувствовала облегчение от того, что проблемой насилия над ней наконец занялись. Однако вместо того чтобы предложить решение, социальный работник сообщил Хлое, что продюсеры сериала «Emmerdale» ищут молодую актрису на роль жертвы сексуальной эксплуатации детей, и спросил, не заинтересована ли она в прослушивании на эту роль, учитывая её опыт. После этого разговора Хлоя — расстроенная, разгневанная и пребывающая в состоянии неверия — сбежала из приемного дома и, будучи похищенной мусульманской бандой, пропала на шесть месяцев.

В течение этого периода её перемещали в рамках торговли людьми по всей Великобритании. Её водили из «одного дома в другой», где её насиловали и подвергали издевательствам «парень за парнем, парень за парнем, парень за парнем». Мужчины, которые подвергали её насилию, платили деньги банде, которая относилась к ней почти как к товару. О её исчезновении было заявлено, и её фотографию показали по телевидению. Те, кто подвергал её насилию, заметили это: «ты та самая пропавшая девушка из телевизора», но о её местонахождении полиции так и не сообщили. Хлоя описывает цикл груминга, изнасилований, употребления наркотиков и алкоголя — это продолжалось до тех пор, пока её, в конечном итоге, не обнаружила полиция.

Когда полиция нашла её, она находилась в машине с мужчиной-мусульманином из Южной Азии. Мужчину отпустили без предъявления обвинений, а её вернули в дом матери. К этому моменту отношения Хлои с матерью были полностью разрушены, поэтому она продолжала сбегать, и её психологическое состояние еще больше ухудшилось. После очередного периода груминга и сексуальной эксплуатации мусульманской бандой Хлоя была взята под стражу полицией и доставлена в закрытое отделение детского дома.

Она описывает этот дом как тюрьму. Каждый аспект её жизни контролировался и находился под наблюдением, и она регулярно подвергалась телесным осмотрам, включая полный обыск полостей тела. Хлоя сочла этот опыт крайне травматичным. Она оставалась там в течение 9 месяцев, к концу которых ей исполнилось почти 15 лет.

Социальные службы определили, что ее состояние достаточно улучшилось для выписки, и она была передана в приемную семью недалеко от места ее прежнего проживания. Хлоя описывает новых опекунов как людей, оказавших положительное и поддерживающее влияние на ее жизнь, и — несмотря на близость к местам, где она подвергалась жестокому обращению и эксплуатации, — Хлоя обрела стабильность и безопасность, живя с ними. Она зачислилась на очный курс по парикмахерскому и косметическому искусству в

близлежащем колледже, и следующие два года Хлоя описывает свою жизнь как «фантастическую».

Когда Хлое исполнилось почти 18 лет, социальные службы уведомили ее о том, что период пребывания в приемной семье скоро закончится. Они подобрали для нее жилье, и после расставания с опекуном она переехала туда и устроилась на работу в сферу розничной торговли, чтобы обеспечивать себя самостоятельно. Несмотря на отсутствие значительного опыта в самостоятельном ведении быта, жизнь Хлои в этот период оставалась в целом стабильной.

В конечном итоге Хлоя восстановила связь с подругой, вместе с которой она подвергалась насилию в раннем детстве. Она пригласила её к себе домой, и когда та пришла, её сопровождала группа мужчин-мусульман, все из которых помнили Хлою по перенесенному ранее насилию.

Жизнь Хлои мгновенно снова погрузилась в хаос. Мужчины отказались уходить, и — по словам Хлои — «это был уже не мой тихий маленький дом. Это был их дом». Они разбили окна, выбили двери, оставили дом в состоянии «полного разгрома» и подвергли Хлою сексуальному насилию. Один из мужчин — тот, кто подвергал её насилию ранее — прижал её, спустил брюки и «сел ей на лицо», изнасиловав её орально на её собственном диване, пока остальные члены банды наблюдали за этим.

Хлоя снова начала употреблять наркотики и алкоголь, чтобы справиться с ситуацией. Хотя она всё ещё работала в сфере розничной торговли, её трудоспособность стремительно снижалась. Во время одной из смен один из её коллег — человек, с которым она состояла в дружеских отношениях, — в шутку ущипнул её за ягодицу. Хлоя, травмированная годами насилия, ударила его кулаком в лицо прямо посреди магазина. Её вызвали к руководству, и она попыталась обосновать свои действия, но была уволена. Оставшись без дохода, Хлоя погрузилась в ещё более глубокий кризис. Мусульманская банда всё ещё занимала её дом, и, не имея другого места, куда можно было бы пойти, и возможности выселить их, она осталась там вместе с ними. Они систематически накачивали её наркотиками, избивали, насиловали её, в том числе с применением предметов, таких как банки из-под газированных напитков, ключи и бейсбольная бита.

Вскоре они начали оплачивать её счета, чтобы закрепить своё присутствие в её доме. Неоднократно они приводили в дом Хлои маленьких детей, чтобы подвергнуть их насилию. Хлоя вспоминает ряд случаев, когда юноши в возрасте до 18 лет из мусульманской общины подвергались давлению и запугиванию со стороны своих старших друзей и родственников, чтобы те изнасиловали её. Хлою заставляли совершать преступления, включая страховое мошенничество и хранение наркотиков. Однажды она обратилась в полицию, чтобы сообщить о нападении, которое происходило в её доме, и по прибытии полиции арестом пригрозили Хлое, а не членам банды, так как недвижимость была зарегистрирована на её имя.

Однажды вечером в дом приехал сообщник банды из соседнего города. Будучи печально известным торговцем людьми в сфере секс-индустрии, он вскоре начал водить Хлою в

бары и ночные клубы, расположенные в округе. Там он подмешивал ей героин, прежде чем передать её мужчинам, которые подвергали её сексуальному насилию.

Хлоя стала зависимой от опиатов, и её здоровье стремительно ухудшилось. У неё развилась анорексия, и в возрасте 18 лет она весила всего ок. 32 кг. Употребление героина было методом контроля со стороны банды, так как это лишало её возможности физически защитить себя. Её повседневное существование превратилось в непрекращающийся цикл изнасилований, эксплуатации и насилия.

В конце концов, Хлою посетил социальный работник, который был потрясен как её внешним видом, так и условиями, в которых она жила. Обеспокоенная её благополучием, она отвезла Хлою в клинику лечения зависимостей, где анализы выявили чрезвычайно высокую концентрацию опиатов в её организме. Хлое назначили лекарственные препараты для купирования опиоидной зависимости, и она постепенно прекратила употребление наркотиков.

Примерно в это время Хлоя возобновила общение с другом детства, и вскоре их дружба переросла в романтические отношения. Ее бойфренд узнал о продолжавшемся насилии и с помощью своего отца погасил остаток задолженности Хлои по аренде и помог ей выехать из ее запущенного дома. Хлоя переехала к нему, после чего нашла другую работу в сфере розничной торговли. В течение короткого периода жизнь Хлои была относительно стабильной — но из-за непроработанной травмы она вскоре вернулась к сильному злоупотреблению алкоголем, употреблению каннабиса и азартным играм.

Ее рабочее место находилось недалеко от ее первого приемного дома, и вскоре она снова вступила в контакт с членами банды, которая подвергала ее насилию прежде. Цикл груминга, эксплуатации и насилия вскоре возобновился. Ее отношения с бойфрендом распались, и в отчаянии она восстановила связь со своей матерью, которая ушла от своего мужа-хищника, и вскоре снова переехала к ней.

Однажды ночью Хлоя находилась с членами банды и употребляла алкоголь в больших количествах. По её возвращении в дом матери, мать заявила на неё в полицию. Полиция арестовала Хлою, когда та переодевалась в пижаму, и её доставили в полицейский участок в состоянии алкогольного опьянения и полураздетой. Её содержали в камере до двух часов ночи следующего утра, после чего её освободили. Ей не предоставили ни одежды, ни транспорта для возвращения в дом матери. Она попыталась связаться со своим бывшим бойфрендом, но он не ответил. Хлоя, которой на тот момент было 19 лет, осталась в беспомощном состоянии.

Она несколько часов бродила по району, прежде чем встретила члена банды, который ранее подвергал её насилию. Замерзшая и в отчаянии, она села в его машину и в течение последующих недель стала жертвой торговли людьми на территории страны.

В конце концов, Хлоя нашла новый дом для переезда. Несмотря на их дисфункциональные отношения, ее мать согласилась подписать договор аренды в качестве поручителя Хлои, так как Хлоя, не имевшая на тот момент дохода, знала, что не сможет оплачивать аренду.

После переезда она обнаружила, что является единственной белой британкой в своем районе. Все остальные жители были выходцами из Южной Азии. В результате банды выяснили, где она живет, и снова стали относиться к ее дому как к своему собственному. Цикл насилия продолжился, и эмоциональное состояние Хлои значительно ухудшилось. После попытки самоубийства Хлою доставили в больницу, где она обнаружила, что беременна. Отец ребенка — нелегальный мигрант, мусульманин из Пакистана — переехал в Дом Хлои. Впоследствии Хлоя была принуждена к переходу в ислам и вступлению в брак, как для того, чтобы легитимизировать беременность в глазах своего насильника, так и для того, чтобы помочь ему в получении визы. Поведение Хлои стало жестко контролироваться. Она была вынуждена носить хиджаб, ей запрещали смотреть в окна своего дома, и, если она вела себя «неправильно» с точки зрения своего «мужа», он «избивал ее до синяков» — что происходило «каждый день».

Ребенок Хлои родился с многочисленными проблемами со здоровьем, включая дефект почки, из-за ухудшения состояния матки Хлои в результате сексуального насилия. Тем не менее, материнство придало Хлое новую решимость вернуть свою жизнь в нормальное русло. Она заявила в полицию на отца своего ребенка после того, как он напал на ребенка, и он был удален с территории жилья. Она перестала употреблять наркотики. Она была «сосредоточена», и, впервые, банды оставили ее в покое.

Однажды вечером она вышла прогуляться с подругой, которая жила через дорогу. Хлоя, ныне мать, не пила много, но её подруга оказалась в состоянии сильного алкогольного опьянения. Группа мужчин азиатской внешности заговорила с ними и предложила проводить Хлою и её подругу домой. Хлоя отнеслась к ним с подозрением, но ради подруги согласилась. Однако вместо того, чтобы отвезти их домой, их отвезли в отель.

Хлоя, которая не была пьяна, выразила протест и призвала свою подругу, которая была «в стельку», уйти вместе с ней. Хлоя предупредила подругу о том, что, по её подозрению, должно было произойти, но подруга отказалась уходить. Хлоя, думая о своей дочери и стремясь обезопасить себя, неохотно ушла без неё. На следующий день подруга Хлои рассказала ей, что была изнасилована этими мужчинами.

Этот инцидент стал поворотным моментом в жизни Хлои. Она решила, что ей нужно навсегда покинуть свой родной город и «уехать от этих азиатских мужчин как можно дальше». По воле случая она возобновила общение в Facebook с мужчиной, которого знала с раннего детства, — бывшим коллегой своей матери, которого она описывает как «одного из немногих взрослых мужчин в моей жизни, который никогда не причинял мне вреда и не обращался со мной плохо». Она рассказала ему обо всем, через что ей пришлось пройти, и о своем желании уехать. Он жил в Шотландии, и она получила приглашение навестить его на выходных, что она и сделала.

Вернувшись домой, она обратилась за поддержкой в организацию Women's Aid, которой удалось обеспечить её жильем в Шотландии. Имея при себе только дочь и небольшую сумку, она покинула свой родной город, оставив позади жизнь, полную насилия и эксплуатации, и переехала в Шотландию, где проживает по сей день.

Хлоя лично знает как минимум двадцать других девушек из своего района, которые стали жертвами тех же мусульманских банд, что подвергли насилию её саму. Схема всегда была одинаковой: груминг, воздействие наркотиками, торговля людьми, избиения и изнасилование. Кроме того, Хлоя описывает, как её водили в мечети, где имамы называли немусульман «неверными» и проповедовали, что белые женщины, которые одеваются «неподобающе», являются «свободной добычей».

Хлоя считает, что местная полиция, социальные службы, NHS и правительство были полностью осведомлены о происходящем, включая расовый характер преступлений, но не вмешивались по двум причинам: потому что они «не хотели возиться с бумагами» и потому что «не хотели, чтобы их сочли расистами». Хлоя винит эти структуры и их «активное продвижение многообразия» в перенесенном ею насилии.

Хлоя говорит: «Если я смогу спасти хотя бы еще одного ребенка, девочку или мальчика, чтобы он не прошел через всё это, значит, я выполнила свою задачу».

Фиона

Фиона выросла в семье, характеризующейся домашним физическим и тяжелым эмоциональным насилием и неоднократными попытками самоубийства ее матери, свидетелем которых Фиона была. Несмотря на исключительные академические способности, с раннего возраста у нее развились серьезные проблемы с психическим здоровьем, попытками причинить себе вред, и суицидальными мыслями.

После эскалации насилия и неудачных попыток сообщить о происходящем, в возрасте 13 лет Фиона была передана под опеку. Ее поместили в детский дом, который еще до ее прибытия был определен в телевизионном документальном фильме как учреждение с высоким риском сексуальной эксплуатации. Ненадлежащий надзор привел к тому, что она неоднократно пропадала. В возрасте 13 лет она подверглась грумингу со стороны взрослых мужчин из Пакистана, возраст которых, по ее оценке, составлял от 24 до 45 лет. Груминг начался с проявлений привязанности и алкоголя, быстро перейдя в изнасилования, наркотическую зависимость, угрозы и торговлю людьми.

Затем банда попыталась переправить её в Кашмир в целях торговли людьми. Только отсутствие паспорта помешало ей покинуть страну.

В период с 2008 по 2012 год Фиона неоднократно подвергалась изнасилованиям со стороны нескольких мужчин, связанных с организованными сетями груминга. Её часто удерживали в доме, известном как «party house» (дом для вечеринок), где одновременно могли находиться от 10 до 20 мужчин. В одном из случаев ей велели привести своих подруг, так как к владельцу приехали родственники из Бирмингема по случаю мусульманского праздника, и он «ожидал, что там будут девушки». В доме девушек регулярно называли «белыми шлюхами» (white slags), в то время как пакистанских девушек мужчины хотели сохранить «чистыми» для замужества.

Сообщается, что банды обсуждали опасения, что члены «Лиги защиты Англии» (English Defence League, EDL) нападёт на них, поэтому для защиты они держали бейсбольные

биты. Также утверждается, что они говорили о намерении появиться на демонстрации EDL с оружием.

Фиона не только стала жертвой торговли людьми и изнасилований в нескольких городах Великобритании, но и была принуждена к торговле наркотиками. Для контроля над ней использовались наркотики, запугивание и насилие. Её заставили спрятать ножи с мест двух смертельных нападений с применением ножа. Она присутствовала при перестрелке. Её мучители хвастались перед ней тем, что спрятали трупы в определенном месте. Фиона вспоминает, что через несколько дней в новостях сообщили об обнаружении тела именно в том месте, о котором ей рассказали мучители. В результате угрозы насилием имели огромный вес.

В возрасте 14 лет Фиона подверглась насилию со стороны мужчины, известного как «Рэмбо». Он незаконно въехал в Великобританию в кузове грузовика. Ранее кастрированный в Пакистане в качестве наказания за насилие над детьми, он бежал на Филиппины, где, по имеющимся сведениям, напал с большим ножом на нескольких женщин и детей, что и послужило происхождением его прозвища. Рэмбо заперся в комнате с двумя девочками и подверг их жестокому сексуальным пыткам. Этот случай продемонстрировал, что в некоторых ситуациях сексуальное насилие над детьми было продиктовано скорее стремлением к унижению и контролю, чем сексуальным удовлетворением.

В возрасте 15 лет, находясь в приюте смешанного типа, Фиона забеременела. Позже её сын был *31 изъят и отдан на усыновление из-за сохраняющихся рисков эксплуатации, однако сама Фиона осталась в той же опасной среде. Насилие продолжалось и в её взрослом возрасте. Оно прекратилось только когда ей исполнилось 18 лет, оставив её с глубокими физическими и психологическими травмами, включая ПТСР, зависимость от психоактивных веществ и долгосрочный ущерб здоровью.

Фиона заявляет, что наибольший вред был нанесен не только насильниками, но и институциональным недоверием, пренебрежением и наказаниями, которые фактически способствовали продолжению эксплуатации. По её оценкам, в общей сложности она подверглась насилию со стороны от 50 до 100 мужчин. Из них только двое не были пакистанцами.

«Мишель»

«Мишель» подвергалась физическому насилию в детстве как со стороны матери, так и со стороны отчима. У её матери на протяжении всего детства Мишель было несколько партнеров, многие из которых также подвергали её насилию, в том числе сексуальному. Она считает, что этот ранний опыт создал связь между насилием и любовью, что сделало её особенно уязвимой.

С 13 лет она подвергалась грумингу со стороны троих взрослых братьев-пакистанцев, которые снабжали её алкоголем, сигаретами и наркотиками. Она подвергалась изнасилованию в состоянии опьянения, в том числе в одном случае, когда её уводили

наверх, в то время как её сестра пыталась вмешаться. Из-за особенностей своего воспитания она считала, что это нормально — что они были её парнями и что они её любили. Она пропадала на длительные периоды времени и подвергалась систематическому ежедневному сексуальному насилию. Преступники забирали её из школы, из дома и из общественных мест, используя угрозы насилием для принуждения и контроля над ней.

В возрасте 14 лет она подверглась коллективному изнасилованию и избиению тремя мужчинами, которые заперли ее в доме. Она осталась в порезах и синяках, что привлекло внимание подруги. Подруга рассказала об этом своей матери, которая затем связалась с матерью Мишель. Была вызвана полиция, однако полицейские заявили, что при отсутствии дополнительных доказательств они мало что могут сделать. Позже один из членов банды заставил Мишель пойти с ним в полицейский участок, чтобы она забрала свои показания. Полиция признала его ее «надлежащим взрослым лицом» (*appropriate adult*) — ролью, которая обычно закреплена за родителем, близким членом семьи, социальным работником или квалифицированным специалистом. Впоследствии расследование было прекращено.

Одну из подруг Мишель, проживавшую в доме опеки, та же банда забирала прямо от входа. Персонал учреждения вызывал полицию, однако, по имеющимся сведениям, сотрудники полиции называли девочек «проститутками», несмотря на то что они были детьми. По словам Мишель, и социальные службы, и полиция не смогли понять ситуацию и полагали, что девочки занимались этой деятельностью по собственному выбору. В результате для вмешательства было мало что предпринято. Когда ее похитили и она пропала без вести, ее никто не стал искать. Однажды социальный работник сказал ей, что в возрасте 14 лет ей разрешат жить со своим 30-летним «парнем», при условии, что они не будут находиться в одной комнате.

Мишель подвергалась изнасилованиям в помещениях для мусорных баков, ей угрожали ножом и принуждали к сексу с многочисленными мужчинами, ожидавшими в машинах. Ее накачивали наркотиками, избивали, обжигали сигаретами, запирали в комнатах и передавали от одного мужчины к другому. Зал игровых автоматов использовался в качестве прикрытия для торговли наркотиками и сексуальной эксплуатации детей. В детстве в результате изнасилований она четырежды беременела, что привело к выкидышам, одному аборту и одному выжившему ребенку. О своих насильниках она заявляет: «98% из них были мусульманами-пакистанцами. Если нет, то мусульманами-иракцами или курдами».

Мишель считает, что эти банды оставались неприкасаемыми, поскольку власти боялись получить ярлык расистов. Она описывает разветвленную сеть насильников, действующих по всей стране, называя ее масштаб «промышленным». Она функционирует как большая центральная сеть с более мелкими связанными группами в конкретных населенных пунктах. Мишель утверждает, что за три года ее изнасиловали от шестисот до семисот разных мужчин. Сейчас она живет с тяжелым ПТСР и пожизненной травмой, описывая и свое детство, и свое будущее как разрушенные.

«Уитни»

«Уитни» выросла в неблагополучной семье. Ее мать страдала серьезными психическими расстройствами, а отец отсутствовал в ее жизни.

В возрасте 15 лет она впервые подверглась грумингу и сексуальному насилию со стороны двух совершеннолетних братьев-пакистанцев. Как вспоминает Уитни, один из братьев выступал в роли бойфренда. Оба брата регулярно водили её в квартиру в Бирмингеме, обеспечивали её алкоголем, и, по её словам, она «занималась с ними сексом».

Вскоре их взаимодействие с Уитни стало носить насильственный характер. Они начали избивать её, а в одном случае приложили раскаленный утюг к её лицу. Уитни вспоминает, что братья перестали с ней связываться после того, как пришли за ней домой и обнаружили всех её дядей, сидящих на стене снаружи. После этого случая они больше не возвращались. Она не помнит точно, как и почему её дяди там оказались, но полагает, что её мать попросила их вмешаться.

Много лет спустя дочь Уитни в возрасте одиннадцати лет начала заниматься самоповреждением и даже пыталась покончить с собой. В её телефоне были обнаружены сообщения сексуального характера. Дочь рассказала Уитни, что в школе была «сексуальная комната», которой управляли старшие мальчики. Глубоко обеспокоенная состоянием дочери, Уитни обратилась в социальные службы. Те предложили мало какой поддержки, кроме обсуждения проблем. В одном из случаев социальные службы случайно отправили ей дела шести других детей вместо дела её дочери, что заставило её глубоко усомниться в их способности помочь.

Дочь Уитни принудили отправить изображение сексуального характера, которое затем распространилось по нескольким школам, местному сообществу и, в конечном итоге, в интернете. Это привело к тому, что она стала привлекать нежелательное внимание взрослых мужчин различных этнических групп и из разных стран. С этого момента дочь Уитни стала регулярно пропадать. Эти исчезновения были напрямую связаны с сексуальными требованиями и эксплуатацией со стороны подростков старшего возраста и взрослых мужчин.

Ей угрожали насилием, если она обратится в полицию, и иногда она возвращалась домой без некоторых предметов одежды. Уитни неоднократно сообщала о своих опасениях в полицию и социальные службы, четко заявляя, что, по ее мнению, ее дочь подвергается сексуальной эксплуатации.

Реакция полиции часто была запоздалой, показания не снимались, а расследования закрывались без принятия дальнейших мер. Социальные службы отказались переселить семью, снизили уровень риска и, в конечном итоге, закрыли дело, несмотря на продолжающуюся эксплуатацию.

Винили саму Уитни, а её собственное прошлое использовалось для того, чтобы подорвать её авторитет как родителя. Её семья получала неоднократные угрозы, включая предупреждения о том, что их дом будет сожжен, их изуродуют и порубят на куски (мачете). Позже Уитни обнаружила, что её дочь была включена в Национальный механизм

перенаправления (NRM) в качестве жертвы торговли людьми — без её уведомления. NRM представляет собой официальную систему Великобритании по идентификации, перенаправлению и поддержке жертв торговли людьми и современного рабства и служит признанием уполномоченным специалистом того, что лицо является потенциальной жертвой торговли людьми или современного рабства.

«Салли»

«Салли» — мать дочери, которая была признана виновной по девяти пунктам обвинения в воспрепятствовании правосудию за ложные показания о том, что она подверглась грумингу со стороны азиатской банды грумеров, и была приговорена к восьми годам тюремного заключения. Несмотря на это, Салли считает, что существуют доказательства, свидетельствующие о том, что её дочь была подлинной жертвой этих банд.

Салли описала ранее стабильную жизнь работающей семьи, до того момента, как нестабильность с жильем и семейный стресс совпали с изменениями в поведении ее дочери. Сделка по покупке дома, который приобретала семья, сорвалась, но они уже выехали из своего семейного дома, и все их вещи находились на складе. Друг семьи смог сдать им в краткосрочную аренду частично отремонтированное жилье, однако оно не было идеальным для семьи с четырьмя детьми. Предполагалось, что это будет временно, но в итоге семья прожила там десять месяцев.

Ее дочь начала выдумывать истории и рассказывать в школе для оправдания прогулов, например, утверждая, что мать и отчим уезжают, оставляя ее присматривать за пятилетним братом. Это привело к вмешательству школы в их семейную жизнь. Стресс, в котором находилась семья, привел к ссорам, в результате которых были привлечены как полиция, так и социальные службы. После окончания школы в возрасте 16 лет дочь Салли начала работать в местном пабе.

Однажды ее пригласили на вечеринку. Позже тем же вечером Салли получила звонок от одной из подруг дочери, которая сообщила, что ее дочь лежит на тротуаре перед домом. Если Салли не сможет ее забрать, они собирались отвести ее на автобусную остановку и оставить там, так как она слишком сильно шумела. Когда мать нашла ее лежащей на земле, она издавала ужасающие завывания и постоянно просила ее не трогать. Мать поняла, что что-то серьезно не так, и отвезла ее в больницу.

Дочь Салли сообщила медсестре, проводившей осмотр, что она подверглась сексуальному насилию. В медицинских записях больницы было отмечено, что её половые органы были опухшими и покрасневшими. Больница сообщила об инциденте в полицию. Затем дочь Салли начала получать угрозы через Snapchat, испугалась исхода дела и вышла из процесса. Примерно в то же время социальные службы закрыли свое *40 дело в отношении семьи. Салли полагает, что её дочь не хотела привлекать дополнительные проблемы в дом.

Позже в суде выяснилось, что они все курили каннабис. Салли считает, что её дочь принимала в этом участие и что с ней что-то случилось, однако она была признана виновной во лжи о том, что подверглась изнасилованию.

Затем дочь Салли начала работать помощником на кухне в доме престарелых и уборщиком стаканов в ночном клубе, в дополнение к своей работе в пабе. По достижении 18 лет она смогла работать за барной стойкой в ночном клубе, где её поведение начало меняться. Она возвращалась домой с порезами и синяками. Однажды она вернулась с синяком под глазом и сказала, что в ночном клубе произошла драка и её ударили случайно. Она выглядела более уставшей и подавленной, чем обычно.

Салли начала замечать, что телефон её дочери звонил регулярно, и на экране появлялись имена «азиатских» мужчин. Когда её спрашивали о них, дочь пыталась скрыть эти звонки. Менеджер бара запретил её дочери работать в основном зале, так как она была маленького роста и им было трудно за ней уследить. Также они следили за тем, чтобы она всегда работала в паре с более старшим сотрудником, поскольку «азиатские» мужчины домогались её, если она работала одна. Один «азиатский» мужчина подарил ей золотую цепочку.

Дочь Салли начала говорить, что хочет съехать из дома. Она регулярно ездила поездом в соседний город. Салли забирала её и провожала на станцию, и по её виду никогда нельзя было сказать, что она употребляла алкоголь или наркотики. Однажды Салли вернулась домой и обнаружила, что дочь ушла, забрав свои вещи, и игнорировала её звонки. Она сказала коллегам по работе, что переехала, потому что отчим причинял ей вред, но это было неправдой.

После нескольких дней поисков Салли удалось выяснить, куда переехала её дочь. Прибыв в квартиру, она обнаружила свою дочь в компании двух полицейских, которым та заявляла об изнасиловании. Когда дочь передала свой телефон в качестве улики, полиция обнаружила сотни сообщений от «азиатских» мужчин. Они полагали, что она стала жертвой груминга. Позже её признали виновной во лжи об изнасиловании, о котором она сообщила.

Весь следующий год Салли тридцать девять раз заявляла о пропаже своей дочери. Та часто появлялась в различных городах региона избитая, в синяках, в состоянии опьянения или под воздействием наркотиков. Обычно она была без нижнего белья и проводила в больнице всё больше времени. Одно подразделение полиции направило запрос в NRM, полагая, что она является жертвой торговли людьми. Другое подразделение полиции неоднократно арестовывало её и изымало её телефон, из-за чего орган, осуществляющий прием заявок, не мог с ней связаться, так как её номер постоянно менялся.

Один инцидент был связан с тем, что дочь Салли заперли в комнате над индийским рестораном, и мужчина отказывался её выпустить. Полиция проигнорировала это, полагая, что она лжет. Другой инцидент был связан с тем, что за ней следовал мужчина «азиатской внешности», пытавшийся схватить её и увести с собой. К счастью, она была со своей сестрой и друзьями, которые быстро посадили её в такси и отправили домой. Этот же мужчина позже был арестован за незаконное проникновение в дом женщины и совершение сексуального насилия над ней, пока она спала, — тем не менее, полиция всё равно настаивала на том, что дочь Салли лгала о предыдущем инциденте. Полиция полагала, что у неё было психическое расстройство и она намеренно наносила себе вред и помещала

себя в опасные ситуации. Они хотели принудительно госпитализировать её в психиатрический стационар, но врач не согласился, отметив, что она всё ещё сохраняла дееспособность.

Еще один инцидент был связан с другим «азиатским» мужчиной, который отказался покинуть квартиру дочери Салли. Полиция велела ему уйти, но не задала никаких вопросов. Он оставил после себя балаклаву, однако полиция не проявила интереса, несмотря на то, что он был в ней при посещении молодой женщины. После того как дверь ее квартиры была выбита в ходе еще одного инцидента, произошедшего в то время, когда она пропала без вести, она вернулась в дом своей матери.

Дочь Салли позже объяснила, что переехала, чтобы обеспечить безопасность своей семьи. Она утверждала, что ей сказали: если она не будет делать то, что велят ее обидчики, они причинят вред ее брату, изнасилуют ее сестру и подожгут дом. Она лгала своим коллегам об отчине, чтобы избежать последствий для семьи.

Она снова пропала без вести. Полиция заявила, что, по их мнению, она всё выдумала и сама наносила себе увечья, поэтому они предъявили ей обвинение в воспрепятствовании правосудию. Часть условий ее залога требовала, чтобы она не покидала дом Салли.

На следующей неделе ее дочь совершила попытку самоубийства путем передозировки. Она пропала без вести в последний раз и была найдена в поле с травмами головы и уха, отрезанным пальцем, а также многочисленными порезами и синяками.

После этого она написала пост в Facebook, в котором утверждала, что стала жертвой банд груминга. Пост стал вирусным. В течение получаса полиция арестовала ее, и она была отправлена в тюрьму.

После осуждения дочери семья Салли подвергалась систематическим домогательствам и запугиванию, в частности, со стороны одного мужчины-мусульманина. Салли сообщает о неоднократном бездействии полиции в вопросе их защиты. Она считает, что её дочь была уязвимой молодой женщиной, которая временами лгала, но, тем не менее, подверглась грумингу.

Марлон

Марлон является отцом дочери, которая неоднократно становилась жертвой груминга, а также неоднократно сталкивалась с бездействием властей.

Марлон несколько раз заявлял о пропаже своей 14-летней дочери Скарлетт, поскольку она подвергалась грумингу и эксплуатации. Полиция сообщила социальным службам, что действия Марлона были уместными, так как он действовал в целях обеспечения безопасности своей дочери. Однако социальные службы не приняли оценку полиции и вместо этого затянули расследование на три месяца. В течение этого времени его дочь сообщила о своих опасениях в школе, что привело к визиту социальных служб по адресу проживания Марлона. В присутствии его дочери они сказали ему, что если он попытается помешать ей покинуть дом, ей следует вызвать социальные службы или полицию.

Подрыв его родительского авторитета социальными службами привел к резкому обострению эпизодов её исчезновений. Социальные службы фактически дали ей разрешение исчезать, после чего дело было закрыто без какого-либо значимого вмешательства. Марлон подал официальную жалобу в социальные службы, заявив, что с трудом справляется с эпизодами исчезновений своей дочери. Социальный работник, назначенный ему после этого, открыто заявил ему, что они взялись за это дело только из-за его жалобы. Из-за этого он почувствовал себя источником проблемы, а не родителем, обеспокоенным защитой своей дочери от жестокого обращения.

В одном из случаев Марлон встал перед дверью, чтобы помешать дочери уйти поздно ночью, в результате чего она неоднократно нанесла ему удары ногами, сломав три его пальца. Он сообщил об этом в социальные службы, которые просто заявили, что ему следует отойти, когда она становится агрессивной. Даже после того, как он показал им синяки на спине, полученные при попытке отойти, они не изменили своих рекомендаций. Марлон по-прежнему убежден, что если бы его ребенок был мальчиком, а он сам — женщиной, реакция была бы иной.

Марлон часто проводил вечера в поисках дочери за рулем автомобиля до трех или четырех часов утра, при этом на следующий день ему нужно было выходить на работу, что привело к проблемам с работодателем. Марлон часто заявлял о её пропаже в полицию, представители которой иногда появлялись у него дома спустя много часов. В одном из случаев он увидел видеозапись, на которой полиция говорит, чтобы его даже не будили. Это заставило его почувствовать проблемой скорее себя, чем ситуацию — чрезвычайным случаем для обеспечения безопасности его ребёнка.

Скарлетт была незаконно отчислена из школы из-за поведения, связанного с грумингом, и зачислена в новую школу, в которой действовала банда грумеров. В конечном итоге было созвано межведомственное совещание по управлению рисками с участием служб по делам детей и группы полиции по поиску пропавших из дома (Missing from Home team). Во время совещания один из присутствовавших полицейских сказал Марлону прекратить подавать заявления о пропаже его дочери. Марлон оспорил это, в результате чего полицейский накричал на него в присутствии всех собравшихся. Вскоре этот офицер был уволен. Присутствовавшие социальный работник и руководитель не вмешались, но в частном порядке признали, что он был прав, продолжая сообщать о пропаже дочери. Они отказались подать официальную жалобу на офицера.

Вскоре после этого его дочь пропала на несколько дней и в итоге была найдена в доме матери Марлона; она была неопрятна, пребывала в состоянии стресса и заявляла, что была изнасилована. Персонал по уходу вернул её на место изнасилования, тем самым уничтожив возможности для сбора криминалистических улик, и не сообщил об этом в полицию в течение нескольких дней. Марлону пришлось самостоятельно обратиться в центр помощи жертвам изнасилований, к тому времени, когда криминалистические улики уже были утрачены.

Дочь Марлона в итоге была помещена в специализированное учреждение закрытого типа, где она подверглась дальнейшему насилию, включая сексуальное насилие со стороны

персонала и других детей, пренебрежению нуждами и провалам в системе обеспечения безопасности. Марлон подал многочисленные жалобы. На судебном заседании социальные службы попытались включить его дочь в план защиты ребенка по причине эмоционального насилия и пренебрежения со стороны самого Марлона. Однако судья вмешался и распорядился изменить запись, указав, что ситуация находится вне родительского контроля.

Дочь Марлона продолжала перемещаться между неподходящими местами размещения. Она неоднократно подвергалась грумингу, торговле людьми, была принуждена к сбыту наркотиков и подверглась изнасилованиям со стороны взрослых мужчин. В результате изнасилования она забеременела. Действия специалистов по прерыванию её беременности были травматичными и халатными. Позже полиция предъявила Скарлетт обвинение в намерении сбыть наркотики класса А, несмотря на то, что она являлась жертвой торговли людьми и состояла на учете в Национальном механизме перенаправления (National Referral Mechanism). Скарлетт была помещена в блок, полностью управляемый персоналом из числа мужчин-мусульман, где она снова подверглась грумингу. В её адрес звучали расистские оскорбления и экстремистские высказывания. Марлон снова выразил обеспокоенность, которая была проигнорирована.

Несмотря на его неоднократные попытки помочь дочери, он неоднократно подвергался насилию с ее стороны — поведение, обусловленное травмами и грумингом. Он пережил множество нападений, получал синяки под глазами и был вынужден спать, забаррикадировавшись в своей комнате. Он неоднократно запрашивал поддержку в связи с домашним насилием, но ему отказывали, поскольку он был родителем мужского пола. Его заставляли проходить курсы родительства и обвиняли в насилии над его дочерью.

Весь этот опыт нанес Марлону финансовый, эмоциональный и психологический вред. Он заявляет, что это разрушило его жизнь. Он больше не тот человек, каким был раньше. Случай Марлона подчеркивает, что родители также могут стать жертвами как сетей груминга, так и широко распространенного институционального провала.

Если вы хотите узнать историю Марлона более подробно, недавно он опубликовал книгу о своем опыте под названием «In Plain Sight» (2026).

«Уоллес»

Раннее детство «Уоллеса» в Шотландии было отмечено бедностью, нестабильностью и отсутствием постоянной защиты со стороны взрослых. Его мать страдала от проблем с психическим здоровьем и злоупотребления психоактивными веществами. Ей было трудно осознать ситуации, в которые она ставила своего сына, и она часто не предпринимала попыток вмешаться, что позволяло насилию над Уоллесом продолжаться. Мать Уоллеса подвергала его психологическому и эмоциональному насилию на протяжении всего его детства.

С раннего возраста в его жизни появлялись и исчезали взрослые мужчины, и его побуждали называть их «папой» или «дядей». Это создавало впечатление нормальности

того, что взрослые мужчины находились рядом с ним в детстве. Он сменил множество различных домашних условий и научился принимать ситуации без вопросов. Его ранний опыт привел его к убеждению, что взрослые могут вторгаться в его личное пространство без согласия, что страх следует терпеть и что он не имеет никакого контроля.

Самое раннее воспоминание Уоллеса о насилии относится к периоду, когда ему было четыре или пять лет, когда взрослый вошел в его спальню ночью и лег с ним в постель. Он не смог определить, кто это был, но инстинктивно чувствовал, что это было неправильно. Его основными насильниками были партнер его матери и брат этого партнера, которые оба обладали властью над Уоллесом и воспринимались как заслуживающие доверия взрослые. Они были связаны с местной байкерской группировкой. Не все члены группировки были причастны к насилию, но причастна была основная группа мужчин.

Уоллес вспоминает, как его привели в дом, где находилось несколько мужчин. Там была мрачная атмосфера, освещение создавали свечи, возможно, в подсвечниках в форме змей, расставленных возле камина. Обстановка казалась преднамеренной и постановочной. Несколько взрослых сидели вокруг и наблюдали за ним, что инстинктивно заставляло его чувствовать себя в опасности. Его отвели в спальню, где взрослый обездвижил его и изнасиловал.

Брат партнера его матери разговаривал с ним так, будто произошедшее было нормальным, несмотря на значительную боль и эмоциональное потрясение, которые он испытывал. Уоллес спросил, получит ли он игрушку за то, что случилось. Он ее получил, но она была дешевой и незначительной. Уже тогда он понял, что никакой реальной компенсации за то, что с ним произошло, не существует. Аналогичная схема насилия повторялась неоднократно.

Уоллес помнит, что видел присутствующих других мальчиков и девочек, которых обычно удерживали силой и подвергали воздействию наркотических средств. Он также помнит, что ему самому давали наркотические средства, после чего он терял сознание. Он часто просыпался один или с другими пострадавшими от насилия детьми, дезориентированным и в состоянии стресса. Это нанесло долгосрочный психологический вред.

В определенный момент полиция провела рейд по данному адресу. Его вывели на улицу и по очереди показывали взрослых, спрашивая, узнает ли он их. Его подготовили говорить, что эти мужчины — его «дяди», и он так и сказал. Он ассоциировал представителей власти со страхом и хотел избежать того, что, по его мнению, могло быть неправильным ответом. В результате вмешательство полиции не защитило его. Последующих мер по обеспечению безопасности предпринято не было, и он вернулся в среду, где подвергался насилию.

Себастьян

Себастьян вырос в Шотландии в благополучной семье. Мать Себастьяна имела квалифицированную работу, владела собственным домом и автомобилем, и семья регулярно вместе ездила в отпуска. Несмотря на этот относительно благополучный бэкграунд, нетипичный для жертв насилия, Себастьяна с шестилетнего возраста

подвергали изнасилованиям и насилию члены семьи — без ведома матери Себастьяна. Эти члены семьи внушили Себастьяну убеждение, что для того, чтобы быть в безопасности, необходимо давать им то, чего они хотят. Это привело к тому, что у Себастьяна сформировался искажённый взгляд на межличностные отношения.

В возрасте одиннадцати лет эти члены семьи, подвергавшие его насилию, познакомили Себастьяна с владельцем местного кафе. Владелец бесплатно кормил Себастьяна, подвозил его на машине и давал бесплатные билеты в кино, чтобы вызвать доверие и чувство обязательства. После этого они начали использовать Себастьяна для оказания сексуальных услуг ряду лиц. Среди них были внешне респектабельные люди, такие как агенты по недвижимости, юристы, социальные работники по уходу за детьми и даже сотрудники полиции. Даже в школе-пансионе Себастьяна насиловали, подвергали нападениям и грумингу сотрудники школы и связанные с ними взрослые, при этом медицинские работники часто игнорировали травмы Себастьяна. Все, кто подвергал Себастьяна насилию, были белыми британцами.

В зрелом возрасте и в последние годы насилия Себастьян узнал о более широком функционировании сетей груминга как в тихой сельской местности, так и в городе. В возрасте 40 лет Себастьяну наконец удалось вырваться из цикла насилия, который длился почти четыре десятилетия. После многолетнего насилия Себастьян, родившийся биологически женщиной, совершил трансгендерный переход и теперь идентифицирует себя как транс-мужчина. Себастьян сделал это формально в 41 год и медицински — в 48. Однако при описании насилия, перенесенного в детстве, для Себастьяна остается важным признать, что эти события происходили, когда он жил в качестве девочки и воспринимался как таковая.

Себастьян признает, что этот переход был, по крайней мере частично, следствием перенесенного насилия, и чувствует себя в большей безопасности от дальнейшего насилия, представляя себя мужчиной. Себастьян признает глубокое влияние, которое травма может оказать на жизнь человека, и считает, что разные люди находят разные способы справиться с этим. Для некоторых это может означать выбор определенной карьеры или отношений или совершение нездорового выбора, связанного с употреблением веществ или алкоголя; для Себастьяна переход и обретение покоя в том, чтобы быть «Себом», стали путем к восстановлению.

Себастьян описывает исцеление от травмы как форму трансформации. Для Себастьяна эта трансформация включала в себя смену личной идентичности и обретение чувства безопасности, которого он никогда не знал, живя в качестве женщины. Себастьян понимает, что другие могут не до конца понимать пути, которыми люди идут, чтобы справиться с травмой, но надеется, что, по крайней мере, они попытаются понять. Сейчас Себастьян выступает в защиту других пострадавших с целью защиты уязвимых людей и оказания помощи в разработке местных мер по предотвращению насилия над детьми.

«Анна»

Анна выросла в стабильной семье среднего класса, где присутствовали оба родителя. Впервые она подверглась насилию в возрасте 13 лет со стороны молодого человека, которому было почти 18 лет и с которым она познакомилась через друзей. Он начал их общение с того, что известно как «лавбомбинг»: он делал ей комплименты, регулярно писал сообщения, предлагал покупать ей подарки и алкоголь, просил присылать свои фотографии и обсуждал встречу.

Они договорились встретиться на местной автобусной остановке и поехать в город. В последний момент он изменил план и попросил Анну встретить его в конце тропинки в ближайшем лесу. По прибытии его поведение было холодным и агрессивным. Он потребовал, чтобы Анна сделала ему оральный секс, и пригрозил рассказать знакомым ей людям, что она присылала ему откровенные фотографии и что у них уже был секс. Чувствуя угрозу и испытывая страх, она подчинилась.

Без ведома Анны он тайно записал произошедшее. Спустя несколько дней несколько мужчин добавили её в Snapchat и начали насмехаться над ней и издеваться. Сам преступник отправил Анне видео, смеялся и сказал ей, что поделился им со своими «парнями и братьями», в результате чего она почувствовала себя униженной, напуганной и травмированной. Анна сообщила о нападении в полицию, но, несмотря на объяснения относительно принуждения и угроз, дело было закрыто без расследования факта создания или распространения материалов с сексуальным насилием над детьми.

Слухи быстро распространились среди сверстников Анны, и она подвергалась насмешкам и оскорблениям на публике. Год спустя Анна познакомилась с тремя братьями-мусульманами через подругу, которая уже подвергалась с их стороны грумингу и насилию. В общественном парке они предоставили ей алкоголь и сигареты и дождались, пока она будет в состоянии сильного опьянения, прежде чем начать совершать насилие над ней. Один из братьев затащил её за дерево и, несмотря на её неоднократные отказы, лапал её грудь. Когда она попыталась сбежать, он с силой толкнул её об дерево, в результате чего она ударилась головой и получила сотрясение мозга.

Груминг продолжался посредством угроз в адрес её семьи, запугивания, вербального насилия, а также циклов проявлений нежности, подарков и принуждения. Анна не чувствовала себя в безопасности, чтобы сообщить о насилии в полицию. В другой раз ей снова предоставили алкоголь. Один из братьев с силой схватил её за тело, впился ногтями в неё и неоднократно пытался снять с неё нижнее белье, смеясь. Анна тихо плакала, чувствуя себя бессильной остановить домогательства. После этого она попыталась прекратить контакты, но один из братьев разыскал её и стучал в дверь, крича, в то время как она пряталась внутри, пока он не ушел. Из страха она подчинилась дальнейшим требованиям встретиться с братьями, что привело к новым случаям насилия.

Прошло почти четыре года, прежде чем состоялся какой-либо суд, в основном из-за пандемии COVID-19. Преступники использовали это время, чтобы распространять слухи, представляя насилие как добровольное, и хвастаться совершенными нападениями. В зале суда издевательства и запугивание продолжились: они корчили гримасы, тыкали в неё пальцами и смеялись, а также делали грубые замечания по поводу её внешности. Суд не

отреагировал на это поведение. Один из братьев был осужден за сексуальное насилие и, когда его взяли под стражу, выкрикнул: «Аллаху Акбар».

Во время вынесения приговора сестра брата выкрикивала оскорбления в адрес Анны, угрожала ей, а позже раскрыла её анонимность в сети. Она обвинила присяжных, заявив, что они «все белые». В итоге она была арестована, и ей были предъявлены обвинения в преследовании.

Анна утверждает, что существует общая неспособность признать роль этнической принадлежности, религии и культурной динамики в организованной сексуальной эксплуатации из-за страха перед обвинениями в расизме.

«Тейлор»

В возрасте двенадцати лет «Тейлор» через своих подруг была представлена мужчинам старшего возраста, многие из которых были взрослыми мужчинами-мусульманами. Сначала они начали подвозить её из школы домой, иногда на черных кэбах, а иногда на своих собственных автомобилях. Тейлор видела, как мужчины покупали подарки её подругам, и поначалу сама хотела тоже получать подарки.

Однажды, вместо того чтобы отвезти её в школу, её отвезли в дом сестры одного из мужчин, где её учили готовить «азиатскую еду». Её подруги проводили с мужчинами больше времени, но поскольку её родители ожидали, что она будет возвращаться домой сразу после школы, её контакты с ними, помимо поездок в машине, были ограниченными. Она отмечает, что её подруги уже занимались «взрослыми» вещами, такими как курение, употребление алкоголя и посещение клубов, в то время как она всё ещё сохраняла более детский склад характера.

Такая ситуация продолжалась в течение трех лет, до тех пор, пока ей не исполнилось 15 лет, когда началось насилие. Она начала ходить вместе с подругами в ресторан, которым управляли мужчины-мусульмане, чтобы помогать с доставкой. Ситуация обострилась, когда один из работавших там мужчин — 35-летний выходец из Бангладеш — поцеловал её, из-за чего она убежала. Этот же мужчина позже изнасиловал её, когда ей было 15 лет. Поскольку её подруги также подвергались насилию, Тейлор считала, что это нормально, и что этот мужчина был её парнем. Однако, когда она застала его с одной из своих подруг, она поняла, что это было не так. После этого её поведение резко изменилось: она начала прогуливать школу и сильно пить.

Во время семейного инцидента, приведшего к вызову полиции, отец Тейлор упомянул о своих подозрениях, что она подвергалась насилию со стороны мужчин азиатского происхождения. Полиция ответила, что они ничего не могут сделать, так как она «дала согласие». Полицию вызывали неоднократно в связи с насилием в отношении Тейлор и её подруг, но сотрудники полиции последовательно отказывались принимать меры. Единственный раз, когда ей помогли, был случай, когда в полицию позвонила группа «азиатских» девушек; тогда офицеры доставили Тейлор и её подругу домой. Тейлор

считает, что в тот раз они вмешались только потому, что не хотели столкнуться с обвинениями в расизме, учитывая, что звонок поступил от «азиатских» женщин.

К 16 годам её познакомили со многими другими мужчинами, и они постоянно помогались ей по телефону. Некоторые мужчины поначалу казались добрыми и заботливыми, заставляя её поверить в то, что у них сложились отношения, но лишь для того, чтобы заманить её в ситуации, где она подвергалась групповому изнасилованию. Они использовали сочетание ложной доброты, физического насилия и алкоголя, чтобы принуждать её и контролировать её. Машины останавливались на улице, и от неё требовали сесть внутрь. Её насиловали, а затем отвозили к следующему насильнику. Она утверждает, что в некоторые ночи её передавали до десяти разных мужчин, и, по её оценкам, всего она подверглась насилию со стороны около 100 мужчин.

Одной из распространенных тактик, использовавшихся бандами, была отправка такси за пьяными девушками поздно ночью. Водитель делал вид, что заезжает в магазин за напитком, а затем уезжал, оставляя девушку одну. После этого группа мужчин «спасала» ее, чтобы затем отвезти в заранее подготовленный дом для группового изнасилования. Ряд женщин также играли роль в направлении девушек к их насильникам в обмен на подарки и деньги. Эти женщины заманивали девушек в ловушку в помещениях или использовали насилие, чтобы принудить их. Тейлор была свидетелем расстрелов, ей приставляли ножи к горлу и пистолет к голове. Банды использовали смерть одной из других девушек в качестве рычага давления, угрожая, что любой, кто заговорит, станет следующей жертвой.

Осознав, что ей необходимо вырваться из этого насилия, Тейлор дала полиции подробные двадцатистраничные показания. Она предоставила номера телефонов более чем ста «азиатских» мужчин и показала сообщения, в которых мужчины угрожали изнасиловать ее мать, избить отца и сжечь семейный дом. Расследование не последовало. И ее школьные учителя, и ее врач общей практики знали, что происходит что-то серьезно неправильное, но не стали развивать свои подозрения дальше.

«Мари»

«Мари» родилась в родильном доме для незамужних матерей и выросла с матерью и бабушкой. Её мать была жестокой и подвергала её насилию. Она намеренно доводила Мари до слез, непристойным образом прикасалась к ней и проявляла агрессию. Она ходила в школу с рассечёнными губами, синяками под глазами, гематомами и следами по всему телу. Её никогда не спрашивали о том, что произошло. Ей не разрешали выходить на улицу, заводить друзей, и её регулярно называли унижительными именами.

При изучении её медицинской карты во взрослом возрасте обнаружили задокументированные опасения, начиная примерно с годовалого возраста. Были записи о сыпи «внизу» с зафиксированными вопросительными знаками. Имелись и другие записи, где состояние описывалось как возможная пеленочная сыпь, также с вопросительными знаками. Спустя семь лет врач сделал пометку, что она была ребенком, за которым следует «присматривать». Её мать отказалась обсуждать ситуацию в присутствии Мари в комнате. Обследование показало, что у неё были серьезные проблемы с кишечником и

гинекологические проблемы. Несмотря на признаки насилия, никаких мер по обеспечению её безопасности принято не было.

Примерно с семи лет партнер матери Мари начал заниматься грумингом и подвергать ее сексуальному насилию. Он приносил ей подарки, а затем прикасался к ней неподобающим образом. Мари говорила ему, что то, что он делает, — это «плохо» и ей это не нравится. Он отвечал ей, что мать сказала ему, что это разрешено. Мать спрашивала «Мари», как она ладит с ним, требовала, чтобы она поблагодарила его «должным образом», и угрожала разозлиться, если этого не будет сделано. Она была соучастницей, и насилие продолжалось в течение многих лет.

Ее мать намеренно позорила ее. Когда у Мари начались менструации, она думала, что умирает, но мать сказала ей, что менструации бывают у «грязных девочек». Она намеренно давала ей такие прокладки, которые протекали, чтобы иметь возможность позорить и наказывать ее. Если у нее на лице появлялся прыщ, мать наносила на него большой комок мази и велела не стирать его, иначе люди не узнают, что она «грязная». Когда она плохо себя чувствовала, мать просила своего партнера втереть ей в грудь Varouf Rub. Мать замачивала ее нижнее белье в отбеливателе и заставляла его носить, что до сегодняшнего дня причиняет Мари дискомфорт. В одном из случаев мать и ее партнер насильно засунули ей бутылку во влагалище, чтобы причинить ей боль. Мать прикрепляла бельевые прищепки к ее клитору, чтобы посмотреть, как долго Мари могла выдержать. Мать Мари также подготавливала её для других, и Мари была вынуждена делить с ней постель.

Партнер её матери отвез Мари в дом другого мужчины, где её изнасиловали. Он начал передавать её другим преступникам, которых знал по работе и которые действовали как организованная группа или банда. В результате насилия она забеременела. Дважды мать водила её в дом к одной женщине. Там эта женщина с помощью спицы проводила аборт. Муж этой женщины также изнасиловал её.

Когда она была в возрасте ученицы начальной школы, ей во влагалище вставляли крышки от бутылок, а затем заставляли выпивать содержимое этих бутылок. Бывали случаи, когда она сталкивалась с членами сети, занимавшейся её грумингом, которые заманивали её в уединенное место и насиловали. Перенесенное ею включало в себя крайнюю степень сексуального насилия и унижения. На протяжении многих лет её неоднократно насиловали, в том числе анально. Она подвергалась проникновению с использованием предметов. На неё мочились. Её ноги удерживали раздвинутыми. Её кусали за спину, резали по ноге и душили. У неё остались стойкие травмы.

Мари пыталась покончить с собой в школе, бросившись под фургон. В колледже она выпила бутылку водки и приняла упаковку таблеток в попытке совершить самоубийство. Консультант колледжа выразил обеспокоенность и связался с её домашним врачом, но ничего не было предпринято. В период между окончанием школы и поступлением в колледж, в возрасте семнадцати лет, она подверглась грумингу со стороны 55-летнего сержанта полиции. Он знал о её прошлом и утверждал, что поймает её обидчика и добьется для неё справедливости. Вместо этого однажды вечером он выманил её из дома и изнасиловал её. Впоследствии он изнасиловал её еще раз.

По достижении совершеннолетия она обратилась в приют организации Women's Aid в целях безопасности. Её перевезли в безопасное место. Однажды её мать и партнер пришли в офис Women's Aid, но там отказались предоставить им информацию и ввели дополнительные меры по защите Мари. Находясь в безопасном доме, она перенесла выкидыш; плод был зачат от партнера её матери. После этого Мари в состоянии алкогольного опьянения позвонила матери и рассказала ей о случившемся. Даже после объяснения того, кто её оплодотворил, её мать сказала: «Мы бы с радостью приняли ребенка в доме».

В последние годы она обращалась в полицию и сообщила, что является пострадавшей от сексуального насилия в детстве, а ей ответили, чтобы она уходила и «привела голову в порядок». Ни один из виновных не был привлечен к ответственности.

«Джейн»

Джейн выросла в неблагополучной семье. Ее мать, редко бывавшая дома, страдала зависимостью от наркотиков и алкоголя, регулярно употребляя гашиш и кокаин, когда Джейн была ребёнком. Она неоднократно пыталась покончить с собой и окончательно ушла, когда Джейн было семь лет.

У отца Джейн были серьезные проблемы с психическим здоровьем, хотя до пяти лет она описывает свои отношения с ним как в целом положительные. Однако после того, как после ухода матери он нашел новую партнершу, он стал холоднее, более отстраненным и все чаще прибегал к насилию. Он бил Джейн руками, тапком и тростью.

Мать Джейн снова появилась в ее жизни с новым бойфрендом, когда Джейн исполнилось 13 лет. Бойфренд проявлял насилие по отношению к матери Джейн и однажды изнасиловал ее на глазах у Джейн.

Примерно в это время торговец наркотиками, снабжавший ее мать, начал подвергать ее грумингу через Facebook. Он узнал о том, что Джейн причиняет себе вред, и представил себя сочувствующим и поддерживающим другом. Джейн, будучи в то время уязвимой, переписывалась с ним в течение нескольких месяцев.

В конце концов, торговец наркотиками начал спрашивать Джейн, курила ли она когда-нибудь сигареты, употребляла ли наркотики или вступала ли в половую связь. Во время каникул в середине семестра он попросил встретиться с ней. Она согласилась, и он пришел в дом отца Джейн, пока тот был на работе, вооруженный дубинкой (кошем). Он отвел ее в спальню и велел раздеться догола. Он сказал: «Тебе, может, и 13, но тело у тебя как у женщины», и изнасиловал ее, после чего незамедлительно ушел.

С того момента торговец наркотиками регулярно звонил Джейн и ждал её у школы. Джейн пряталась в учительской и говорила учителям, что не хочет уходить, так как знала, что он будет её ждать. Персонал не вмешивался и заставлял её покинуть школу.

Торговец наркотиками регулярно водил Джейн в дом своей девушки, где давал Джейн валиум и каннабис. Он также показывал ей наркотики, которые принимал сам, включая

героин, метадон и крэк-кокаин. Торговец наркотиками подвергал Джейн сексуальному насилию «каждый день, кроме выходных» в течение нескольких месяцев.

В это время у Джейн ошибочно диагностировали расстройство личности. Она не рассказывала никому о своих отношениях с торговцем наркотиками до одной ночи, когда она поспорила со своей пьяной матерью. Мать сказала: «Я не знаю, почему ты такая», и Джейн ответила: «потому что меня трахает 50-летний мужчина, и никто этого не заметил».

На следующий день Джейн вернулась из школы и обнаружила у себя дома полицию. Полицейские настаивали на том, что Джейн, которой всё еще было всего 13 лет, должна будет давать показания в суде в одиночку против торговца наркотиками. Запуганная, она не хотела сталкиваться с ним лицом к лицу, и он не был привлечен к судебному преследованию.

После того как стало известно о груминге и изнасиловании Джейн торговцем наркотиками, отец Джейн назвал её «шлюхой» и сказал ей, что он «хотел бы, чтобы она просто поскорее покончила с собой». Школа обвинила Джейн в использовании членовредительства для манипулирования своим отцом. Её регулярно оставляли после уроков в качестве наказания и угрожали отчислением из-за отставания по учебной программе. В результате Джейн становилась всё более непослушной, и у неё появились суицидальные наклонности.

В возрасте 14 лет Джейн начала сбегать из школы, употреблять наркотики и проводить время с мужчинами старше её. В одном из случаев перед школой она приняла «передозировку» в попытке свести счеты с жизнью. Её доставили в больницу после того, как сотрудники сказали ей, что если бы она действительно хотела умереть, то сделала бы это в лесу или в каком-нибудь уединенном месте. Затем в больницу пришел её отец и сказал ей «в следующий раз постараться получше, так как она тратит время всех окружающих». Позже в тот же день она попыталась покончить с собой, перерезав себе горло, но попытка не увенчалась успехом.

Джейн на короткое время была взята под опеку в больнице. Её выписали менее чем через месяц, и «все вели себя так, будто ничего не произошло». Отец не пожелал принять её обратно в семейный дом, поэтому она осталась бездомной. Джейн некоторое время жила у друзей, пока её тетя не сообщила о её ситуации в социальные службы. Джейн отказалась возвращаться домой, сообщив социальным службам, что подвергалась физическому насилию и продемонстрировала им синяки на её теле. Затем она на короткое время была передана на воспитание в приемную семью, после чего была переведена в детский дом, где оставалась до 16 лет. Затем Джейн была переведена в учреждение для полунезависимого проживания уязвимых молодых людей.

Спустя несколько месяцев сверстница по месту проживания пригласила Джейн на то, что она назвала «вечеринкой». Эта девушка действовала принудительно и запугивала её, и Джейн чувствовала, что не может отказаться. Её отвезли в многоквартирный дом в Хаунслоу, где она ожидала встретить группу людей своего возраста. Вместо этого в квартире находились шесть или семь сомалийцев.

Девушка, которая привела её туда, отвела Джейн в ванную комнату и приказала побриться. Ей сказали, что её продают мужчинам для секса. Джейн не хотела в этом участвовать, но подчинилась из страха. После этого один из мужчин подверг её сексуальному насилию, а затем её заставили спать в маленькой детской кроватке. На следующее утро мужчины заплатили девушке, которая привела Джейн в квартиру.

Это повторялось неоднократно в течение нескольких месяцев, иногда в присутствии нескольких других девушек. Джейн говорили, что ей нужно набрать вес, чтобы быть более привлекательной для мужчин. В ответ на это Джейн начала заниматься «очищением», что переросло в тяжелое расстройство пищевого поведения.

Сверстник шантажировал Джейн угрозой тюремного заключения, если она расскажет кому-либо о своей эксплуатации. Насилие и запугивание стали обычным явлением в учреждении для полунезависимого проживания. В одном из случаев молодая женщина вернулась в жилье в состоянии опьянения и потрясения, сообщив, что была похищена и подвергнута сексуальному насилию. Персонал, который знал, что на территории учреждения происходит сексуальная эксплуатация, но предпочел ничего не предпринимать, отреагировал на это, обвинив ее в том, что она все выдумала.

В конце концов Джейн рассказала персоналу центра о собственной сексуальной эксплуатации, включая торговлю людьми и денежные расчеты. Ей сказали, что происходящее не является торговлей людьми, так как она старше 16 лет. В полицию не обратились, и никаких мер принято не было. Персонал шантажировал Джейн угрозой того, что ее обвинят в эксплуатации самой себя и других, если она продолжит настаивать на своих жалобах.

Расстройство пищевого поведения Джейн обострилось, и она снова начала причинять себе вред. Она была принудительно госпитализирована в соответствии с Законом о психическом здоровье и помещена в психиатрическую больницу. Во время пребывания в больнице она снова сообщила об эксплуатации. Состоялись опросы полиции, но — из-за приема сильных лекарственных препаратов — к Джейн отнеслись как к ненадежному свидетелю, и никаких дальнейших мер принято не было. Она также в письменной форме изложила то, что с ней происходило. Эти сведения были удалены из ее последнего дела в службе социальной опеки, однако в оригинале четко указано, что она написала им письмо за год до госпитализации, и ее показания на опросе в полиции совпадали с содержанием письма. Власти не предприняли никаких действий по этому письму.

В результате перенесенного насилия и расстройства пищевого поведения у Джейн развился эндометриоз, что привело к потере половины матки.

С тех пор Джейн узнала, что ее документы в учреждении полунезависимого проживания были утеряны или уничтожены, несмотря на установленные законом требования к хранению документов. Даже став взрослой, Джейн страдала от своего травматического опыта, а ее попытки добиться справедливости сталкивались с волокитой, препятствиями и вели к повторной травматизации. Джейн заявляет, что, по ее мнению, дети по-прежнему

подвергаются риску из-за культуры молчания, которая сохраняется в учреждениях, которые должны заботиться о них.

«Лианн»

Лианн описывает детство, отмеченное крайней нестабильностью, домашним насилием, страхом и ранними травмами. С юного возраста она подвергалась насилию внутри семьи, включая сексуальное насилие со стороны ее дяди, что серьезно подорвало ее способность доверять взрослым или сообщать о причиненном вреде. Частые переезды, перерывы в обучении, СДВГ, буллинг и исключения из школ усугубили ее уязвимость.

К 14 годам Лианн была вовлечена в группы сверстниц, связанных со значительно более старшими мужчинами. Это были взрослые мужчины, преимущественно курдского, иракского и другого мусульманского происхождения, которые действовали группами. Груминг носил систематический характер: для того чтобы заманить ее в ловушку, использовались алкоголь, наркотики, предоставление жилья и эмоциональные манипуляции. Ее возили по разным домам в Шеффилде (в частности, в Питсмуре) и других городах, где множество девушек подвергались торговле людьми и сексуальной эксплуатации. Она подвергалась неоднократным изнасилованиям, ей давали наркотики, и по крайней мере один раз она находилась в плену и подвергалась избиениям в течение нескольких дней. Она была свидетелем поножовщины, перестрелок и нападений с мачете, в детстве имела дело с огнестрельным оружием и была принудительно помещена в среду экстремального насилия.

В возрасте 15 лет Лианн забеременела от взрослого иракца. Она перенесла выкидыш, а позже обнаружила, что записи были сфальсифицированы, чтобы представить её 16-летней, тем самым минимизируя серьезность правонарушения. Несмотря на неоднократные случаи исчезновения, данные разведки полиции и совещания по стратегии борьбы с сексуальной эксплуатацией, меры по обеспечению безопасности оказались неэффективными. Жилищный отдел совета отказал ей в помощи из-за её возраста. Планы по защите детей были реализованы, но не вывели её из опасности.

Социальные службы и полиция знали, что она общается с мужчинами-курдами старшего возраста и подвергается высокому риску сексуальной эксплуатации, однако вмешательство было слабым и непоследовательным. Ни один из виновных не был привлечен к ответственности за её изнасилование. В конечном итоге она смогла вырваться из эксплуатации только после того, как в 17 лет стала матерью и уехала от сети груминга.

Во взрослом возрасте Лианн живет с хроническими физическими и психологическими повреждениями, включая фибромиалгию, вызванную травмой. Она так и не добилась справедливости. Она дала свои показания, чтобы то, что произошло, было наконец признано и не повторилось.

«Лилли»

«Лилли» выросла в большой, любящей семье рабочих в 1970-х годах. Жизнь её семьи была окончательно дестабилизирована, когда совет принудительно выселил их ради

строительства многоквартирных домов. Их выселили из собственного дома, и они переехали в два муниципальных дома. Это был первый случай, когда кто-либо из членов семьи жил в муниципальном жилом массиве.

После переезда в муниципальный жилой массив проблемы начались незамедлительно. Когда Лилли было пять лет, один мальчик постарше попытался вырвать её из рук матери. Её мать сообщила об этом в полицию, но к этому отнеслись как к шутке. Спустя годы этот же человек изнасиловал трехлетнего ребенка.

Этот преступник и его брат затем начали преследовать семью. Они травили мать Лилли и жестоко избили её отца. Это создало атмосферу постоянного страха и хаоса. Полиция часто посещала дом семьи, перерывая вещи и ломая имущество в ходе расследования ложных обвинений.

Со временем Лилли и её братья и сестры были переданы под государственную опеку. Те из них, кто вернулся домой, сообщили о жестоком обращении в детских домах, включая изнасилования, избиения, унижения и запугивания. Сама Лилли с шестилетнего возраста подвергалась грумингу, а также неоднократно похищалась и насиловалась мужчиной. Он угрожал причинить вред её сестрам, если она расскажет об этом.

Сестра Лилли в двенадцатилетнем возрасте подверглась сексуальному насилию со стороны своего социального работника. Это активно замалчивалось руководством, которое делало вид, что он состоит в отношениях с другим социальным работником, чтобы отвести подозрения. Он получил законное опекунство над сестрой Лилли и в итоге женился на ней. Ему выплачивалось жалование местными органами власти, а сестра так и не завершила обучение. На протяжении многих лет Лилли была свидетелем того, как сотрудники отбирали детей и передавали их таксистам иммиграционного происхождения.

В детском доме Лилли подверглась жестокому нападению и сексуальному насилию со стороны персонала. Представители руководства игнорировали или скрывали факты насилия. Она также получила многочисленные травмы в результате избиений со стороны персонала. Самой серьезной была травма головы, которая привела к стойкому неврологическому повреждению. Позже, в зрелом возрасте, у неё была диагностирована аневризма головного мозга. После возвращения в школу с серьезными травмами Лилли была отправлена обратно домой к родителям. В возрасте четырнадцати лет, по возвращении в жилой массив, она подверглась групповому изнасилованию со стороны мужчин и мальчиков старшего возраста. Она не заявляла об этом в полицию.

Став взрослой, Лилли узнала, что полицейские записи и документы муниципального совета о подвергшемся ей насилию скрывались на протяжении десятилетий. В рамках операции «Мармион» её показания были кратковременно признаны, прежде чем операция была свернута на высоком уровне. Ей сообщили, что виновные находятся вне юрисдикции, мертвы или их невозможно выследить. Никто не был привлечен к ответственности.

«Грейс»

«Грейс» росла без отца и с матерью, которая удовлетворяла её базовые физические потребности, но была эмоционально холодной, не проявляла ни заботы, ни ласки. Она считает, что этот ранний жизненный опыт способствовал отсутствию эмоциональной защищенности и повышенной уязвимости в дальнейшем. В четырехлетнем возрасте она подверглась сексуальному насилию со стороны няни. Она не помнит этого насилия и заявляет, что оно не беспокоит её напрямую в эмоциональном плане.

Мать Грейс препятствовала общению с отцом, с которым она не поддерживала связь, не называя причин, что привело к тому, что Грейс начала бунтовать против неё. К возрасту посещения средней школы её поведение значительно ухудшилось. Она начала садиться в машины к взрослым мужчинам, которые предлагали ей каннабис, музыку, еду и подвезти её. Она заявляет, что большинство мужчин, которые подвергали её грумингу, были пакистанцами, хотя некоторые белые мужчины выступали в качестве посредников и помогали в груминге девочек.

Она неоднократно подвергалась изнасилованиям со стороны взрослых мужчин, часто в состоянии опьянения. Из-за того, что она употребляла алкоголь, она считала, что сама несет ответственность за насилие. В пятнадцать лет она полагала, что состоит в отношениях со взрослым мужчиной; эта ситуация длилась около пяти лет. В течение этого времени она подвергалась домашнему насилию, изнасилованиям и принудительному контролю.

Она сообщила о преступниках в полицию, желая лишь предотвратить насилие над другими детьми. Однако полиция арестовала некоторых мужчин и допросила их по поводу Грейс, не проконсультировавшись с ней заранее и не оценив потенциальное воздействие на неё. Она почувствовала, что её принудили к судебному преследованию без надлежащей подготовки или поддержки. Она сочла этот процесс резким и плохо объясненным. В результате действий полиции по данному делу у неё появились флешбэки, панические атаки и произошел рецидив злоупотребления психоактивными веществами.

Еще один партнер был педофилом, состоявшим в бандах груминга, которые подвергали сексуальному насилию ее детей и других лиц. Он преследовал, изводил и запугивал семью, а также на протяжении многих лет манипулировал ходом полицейских расследований. Полиция неоднократно не связывала дела между собой, не принимала меры на основании журналов преследования и не защищала ее и ее детей. Судебные запреты на домогательства и условия залога нарушались без каких-либо последствий. Совокупный эффект включает в себя тяжелое психическое заболевание, потерю жилья, потерю работы и постоянный страх.

Виктория

Виктория дала показания в качестве матери уязвимого подростка, которая в 2022 году начала обучение в местном колледже.

В 2023 году ее дочь внезапно приняла ислам. Виктория обнаружила мусульманскую одежду, Коран и молитвенный коврик, спрятанные под ее кроватью. Дочь начала

цитировать Коран и молиться пять раз в день. Это внезапное изменение совпало с тайными отношениями с алжирским студентом-мусульманином, который придерживался твердых исламских убеждений. Она стала проявлять неуважение к своей семье и начала негативно отзываться о Британии. Виктория говорит, что ее дочь полностью изменилась.

Ее парень осуществлял принудительный контроль: он имел доступ к банковским реквизитам ее дочери через Face ID, контролировал ее социальные сети, изолировал ее от семьи и навязал строгие исламские практики. Обеспокоенная этим, Виктория связалась с полицией и сообщила о контролирующем поведении и внезапном переходе в другую веру. Полиция заявила, что направит ее дочь в социальные службы, так как она все еще была ребенком.

Когда социальные службы посетили их, они узнали, что ее дочь заставляли принимать контрацептивы. Они также обсудили характер ее новых исламских убеждений. Социальный работник заявила, что направит ее в Women's Aid для получения поддержки в связи с принудительными и контролирующими отношениями. Виктория попросила социального работника проверить биографию партнера, но колледж не ответил на запросы социального работника. Тогда Виктория самостоятельно связалась с ответственным за обеспечение безопасности (safeguarding lead) в колледже. Ответственный согласился с тем, что ситуация напоминает эксплуатацию, и передал дело в Prevent — антитеррористическую программу британского правительства, предназначенную для защиты уязвимых людей от радикализации и терроризма.

Рацион питания ее дочери резко изменился: она перестала есть бекон и стала есть гораздо меньше, чем раньше. Она часто ложилась в больницу и выписывалась из нее, но так и не объяснила матери причину. Ее психическое здоровье также серьезно ухудшилось. После встречи с этим мужчиной она неоднократно пыталась покончить с собой путем нанесения порезов и совершала отчаянные звонки, заявляя, что убьет себя. Во время одной из экстренных госпитализаций полиция забрала ее дочь у Виктории, угрожала Виктории арестом и перевезла девушку по адресу брата ее обидчика — несмотря на четкие предупреждения Виктории об опасности.

Там её дочь подвергалась психическому и физическому насилию, включая удушение, угрозы убийством, изнасилование и финансовую эксплуатацию. Деньги переводились через банковский счет брата насильника. Этот человек и его семья подвергали её расистским оскорблениям, называя её «белой шлюхой», и оказывали на неё давление, чтобы она забрала все жалобы и вышла за него замуж.

Вмешательство программы Prevent было катастрофически запоздалым. Ответственный за безопасность (safeguarding lead) в колледже изначально сообщил Виктории, что направления были поданы и приняты, однако более поздние доказательства показали, что они были отправлены с опозданием, некорректно или не были отправлены вовсе. Аресты затягивались на месяцы, а обвинения в изнасиловании в конечном итоге были сняты из-за отсутствия доказательств после проведения лишь ограниченных проверок телефонных данных. Виктория пришла к выводу, что системный сбой и институциональное нежелание

заниматься вопросами безопасности, связанными с исламизмом, подвергли её дочь серьезной опасности.

«Элеонора»

«Элеонора» родилась в финансово благополучной семье, но, несмотря на это, её детство было отмечено нестабильностью, эмоциональным пренебрежением и отсутствием защиты со стороны взрослых. Её родители разошлись, и после переезда вместе с матерью и двумя сестрами она жила в более худших условиях и гораздо реже виделась с отцом. В отсутствие расширенной семьи и при эмоционально отстраненной матери она была фактически предоставлена самой себе в процессе взросления.

Желание привлекать внимание взрослых привело к плохому поведению в школе. Она была исключена в седьмом классе и направлена в центр поддержки учащихся (pupil referral unit), из которого в конечном итоге она также была исключена. Она объясняет свое деструктивное поведение отсутствием желания и эмоциональной способности к учёбе, а также отсутствием структуры в ее жизни. Она была одержима поиском внимания, признания и заботы.

К 13 годам она подверглась грумингу со стороны мужчин старшего возраста, с которыми она сталкивалась в своем районе, обычно в центре города. Некоторые из них были пожилыми белыми мужчинами, но также были и мусульмане, связанные с недавно открывшимся в этом районе рестораном. По мере продолжения груминга поведение Элеоноры значительно ухудшилось. Она часто сталкивалась с полицией и неоднократно подвергалась аресту. В этот период мужчины старшего возраста давали ей наркотики и удерживали ее в разных домах. Она считала, что эти мужчины заботятся о ней и предоставляют ей ту заботу, в которой она так нуждалась.

В то время как это происходило, ее мать не знала, где она находится, но не заявляла о ее пропаже. Ни один орган власти не вмешался, чтобы выяснить, почему она часто пропадала, подвергалась аресту и проводила значительное количество времени с взрослыми мужчинами.

В возрасте четырнадцати лет она однажды вернулась домой после отсутствия, и ей никто не открыл дверь. Элеонора забралась на крышу дома и сумела попасть внутрь. Она обнаружила, что дом был совершенно пуст. Её мать выбросила всё — включая детские фотографии и личные вещи — и ушла, не предупредив её. Она по собственной воле обратилась в социальные службы, где ей было поручено отправиться к отцу. Ожидалось, что она отправится к нему на поезде самостоятельно.

У неё не было значимых отношений с отцом, и она общалась с ним лишь изредка. Когда Элеонора приехала, он дал понять, что его новая партнерша является для него приоритетом, а она и её сестры стоят на втором месте. Его партнерша пыталась направить её на более стабильный путь и вернуть к обучению, но из-за её предыдущих исключений школы неоднократно отказывали ей в приеме. В районе с преобладанием «этнических меньшинств» в одной из школ ей прямо заявили, что её не могут принять, так как она

английская девочка и будет там единственной. Её определили в Центр поддержки учащихся (Pupil Referral Unit), однако поведение других учеников там мало способствовало обретению чувства безопасности, структуры и стремления к развитию, в которых она нуждалась. Поэтому она часто убегала из дома.

Частые побеги привели к неоднократным арестам, и в итоге социальные службы решили, что ее можно содержать в семейных условиях, и взяли ее под опеку. Находясь под опекой, она стала более заметной и доступной для мужчин, которые уже искали уязвимых девочек, и снова подверглась грумингу. В одном из случаев к ней подошли взрослые мужчины и предложили алкоголь и подвезти ее. Она выпила небольшое количество, ей быстро стало плохо, и она потеряла сознание.

Когда она очнулась, она поняла, что находится в доме, который, по всей видимости, был украшен к свадьбе по мусульманским обычаям, но снова потеряла сознание. Когда она, наконец, пришла в себя окончательно, она обнаружила, что ее бросили на обочине дороги, без одежды, с травмами и в состоянии дезориентации. Ей удалось вернуться в свой детский дом. Однако ее не спросили о том, что произошло, ее не доставили в больницу, и в ее личном деле не было сделано никаких записей об этом инциденте.

После этого инцидента Элеонора стала пропадать гораздо чаще. Она ночевала на улице, заброшенных зданиях и такси. Никто в детском доме не задал ей вопросов о том, почему это происходит. Ее перевели в другой детский дом, где мужчины регулярно забирали девочек от входа в учреждение, а иногда заходили и внутрь самого здания. Персонал допускал это. Мужчины предлагали еду, алкоголь, жилье и чувство принадлежности, но на самом деле они были там для того, чтобы подвергать детей сексуальной эксплуатации.

Элеонора вступила в отношения с мужчиной старше себя, которого она считала своим парнем. Он был вовлечен в торговлю наркотиками. Ее увезли на Джерси, где она несколько дней находилась в отеле. Ей не разрешали свободно покидать его. По возвращении в дом опеки никто не спросил, где она была. Ее продолжали задерживать за малозначительные правонарушения, в частности, за кражи в магазинах. В конечном итоге она была помещена в учреждение для несовершеннолетних правонарушителей. Однажды при задержании ей нанесли удар кулаком, и этот опыт — наряду с другими — уничтожил любое ее доверие к полиции. С этого момента она воспринимала полицию как еще одну угрозу.

В возрасте 17 лет Элеонора присутствовала при инциденте с нанесением ножевых ранений, в котором участвовали мужчины, связанные с сетью груминга, члены которой подвергали ее насилию. Она не участвовала в насилии, а оказала потерпевшему первую помощь и вызвала экстренные службы. Она была задержана на месте происшествия, и ей было предъявлено обвинение в сговоре с целью умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (joint enterprise).

Дело дошло до суда только через два года, когда Элеонора стала совершеннолетней, и поэтому суд над ней проходил как над взрослым человеком. Она была приговорена к двум годам тюремного заключения. Она считает, что ее криминализировали за обстоятельства,

которые стали прямым следствием эксплуатации, пренебрежения и системного сбоя, вместо того чтобы защитить ее от них.

После вынесения ей приговора Элеонора приняла ислам. Она сделала это не по теологическим, а по практическим причинам, как способ выживания. В многих условиях, в которых она оказывалась, мусульманки пользовались определенной степенью защиты по сравнению с немусульманками. Она чувствовала, что переход в другую веру был способом снизить риски и стать менее уязвимой.

До начала отбывания наказания она забеременела от мужчины старше себя и вступила с ним в исламский брак, полагая, что это может обеспечить ей стабильность и защиту. Она находилась в заключении с маленьким ребенком, что стало для нее глубоко травмирующим опытом.

После освобождения она подвергалась домашнему насилию и принудительному контролю. Это насилие не всегда носило физический характер. Оно включало в себя изоляцию, слежку, ограничения в поведении и постоянное разрушение ее самовосприятия. Ее контролировали через страх, чувство вины и религиозный долг. Ей не позволяли быть независимой или работать, а окружающим говорили, что она психически нездорова. Это привело к ее еще большей изоляции.

Она познакомилась и снова вышла замуж за другого мужчину, который увез ее в Саудовскую Аравию. Она полностью зависела от своего мужа во всем, и ей не разрешалось выходить из дома без него. Она чувствовала себя изолированной и бессильной. Этот опыт заставил ее осознать, что ей нужно оставить ислам, но она знала, что вероотступничество влечет за собой очень серьезные последствия, и поэтому держала это в секрете. Однако в итоге ей удалось сбежать из Саудовской Аравии и вернуться в Соединенное Королевство с детьми.

Рэйчел

Рэйчел — мать дочери, которая умерла в возрасте двенадцати лет из-за передозировки. Её дочь была радостной, творческой и любящей учиться девочкой, воспитывавшейся в обстановке стабильности и любви. Однако у неё диагностировали аутическое расстройство, что делало её ещё более уязвим к злоупотреблениям и эксплуатации.

После реакции на COVID-19 во время локдауна её поведение изменилось драматично, и она замкнулась, впала в депрессию и начала причинять себе вред.

Дочь Рэйчел призналась, что её орально изнасиловал белый британец — мальчик из её школы. Это признание потрясло её и её семью. Когда полиция в конце концов приняла заявление, ей сказали, что это будет «её слово против его», что процесс займет годы и требует обширной бумажной работы. Это взаимодействие заставило её замкнуться и отозвать жалобу. Полицейское расследование не продвинулось дальше.

Несмотря на заверения в обратном, предполагаемый виновник оставался в школе, а меры по обеспечению безопасности были неэффективными. Она подвергалась

непрекращающейся травле, включая физические нападения со стороны девушек, связанных с виновником, которые снимались на видео и распространялись в сети. Полиции потребовались недели, чтобы отреагировать, и она не предприняла никаких действий на основании видеодоказательств или угроз. Дочь Рэйчел ежедневно подвергалась оскорблениям и угрозам в Snapchat и на других платформах.

Запугивание усилилось, когда совершеннолетний брат виновника пришел к дому семьи и попытался проникнуть внутрь силой. Полиция лишь посоветовала семье рассмотреть возможность переезда. Сын Рэйчел подвергся нападению в школе.

В ночь перед своей смертью дочь Рэйчел приняла передозировку колхицина, заявив, что она просто хочет, чтобы всё это прекратилось. У неё произошла полиорганная недостаточность, и она скончалась несколько дней спустя. Даже после её смерти издевательства продолжались.

Рэйчел считает, что полиция, школа и Прокуратура подвели её дочь. Она заявляет, что её дочь фактически была убита в результате системного сбоя.

Джен

Детство Джен характеризовалось эмоциональным пренебрежением и отсутствием безопасности. Её эмоциональные потребности не признавались и не считались приоритетными взрослыми в её жизни, в частности родителями, которые большую часть времени отсутствовали. В более широком семейном контексте границы были размыты, а ненадлежащая динамика стала нормой — например, члены семьи приобщили её к наркотикам и алкоголю примерно в возрасте 13 лет.

На протяжении всего периода обучения в средней школе Джен подвергалась травле, однако сотрудники школы мало что сделали для помощи, несмотря на её явное бедственное положение. Напротив, они способствовали её виктимизации. Большая часть травли вытекала из инцидента в первый год её обучения, когда учитель отказался разрешить Джен воспользоваться туалетом, в результате чего Джен обмочилась, и её заставили остаться в испачканной одежде до конца дня. Учитель не понес никаких последствий. Джен начала заниматься членовредительством и убегать из дома, а единственный взрослый, которому, по её мнению, она могла довериться, в это же время совершил самоубийство.

В подростковом возрасте у Джен не было устойчивого чувства собственного достоинства и не было взрослых, которые бы последовательно защищали её или выступали в её интересах. Её самоповреждения усилились, появились суицидальные мысли, однако меры по обеспечению её безопасности по-прежнему отсутствовали. Джен начала верить, что она «не заслуживает защиты», и в результате стала всё более уязвимой для эксплуатации. В возрасте 13 лет с ней через интернет начали связываться взрослые мужчины, что дало ей чувство признания и принадлежности. Беседы сексуального характера были обычным явлением, включая случай, когда один мужчина побуждал Джен ввести нож в её влагалище.

В 15 лет начался оффлайн-груминг со стороны группы белых британцев, которые представляли себя сочувствующими друзьями уязвимой Джен. Хотя эти мужчины её не изнасиловали, один из них сказал ей, что «прикосновения — это нормально, но мы не можем вступить в половой акт, пока тебе не исполнится 16, из-за закона».

В возрасте 17 лет Джен была представлена банде иракских курдских мужчин-мусульман подругой, которая, по ее нынешнему мнению, сама подверглась грумингу. Члены банды — все из которых были нелегальными мигрантами — перевозили Джен в многочисленные города и поселки региона Мидлендс, где ее насиловали несколько мужчин на мероприятиях, которые описывались как «вечеринки». В одном из случаев один из членов банды изнасиловал ее анально в парке. Ее использовали для перевозки наркотиков, и она стала свидетелем забивания ягненка в ванной комнате одного из домов.

Она описывает «закрытый и пугающий социальный мир, управляемый страхом, лояльностью и молчанием», в котором открыто и регулярно выражались идеи расового превосходства. Белых британцев называли «белым мусором», а белых девушек — «английскими собаками-свиньями». Преступники настаивали на том, что дети сами «выбирают» эксплуатацию, а Британия и ее институты описывались как «мягкие» и «легкие» для эксплуатации. Они хвастались получением «бесплатных денег» от британского государства, и неоднократно Джен заставляли заполнять от их имени заявления на получение пособий для беженцев.

Находясь в составе группы, Джен была свидетелем запугивания, насилия, торговли людьми, мошенничества с убежищем, сексуальной эксплуатации — включая накачивание наркотиками и изнасилование детей в возрасте от 13 лет — и последствий убийства, связанного с бандой, и поэтому боялась идти против ее членов или разоблачать их.

Банда становилась всё более контролирующей и жестокой, изолируя Джен от её друзей и семьи. Её передвижения, коммуникации и решения находились под пристальным наблюдением и были ограничены, а любая попытка проявить независимость встречалась угрозами. Она подвергалась эмоциональному, психологическому и сексуальному насилию и в возрасте 18 лет забеременела в результате изнасилования.

Джен неоднократно говорили, что она неполноценна и нечиста, так как не является мусульманкой. Религиозное принуждение переросло в насильственное обращение в ислам, отчасти из-за её беременности. Её отвезли в «темную», «захудалую» квартиру, которая была переоборудована в мечеть, и имам обвенчал её в ходе исламской церемонии без её согласия. Брак использовался как механизм легитимизации контроля над ней, и ограничения в её поведении усилились.

Во время беременности угрозы усилились. Джен говорили, что она не имеет права уйти или принимать решения относительно своего ребенка, так как это было бы противоречило исламу. Её поведение жестко контролировалось, включая указание не есть свинину, так как отец считал, что «это сделает ребенка геєм». Ей говорили, что сообщение об этом властям приведет к позору и наказанию.

Тем не менее, она попыталась сообщить о своей ситуации в полицию, но никаких мер принято не было. Идеологические и религиозные аспекты её торговли людьми и насилия были приуменьшены, а её показания были переформулированы как проблемы в отношениях или культурные особенности, прежде чем их отвергли как преувеличенные и недостоверные.

После рождения дочери доступ Джен к ребенку был ограничен и использовался в качестве средства давления. Отец — нелегальный мигрант из Ирака — неоднократно вывозил их дочь в Ирак, несмотря на то, что запрашивал убежище в Великобритании на основании того, что его пребывание там было небезопасным. Находясь там, она сталкивалась с огнестрельным оружием, включая АК-47.

Когда дочери исполнилось 3 года, Джен обратилась в полицию после того, как отец пригрозил забрать дочь в Ирак и никогда не возвращать ее обратно. Полиция ответила, что это «гражданское дело», и не вмешалась. Джен не провела с дочерью ни одного дня рождения с тех пор, как девочке исполнилось девять лет, и в течение нескольких лет ее контакты с ней были минимальными. Ее отец продолжает регулярно вывозить ее в Ирак.

Сейчас Джен живет с комплексным ПТСР, тревожностью, депрессией, диссоциацией, периодами агорафобии, а также постоянным страхом и стрессом в отношении безопасности и автономии ее дочери. Эти трудности значительно ухудшают ее способность функционировать в повседневной жизни. Она дает показания, чтобы принудительное насилие, мотивированное религиозными убеждениями, было должным образом признано и пресечено, даже если это вызывает политические, культурные или социальные споры.

«Кейт»

«Кейт» выросла в глубоко дисфункциональной и небезопасной домашней обстановке, где насилие, сексуальное насилие и пренебрежение нуждами ребенка были обычным явлением. Социальные службы взаимодействовали с семьей еще до рождения Кейт, главным образом из-за небрежного отношения родителей к ее братьям и сестрам, а также из-за поведения ее старшего сводного брата, который проявлял физическую агрессию. Он, вместе с отцом Кейт, подвергал ее сексуальному насилию с раннего возраста — факт, который не выявлялся социальными службами в течение нескольких лет.

Когда ей было около пяти лет, Кейт и двоих ее братьев изъяли из-под опеки биологических родителей и поместили в приемную семью. Было установлено, что они не могут вернуться под опеку родителей, и их усыновила пара из города, расположенного примерно в 50 милях. Кейт и ее братья успешно адаптировались в новом доме и семейной обстановке, и в течение следующих семи лет жизнь Кейт была счастливой и стабильной; ее приемные родители давали ей ту любовь и поддержку, которые не смогли дать ее биологические родители.

Приемные родители Кейт были ревностными христианами, и семья каждое воскресенье посещала местную церковь. Большая часть социальной жизни Кейт вне школы была

сосредоточена вокруг церковных мероприятий, включая молодежные группы и времяпрепровождение с другими семьями из церковной общины. В школе она училась исключительно хорошо и была признана «одаренной и талантливой» по ряду предметов. Она редко попадала в неприятности и, несмотря на низкую самооценку, пользовалась уважением как учителей, так и сверстников. Кейт имела ограниченный круг друзей и направляла большую часть своей энергии на учебу, которая давала ей чувство достижения, структурированности и собственной значимости.

Кейт была очень амбициозной и с оптимизмом смотрела в будущее. Она предъявляла к себе очень высокие требования и стремилась поступить в университет, получить степень PhD и построить карьеру в области археологии или парамедицины. Ею также двигало сильное чувство привязанности к семье, и она с нетерпением ждала возможности выйти замуж и иметь собственных детей.

Примерно в двенадцать лет Кейт начала проходить курс полового воспитания в школе. Эти уроки расстраивали ее, так как до этого момента ее понимание того, что произошло с ней в раннем детстве, была очень ограниченной. Социальные службы не смогли выявить насилие в то время, и поэтому оно никогда не признавалось, не обсуждалось и не объяснялось ей. Она вступила в подростковый возраст в состоянии замешательства относительно того, что с ней произошло, и без четкого понимания здоровых границ и ненадлежащего поведения. Ей не хватало уверенности, чтобы довериться взрослому, и это сделало ее уязвимой.

Кейт пришла к осознанию того, что насилие, которому она подверглась со стороны своего биологического отца и сводного брата, не было нормальным или законным. Она начала испытывать растущее чувство стыда, страха и самообвинения, а также чувствовала глубокую неуверенность в своей идентичности, своем теле и отношениях с другими. Вскоре у нее появились суицидальные мысли.

Будучи всего двенадцатилетней, Кейт решила покончить с собой. В одну из суббот, после того как ее семья легла спать, она покинула дом в ранние часы и отправилась в уединенное место, где намеревалась совершить самоубийство, надеясь, что ее не найдут. Она остановилась под деревом, чтобы укрыться от дождя, и спустя некоторое время услышала приближающуюся группу мужчин. По их тону Кейт заподозрила, что они пьяны, и когда они увидели ее, то начали насмехаться. Они назвали ее «бездомной» и предложили ей «согреться на их членах». Кейт, в ужасе и с чувством раскаяния, подождала, пока мужчины пройдут мимо, прежде чем попытаться вернуться домой — но когда она шла, один из мужчин схватил ее сзади.

Кейт была схвачена тремя мужчинами, повалена на землю, её руки и ноги были прижаты, и мужчины по очереди изнасиловали её орально и вагинально. Когда это закончилось, мужчины неоднократно нанесли ей удары и пригрозили найти её, убить её и причинить вред её близким, если она когда-либо расскажет кому-либо о случившемся. Нападение было настолько жестоким, что одежда Кейт оказалась в крови.

Потрясенная, она прошла через город к церкви своей семьи, зная, что её родители будут там через несколько часов. Она сидела на крыльце и плакала несколько часов, прежде чем решила вернуться домой. Пока она шла, водитель фургона и водитель такси остановились, чтобы спросить, всё ли с ней в порядке, учитывая её неопрятный вид и явное потрясение. Она ответила, что с ней всё в порядке. Когда она пришла домой, она спрятала свою окровавленную одежду и легла спать.

Кейт никому не сообщила о нападении, и её психическое и физическое здоровье стремительно ухудшилось. Она начала причинять себе вред, и её суицидальные мысли усилились. В течение последующих месяцев она неоднократно пыталась покончить с собой, в результате чего её многократно госпитализировали. В школе она подверглась травле. Обеспокоенность её состоянием возросла, но Кейт сопротивлялась каждой попытке родителей и учителей вмешаться. Местные органы власти назначили ей специалиста Службы охраны психического здоровья детей и подростков (CAMHS), с которым она начала регулярные сеансы консультирования, однако Кейт не сочла это ни эффективным, ни полезным, и продолжала скрывать факт нападения. Специалисты пришли к выводу, что ухудшение её здоровья было связано с травмой, полученной в раннем возрасте.

Позже в том же году Кейт получила сообщение в социальных сетях от одного из насильников. По сей день Кейт не знает, как они её нашли. Сообщение представляло собой видеозапись нападения; они угрожали разослать её друзьям и семье Кейт, если она не выполнит их требования. Кейт опасалась, что в этом случае травля усилится и у неё возникнут проблемы. Она снова никому не сообщила о случившемся и — полагая, что сможет прекратить шантаж — отправилась на встречу с ними.

Ей было приказано прийти в дом в центре местного города. Её завели внутрь, там присутствовали все трое насильников. Они снова изнасиловали её, на этот раз ясно дав понять, что её снимают на видео. После этого они сказали Кейт, что теперь она «работает» на них и от неё ожидают выполнения всех указаний, иначе видеозапись будет распространена. Ей дали телефон и велели всегда оставаться на связи.

В последующий период Кейт была обязана часто встречаться с двумя главными насильниками. Они познакомили её с другими мужчинами из своей сети, и она также неоднократно подвергалась сексуальному насилию с их стороны. Кейт также заставляли участвовать в сеансах насилия через веб-камеру, которые приносили доход насильникам. Если прямая трансляция не приносила того, что они считали удовлетворительной суммой денег, Кейт подвергалась наказанию. Постоянная смена ожиданий была использовалась в качестве метода контроля.

Кейт постепенно стала более открытой со своими консультантами. Хотя она все еще не раскрывала в полной мере того, что с ней происходило, она начала называть первоначальное нападение «событием», и вскоре они поняли, что она подверглась изнасилованию, — хотя они и не подозревали о продолжающемся насилии. Они поделились своими опасениями с родителями Кейт, и почти через год после первоначального нападения мать Кейт прямо поговорила с ней о подозрениях, которые возникли у нее, отца Кейт и специалистов социальных служб. Кейт подтвердила матери,

что была изнасилована. Вскоре после этого признания Кейт была направлена в Центр помощи жертвам сексуального насилия и изнасилований (SARC) для дальнейшего консультирования.

Терапевты SARC призвали Кейт заявить о первоначальном нападении в полицию. Кейт надеялась, что это приведет к вмешательству, которое остановит продолжающееся насилие, но слишком боялась назвать виновных, опасаясь расправы со стороны банды. Тем не менее, она сообщила о нападении в полицию, предоставив им как можно больше информации, и была вызвана на допрос в сопровождении матери.

В полицейском участке Кейт провели в комнату для опроса. До начала опроса, в отсутствие матери Кейт, ей было сказано, что это её «последний шанс» заявить, что её сообщение было ложным. Её предупредили, что если какая-либо часть её показаний не будет подтверждена доказательствами, она может быть и будет арестована. В течение длительного времени оба офицера неоднократно говорили ей, какие серьезные неприятности её ждут, если какая-либо деталь её заявления будет опровергнута, и что она может отозвать обвинение до начала опроса без дальнейших последствий. Они также предположили, что её родители почувствуют облегчение, если она скажет, что инцидента не было.

Будучи всего лишь двенадцатилетней и уже глубоко травмированной, Кейт была ошарашена давлением, которое, по её ощущениям, оказывали на неё офицеры, и сказала то, что, как она считала, они хотели от неё услышать: что изнасилования не было. Это взаимодействие произошло до начала записи, и в результате официальный опрос не отразил имевшее место принуждение. Кейт чувствовала, что не в состоянии сообщить что-либо еще, в том числе о насилии, которое продолжалось в то время, поскольку чувствовала, что ей не верят или не воспринимают всерьез. В полицейском отчете инцидент был зафиксирован как отзыв жалобы. После этого случая Кейт снова попыталась покончить с собой.

Вскоре после этого мать Кейт обнаружила в её дневнике записи, описывающие изнасилование. Она призвала Кейт снова обратиться в полицию, но Кейт объяснила, что ранее полиция оказывала на неё давление с целью заставить её забрать заявление. Тем не менее, Кейт вернулась в полицейский участок и на этот раз прошла опрос до конца.

Спустя несколько недель родители Кейт обнаружили в её телефоне сообщения сексуального характера между Кейт и несколькими взрослыми мужчинами, включая фотографии сексуального содержания. Об этом было сообщено в полицию, однако был сделан вывод, что Кейт вступала в связь с этими мужчинами по обоюдному согласию, несмотря на то, что ей было всего 13 лет. Кейт, всё ещё опасаясь расправы со стороны банды, отрицала любую осведомленность об этой переписке, и дальнейший допрос её не проводился.

В течение следующего года Кейт неоднократно пропадала, в том числе в учебное время и поздно ночью. Она утверждает, что записи о её отсутствии не велись. Банда шантажировала её, заставляя выполнять то, что они называли «заданиями» — подвергаться

сексуальному насилию со стороны членов банды и их сообщников, за что банда получала оплату. Сюда входили вебкам, групповые изнасилования, «вечеринки», «ночи с копами» и «красные комнаты». Кейт насиловали несколько раз в неделю, иногда от 2 до 4 раз в день.

В этот период Кейт встретила другую девушку, которую эксплуатировала банда. Кейт, которой на тот момент было 14 лет, подозревала, что эта девушка была младше её. В ночь их знакомства Кейт получила указание поздно ночью встретиться с двумя членами банды в уединенном месте. Когда Кейт прибыла, они «крепко» держали девушку за шею. Один из членов банды сказал Кейт, что в эту ночь девушку «обкатывают», и что мужчины, которых она будет «обслуживать», особенно «жестоки». Кейт попыталась вмешаться, сказав членам банды, что вместо неё она возьмет на себя эти «заказы». В ответ члены банды избили и изнасиловали её. В дальнейшем Кейт неоднократно «работала» вместе с этой девушкой, и они стали очень близки.

В течение первой половины следующего года эксплуатация усилилась, и Кейт предприняла еще одну попытку покончить с собой. Вскоре после этого она вступила в отношения с родственником одного из членов банды, что привело к временной паузе в насилии. Эти отношения длились почти год, но когда они закончились, эксплуатация возобновилась почти сразу же.

Позже в том же году Кейт, которой тогда было 16 лет, пережила самый значительный эпизод исчезновения на тот момент. В ходе этого инцидента банда перевезла Кейт в город, расположенный далеко от её дома, где её удерживали силой и неоднократно подвергали изнасилованию на речном судне — в том числе, по её утверждению, сотрудником полиции. В какой-то момент Кейт попыталась сбежать, но была поймана, и члены банды избили её и в качестве наказания состригли большую часть её волос.

Кейт попыталась сбежать второй раз, и на этот раз ей это удалось. Она добралась до ближайшего дома и постучала, прося о помощи. Женщина, проживавшая там, приютила Кейт и дала ей одежду, так как собственная одежда Кейт была сильно повреждена насильниками и она была частично обнажена. Женщина вызвала полицию, сотрудники которой прибыли по адресу. Женщина попыталась развязать веревку, которая оставалась на запястьях Кейт, но получила указание от полиции оставить её на месте, так как она считалась уликой.

Кейт не решалась говорить с полицией, учитывая как недавнее предполагаемое насилие со стороны действующего сотрудника, так и более широкий контекст угроз, принудительного контроля, а также физического и сексуального насилия, которым она подвергалась. Тем не менее, она рассказала полиции о том, что произошло на речном судне, но умолчала о предшествующей эксплуатации, опасаясь расправы. Она также не сообщила о том, что была изнасилована сотрудником полиции.

Расследование не продвигалось, и полиция обвинила Кейт во лжи об эксплуатации. Это стало поворотным моментом в отношениях Кейт с полицией, так как после этого она почувствовала, что не может обращаться к ним за помощью, опасаясь, что ей не поверят.

Кейт была включена местным органом власти в План защиты ребенка (Child Protection Plan). Она предоставила одному из социальных работников дневник, содержащий подробности о сексуальном насилии, которому она подвергалась, однако ей снова не поверили. В этот период Кейт было диагностировано диссоциативное расстройство личности. Вскоре после этого Кейт утверждает, что была изнасилована в отеле мужчиной, которого она считала врачом. В отель вызвали полицию, так как персонал заподозрил, что она является проституткой. По прибытии полиции она была обнаружена в номере одна и обнаженная; насильники оставили ее там с указанием ждать прибытия других мужчин.

На этом этапе и семья Кейт, и специалисты, занимавшиеся ее уходом, начали выражать недовольство тем, что они воспринимали как ее «выбор образа жизни». Они не верили, что она подвергается эксплуатации, и вместо этого полагали, что она — которой все еще было 16 лет — добровольно встречается с взрослыми мужчинами.

Это «неправильное толкование» ситуации Кейт оказало глубокое влияние на то, как специалисты реагировали на неё в последующие месяцы и годы. Поскольку они полагали, что её поведение было добровольным, последующие инциденты — такие как необъяснимые отсутствия, обнаружение её в отелях, получение ненадлежащих сообщений или общение с взрослыми мужчинами — рассматривались как вопросы личного выбора, а не как признаки продолжающейся эксплуатации. В результате эти события не расценивались как проблемы обеспечения безопасности. Вместо того чтобы изучить возможность того, что она подвергалась принуждению или контролю, специалисты всё чаще представляли проблему как вопрос поведенческих трудностей, склонности к риску или несоблюдения требований.

Эта точка зрения, по утверждению Кейт, повлияла на процесс принятия решений в различных ведомствах. Направления закрывались преждевременно, совещания по вопросам обеспечения безопасности не приводили к принятию защитных мер, а сообщения или частичные сообщения не рассматривались с той степенью серьезности, которой, по её мнению, они требовали. Предположение о том, что она занималась деятельностью по взаимному согласию, означало, что специалисты не предпринимали эффективных мер вмешательства, даже когда обстоятельства явно указывали на эксплуатацию. Эта точка зрения усилила её изоляцию, ограничила её возможность обратиться за помощью и, в конечном счете, позволила эксплуатации продолжаться и обостряться.

В один из таких случаев в этот период в школе Кейт возникли опасения. Ее сопроводили в кабинет, где присутствовали заместитель директора школы, назначенное ответственное лицо по обеспечению безопасности (DSL), сотрудник полиции по связям с общественностью (PCSO), полицейский, ее социальный работник, школьная медсестра и ее классный руководитель. Они не давали ей выйти из комнаты и оказывали на нее давление, требуя назвать имена и предоставить подробности о лицах, причастных к насилию. В то время из-за страха, принуждения и угроз, которым, по ее ощущениям, она подвергалась, она не чувствовала себя в безопасности и не считала возможным предоставить запрашиваемую информацию. Вместо этого она назвала прозвища некоторых из причастных лиц. Кейт заметно дрожала и неоднократно просила ее

отпустить, объясняя, что она окажется в серьезной опасности, если раскроет дополнительную информацию.

По завершении встречи Кейт разрешили уйти, однако никаких защитных мер принято не было. За ней не установили надзор, ее безопасность не была обеспечена, и с ней не был согласован план незамедлительного обеспечения безопасности. Несмотря на признаки страха и принуждения, ей разрешили вернуться домой и продолжить свой обычный распорядок дня. В последующие дни не было предпринято никаких дальнейших действий по мониторингу ее состояния.

После встречи в школе лица, подвергавшие Кейт насилию, дали понять, что им известно о том, что она разговаривала с полицией. Они сказали ей, что знают о каждом случае её общения с полицией, так как у них есть «свои люди внутри». Они обвинили её в «стукачестве», заявив, что она «заплатит за это». Вскоре после этого её отвезли в отдаленное, лесистое место. Там также присутствовала молодая девушка, с которой Кейт встречалась ранее. Первоначально Кейт полагала, что их привезли туда для выполнения очередного «задания». Затем мужчины подвергли девушку крайнему сексуальному и физическому насилию, в то время как Кейт насильно удерживали и заставляли быть свидетелем происходящего. Кейт утверждает, что затем девушку убили на её глазах.

После этого инцидента Кейт сообщает, что лица, подвергавшие её насилию, использовали произошедшее в качестве прямой и постоянной угрозы, чтобы обеспечить молчание Кейт. Они неоднократно говорили ей, что убийство произошло из-за того, что она разговаривала с полицией, и настаивали на том, что в этом была её вина. Это сообщение повторялось систематически и стало центральной частью их принудительного контроля. Они дали понять, что то же самое может случиться с Кейт или с другими, если она когда-либо снова что-либо раскроет.

В другой раз Кейт сообщает, что её забрали из местной церкви во время воскресного утреннего богослужения. Её отвезли в соседний город, находящийся в часе езды, для выполнения «заданий». Она утверждает, что её изнасиловали в машине по дороге в город. В конце концов ей удалось сбежать от своих мучителей, но они преследовали и догнали её, утащили с дорожки вдоль канала и изнасиловали. После того как преступники ушли, Кейт покинула строение и попыталась вернуться назад по дорожке вдоль канала. Она была заметно травмирована, пребывала в состоянии стресса, её одежда была повреждена. Группа мужчин, которые рыбачили неподалеку, увидели её в таком состоянии и связались с полицией. Прибыли службы экстренной помощи, и её доставили в больницу для оказания медицинской помощи. Кейт сообщает, что после этого инцидента не было принято никаких эффективных мер по обеспечению её безопасности.

Когда Кейт исполнилось 17 лет, она поступила в местный колледж. Этот переход привел к значительным изменениям в её распорядке дня. Она стала более независимой, количество часов под присмотром сократилось, и прямой контроль со стороны взрослых стал менее строгим по сравнению с её предыдущей школой. Это повысило её уязвимость, так как лица, эксплуатировавшие её, смогли воспользоваться дополнительной свободой и ослабленным контролем, связанными с жизнью в колледже.

Родителям Кейт становилось всё труднее обеспечить её безопасность, и в возрасте до 18 лет она была направлена в Службы пограничного ухода (Edge of Care Services). Она оставалась в доме опеки по 2 ночи в неделю в качестве «передышки» (respite care) для её семьи. Она сообщает, что в этот период банда перевезла её в Лондон в целях торговли людьми. Находясь там, она подвергалась неоднократной сексуальной эксплуатации. В какой-то момент ей удалось связаться с домом опеки и сообщить им о своем местонахождении. Сотрудник по телефону дал ей инструкции и направил Кейт в место, где она могла находиться в безопасности до прибытия помощи.

Полиция прибыла на место и забрала её. Она сообщила об имевшей место эксплуатации, и на этот раз сотрудники восприняли её рассказ серьезно и проявили, по её мнению, надлежащую обеспокоенность. Они рекомендовали ей не возвращаться немедленно в её район из-за рисков для её безопасности. Однако местные органы власти района, где проживала Кейт, не согласились с этим и настояли на её возвращении домой. Сотрудники социального приюта отправились в Лондон, чтобы забрать её и вернуть в место размещения.

В этот период отставной офицер полиции узнал о ситуации Кейт через общего знакомого. Друг связался с ним от имени Кейт, и он связался с Кейт. На следующее утро он приехал, чтобы встретиться с ней лично, и пришел в её колледж. Он выразил намерение поддержать её и заявил, что, по его мнению, может помочь, но пояснил, что в связи с её возрастом ему потребуется связаться с моим назначенным социальным работником, прежде чем предпринимать какие-либо официальные действия.

Социальный работник Кейт отказался взаимодействовать с ним. Ситуация быстро стала запутанной и подавляющей для Кейт — отсутствие сотрудничества со стороны специалистов в сочетании с продолжающейся эксплуатацией и ухудшением её психического здоровья привели к серьезному эмоциональному кризису. Кейт была крайне подавлена и, находясь в колледже, выразила намерение свести счеты с жизнью. В результате она была принудительно госпитализирована в соответствии с Законом о психическом здоровье (Mental Health Act) и направлена на обследование.

Вскоре после этого инцидента Кейт снова забрали лица, эксплуатировавшие её. Ей сказали, что им известно о том, что она разговаривала с полицией. Её забрали из колледжа и отвезли в «Красную комнату». Там также присутствовала другая девушка, Мег. Кейт утверждает, что во время этого инцидента её заставили стать свидетелем крайней жестокости, в результате которой Мег погибла. По её словам, это было сделано намеренно, и преступники дали понять, что это стало прямым следствием их убежденности в том, что она раскрыла информацию полиции после своего принудительного помещения в психиатрический стационар.

Перед тем как Кейт должна была начать обучение в университете, она сообщает, что её отвезли в Лондон во время карнавала в Ноттинг-Хилле и заставили заниматься «уличной секс-работой». В какой-то момент Кейт нашла ближайших сотрудников полиции и попыталась объяснить, что она находится в опасности, что она стала жертвой торговли людьми и что она опасается, что её мучители найдут её. Они подтвердили, что она была

объявлена в розыск как пропавшая без вести, и связались с отцом Кейт, который сообщил офицерам, что она лжёт, и отказался приехать и забрать её.

Затем сотрудники полиции доставили её в полицейский участок. По прибытии ей сообщили, что она не может там оставаться и что, поскольку её отец отказался забрать её, ей придется покинуть участок. Никаких мер по обеспечению безопасности принято не было, и она опасалась, что лица, эксплуатировавшие её, снова её найдут. Она чувствовала себя полностью брошенной взрослыми и специалистами, которые должны были обеспечить её безопасность, и, будучи подавленной и в отчаянии, снова попыталась покончить с собой.

Вскоре после этого она поступила в университет — цель, которой она хотела достичь, так как считала, что это станет путем избавления от насилия. Однако большая свобода и ослабленный надзор, связанные с университетской жизнью, создали новые возможности для лиц, подвергавших её насилию, расширить масштабы эксплуатации за пределы района проживания Кейт. По её словам, это стало моментом, когда торговля людьми в её отношении приобрела национальный масштаб, а насилие стало происходить в нескольких регионах Великобритании.

В течение этого учебного года, по утверждению Кейт, её регулярно перевозили в различные города Великобритании. Эти перемещения были частыми, зачастую незапланированными и осуществлялись с минимальным уведомлением, что лишало её возможности обеспечить какую-либо стабильность или предсказуемость в её повседневной жизни. Уровень насилия в этот период значительно возрос. Мои травмы стали более частыми и более заметными. В нескольких случаях преподаватели университета и друзья Кейт заметили синяки и другие следы, которые отражали степень тяжести и регулярность жестокого обращения. Несмотря на эти признаки причинения вреда, никаких эффективных мер по обеспечению безопасности предпринято не было, и эксплуатация продолжилась.

В одном из случаев Кейт была увезена своими обидчиками из района, прилегающего к университету. Ей сказали, что она «попала в неприятности», так как из-за недавней госпитализации она была недоступна для «работ». Ее перевезли в отдаленное место и удерживали в жилом трейлере в течение «приблизительно девяти дней». За этот период, по ее словам, она подвергалась неоднократному сексуальному насилию, жестоким физическим нападениям и длительным пыткам, включая изнасилование собакой, в то время как мужчины заключали пари о том, проникнет ли животное во влагище или в анус; происходящее снимали на видео, а ее заставляли пересматривать запись. Это был «самый экстремальный и продолжительный» инцидент, который она пережила, и он ознаменовал значительную эскалацию уровня причиняемого ей вреда и контроля над ней. Продолжительность, изоляция и интенсивность насилия в этот период оказали долгосрочное и глубокое воздействие на ее физическое и психологическое состояние.

В течение следующего года Кейт несколько раз пропадала на длительные периоды и подвергалась непрерывной торговле людьми и изнасилованиям по всей стране. Когда начался локдаун из-за COVID-19, ее повседневные перемещения и университетская деятельность были ограничены в соответствии с национальными рекомендациями. Однако

лица, контролировавшие ее эксплуатацию, продолжали ожидать, что она будет посещать «работы» на протяжении всего этого периода. Локдаун не привел к снижению уровня контактов или спроса на нее.

По истечении этого периода торговля людьми начала постепенно сокращаться. Кейт получила положительное решение о «наличии убедительных оснований» (Conclusive Grounds) через Национальный механизм перенаправления, подтверждающее, что она была жертвой торговли людьми и эксплуатации.

Формы груминга, которым подверглась Кейт, не соответствовали «модели бойфренда» или тактикам груминга, которые часто ассоциируются с сексуальной эксплуатацией детей. Вместо этого насилие, которому она подверглась, основывалось прежде всего на шантаже, принуждении и угрозах. С самого начала причастные лица использовали страх, запугивание и контроль, а не привязанность или убеждение, чтобы заманить её в ловушку и эксплуатировать.

Демографический состав мужчин, подвергавших Кейт насилию, был смешанным. Первая группа, которая занималась торговлей людьми и эксплуатировала её, состояла преимущественно из белых британцев или лиц из среды цыган, рома и бродяг (Travellers). По мере того, как она выросла и её стали перевозить интенсивнее, основную часть насильников составили мусульмане из Пакистана, Бангладеш и Бенгалии. Другие жертвы, с которыми она сталкивалась, были почти исключительно белыми британками. Кейт неоднократно подвергалась насилию по расовым и религиозным мотивам, и то, что «она была белой, неоднократно использовалось в качестве оправдания насилия или для того, чтобы минимизировать или игнорировать причиняемый вред». Кейт подвергалась словесным нападкам и унижениям из-за её религии, в том числе её высмеивали за ношение креста и говорили ей, что «её христианская вера не дает ей никакой защиты». Насильники регулярно внушали ей, что «её Бог оставил её». Постоянно звучали комментарии о том, что белые и христианские девушки рассматриваются как имеющие разложившийся моральный облик или более низкую ценность, в то время как некоторые из мужчин описывали мусульманок как обладающих достоинством и более высоким моральным статусом.

Кейт приняла участие в данном Расследовании, поскольку чувствует «личную ответственность высказаться от имени многих девушек по всей стране, которые не в состоянии сделать это», и чтобы «помочь обеспечить понимание реалий этой формы эксплуатации и достижение значимых изменений». Системы, которые должны были защитить Кейт, не распознали риски, с которыми она столкнулась, не отреагировали. Фактически, когда высказывались опасения, и в некоторых случаях, по ее мнению, «способствовала причинению вреда, игнорируя или не веря в происходящее».

Для ознакомления с весомыми показаниями, полученными вне рамок наших слушаний, см. Приложение I.

Показания информаторов

Информаторов, пытавшихся разоблачить банды насильников, систематически заставляли замолчать, их дискредитировали и подвергали наказанию. В некоторых случаях их карьеры и репутации также были запятнаны. Специалисты по социальной опеке, общественные деятели и активисты, представившие доказательства все еще продолжающегося груминга, торговли людьми, финансового злоупотребления в отношении детей, находящихся под опекой, и институционального сокрытия фактов, столкнулись с отстранением от работы, судебными разбирательствами о диффамации, ранними рейдами, замораживанием активов, сфабрикованными обвинениями, условиями залога, налагающими запрет на разглашение информации, и изоляцией, приведшей к краху их карьеры. Власти заверяли их в том, что были проведены полномасштабные расследования, в то время как на самом деле они не проводились, а записи были уничтожены. Высокопоставленные должностные лица и выборные члены органов власти признали опасения обоснованными, однако не предприняли никаких мер по исправлению ситуации. Государство не просто игнорировало информаторов; оно наказывало их, чтобы защитить банды и свою собственную репутацию.

Мы пожелали исправить это, поэтому пригласили этих информаторов в нашу Комиссию по расследованию.

Ниже приведены некоторые из их показаний.

«Социальный работник»

Наш информатор, социальный работник, является опытным специалистом по социальной опеке детей с почти сорокалетним стажем службы. Её специализированная работа была сосредоточена на службах поддержки лиц, покидающих систему опеки, и обеспечении безопасности особо уязвимых молодых людей. В феврале 2018 года она предоставила обширные разоблачения, касающиеся финансового насилия в отношении молодых людей, нецелевого использования государственных средств, незаконных санкций, незаконных выселений, расизма в отношении детей, находящихся под опекой, и системных сбоев в обеспечении защиты от сексуальной и криминальной эксплуатации.

Её заверили, что будет проведено всестороннее расследование. На деле же ответы были запоздалыми, фрагментарными и непрозрачными. Высокопоставленные должностные лица позже признали, что финансовые злоупотребления, вероятно, имели место, но заявили, что доказать это невозможно из-за отсутствия записей. Ей сообщили, что в подразделениях были закуплены шредеры и что документы могли быть уничтожены. Несмотря на это, сообщение было признано «рассмотренным», хотя с ней так и не провели интервью.

Она описывает неоднократные сбои в обеспечении безопасности, свидетелем которых она стала, будучи временно исполняющей обязанности соруководителя полуавтономных подразделений, включая небезопасное размещение детей с тяжелыми психическими расстройствами, повторяющиеся случаи исчезновения, неустраненные риски эксплуатации, а также запоздалое вмешательство полиции или служб охраны психического здоровья. Её показания иллюстрируют нарастающий вред, включая самоповреждение,

сексуальную эксплуатацию, криминальную эксплуатацию и незаконную практику предоставления жилья.

После высказывания этих опасений она подверглась преследованию, включая прекращение выплат, отстранение от работы на основании необоснованных обвинений и профессиональную изоляцию. Высшее руководство и выборные должностные лица неоднократно игнорировали, по существу, её опасения. Она приходит к выводу, что местный совет поставил репутационные и финансовые соображения выше безопасности детей, оставив существующие риски без внимания.

Кейвен Вайнс (активист из Ротерема)

Кейвен собрал межведомственные записи, начиная с 2003 года. Они показали, что полиция, советы и члены парламента знали об организованном груминге со стороны пакистанских мусульманских банд за годы до любого публичного признания. Вайнс взаимодействовал с национальными СМИ и предоставлял доказательства высокопоставленным чиновникам. Он заявляет, что одно из интервью, в котором он принимал участие, а именно с Sky News, было искажено, что привело к судебным разбирательствам по делу о диффамации, которые довели его до банкротства и разрушили большую часть его жизни. Он заявляет о лжесвидетельстве со стороны членов парламента и о бездействии полиции в расследовании этого факта. Данная закономерность демонстрирует, что своевременное сообщение о нарушениях и осведомленности институтов приводило к преследованиям, а не к защите жертв.

Томми Робинсон (национальный активист)

Томми Робинсон задокументировал схемы груминга после эксплуатации близкой родственницы в возрасте 14 лет. Он услышал сотни подобных историй от семей по всей Англии. Когда он основал Лигу защиты Англии и выступил публично, Полиция Южного Йоркшира, по имеющимся сведениям, подвергла его неоднократным арестам. Полиция вламывалась в его семейный дом преимущественно на рассвете. Сообщается, что он также столкнулся со сфабрикованными обвинениями, заморозкой активов и угрозами, которые вынудили его неоднократно менять место жительства. Государство расценивало публичное разоблачение этнических и религиозных особенностей банд как более опасное, чем сами банды.

После того как Робинсон неоднократно подробно описывал масштабы деятельности мусульманских банд груминга по всей Британии, государство ответило адресными правовыми мерами, которые фактически заставили его замолчать. В мае 2018 года он вел прямую трансляцию перед зданием Королевского суда Лидса, когда в здание входили подсудимые по крупному делу о банде груминга. Он был немедленно арестован за нарушение общественного порядка, и ему было предъявлено обвинение в неуважении к суду за нарушение ограничений на освещение событий, которые защищали подсудимых. В тот же день он был приговорен к 13 месяцам тюремного заключения. Несмотря на освобождение через два месяца по результатам апелляции, дело было пересмотрено, и в июле 2019 года он был повторно приговорен к девяти месяцам тюремного заключения.

Этот приговор объединил шесть месяцев за правонарушение в Лидсе и три месяца за нарушение ранее вынесенного отложенного постановления о неуважении к суду, связанного с аналогичным инцидентом в Королевском суде Кентербери в 2017 году.

Сроки и характер этих судебных преследований указывают на явную расправу. Робинсон был одним из самых заметных голосов, привлекавших внимание к скандалу с бандами груминга в то время, когда власти в Ротереме, Рочдейле и других местах все еще отрицали существование проблемы или скрывали улики. Вместо того, чтобы расследовать деятельность банд, которые он выявил, государство сосредоточило свои ресурсы на тюремном заключении человека, привлечшего к ним общественное внимание. Обвинения в неуважении к суду привели к тому, что его освещение текущих судебных процессов было криминализировано, в то время как сети груминга продолжали функционировать. Имеются достаточные основания (*prima facie*) полагать, что неоднократное использование судов против Робинсона было направлено не на справедливое правосудие, а на наказание одного из лиц, которые вывели скандал с бандами груминга на поверхность задолго до того, как официальные институты были готовы начать действовать.

«Фред»

«Фред» — отец и специалист по информационным технологиям с примерно шестилетним опытом работы в сфере защиты детей. Его участие началось после того, как его собственные дочери подверглись грумингу в офлайн-среде со стороны бывшего партнера их матери. Его старшая дочь распознала риск и сообщила о ситуации, что позволило Фреду оперативно вмешаться и защитить своих детей. Этот опыт побудил его вступить в команду по защите детей в сети.

В течение примерно двух лет Фред работал в качестве приманки, выдавая себя в сети за ребенка, чтобы выявлять взрослых, стремящихся к грумингу и сексуальной эксплуатации детей. Он подвергался воздействию крайне тревожной сексуальной переписки, что оказало серьезное психологическое воздействие и в конечном итоге привело к тому, что он прекратил выполнять функции «приманки».

Опираясь на свой профессиональный опыт, Фред сместил акцент на разработку инструментов цифрового отслеживания, идентификации преступников и сбора криминалистических доказательств. Его работа направлена на получение доказательств, пригодных для представления в суде. Он сотрудничал с многочисленными британскими группами по защите детей и взаимодействовал с различными полицейскими управлениями, включая специализированные подразделения по защите детей в сети Интернет.

На сегодняшний день Фред оказал помощь в идентификации, отслеживании и подаче заявлений о почти 1300 предполагаемых сексуальных преступниках в отношении детей. Эти дела привели к арестам, судебному преследованию и вынесению обвинительных приговоров. По крайней мере в четырех случаях речь шла о попытках торговли детьми. Он также выявил и предоставил технические данные, которые привели к отключению

примерно 30 серверов в Даркнете, на которых размещались большие объемы материалов с изображением сексуального насилия над детьми.

Фред заметил, что многие правонарушители являются рецидивистами, причем некоторые из них были осуждены неоднократно. По его мнению, реабилитация неэффективна для данной категории преступников, а нынешняя практика вынесения приговоров зачастую не выполняет сдерживающую функцию: некоторые лица получают лишь общественные работы, несмотря на веские доказательства.

Фред полагает, что онлайн-груминг может быть существенно сокращен или устранен с помощью существующих технологий и искусственного интеллекта. Такие системы могли бы обнаруживать поведение, характерное для груминга, в режиме реального времени на основе установленных моделей. Повторяющейся закономерностью в делах, по которым Фред оказывал поддержку, является то, что подавляющее большинство подозреваемых сами иницируют контакт с приманками, что свидетельствует о том, что они активно выбирают в качестве целей нескольких детей.

Он выделил один конкретный случай на одной из платформ с участием лица, которое публично представлялось репетитором по Корану и арабскому языку, связанным с мечетью и учебным центром при двух университетах. Полиции были представлены обширные цифровые доказательства, включая логи чатов, данные IP-адресов и информацию о местоположении. Несмотря на это, данное лицо, по всей видимости, вскоре покинуло Британию, позже снова появившись в 104 стране и за ее пределами, в то время как расследование оставалось открытым. Фред выразил обеспокоенность отсутствием видимых действий по этому делу, несмотря на веские доказательства, и отметил последующие кибератаки на свои системы, исходящие с Ближнего Востока.

Фред сталкивался с прямыми личными угрозами, включая угрозу жизни со стороны опасного рецидивиста с предыдущими судимостями за похищение людей, пытки и изнасилование. Фред представил эти показания, чтобы подчеркнуть масштаб онлайн-груминга, технологические возможности для его предотвращения и системные пробелы, которые позволяют преступникам продолжать совершать правонарушения.

Демография и культура

Преступники из числа пакистанских мусульман и мусульман иного происхождения составили основу банд насильников по всей стране.

Они действовали согласно клановому кодексу «чести» и «позора», в соответствии с которым девушки, не являющиеся мусульманками, особенно белые девушки из рабочего класса, рассматривались как собственность, доступная для сексуального использования, поскольку у этих девушек не было мужчин-защитников, способных на ответные действия. Мужчины начинали с того, что осыпали девушек вниманием, подарками, алкоголем и наркотиками. Затем это перерастало в принуждение, групповые изнасилования и торговлю людьми. Они перевозили жертв между городами, передавали их друзьям и родственникам, а иногда принуждали к переходу в ислам с последующим заключением религиозных

браков. Мусульмане оправдывали насилие, характеризуя белых британских девушек как «легкодоступных», «мусор» или морально неполноценных. Те же сети выбирали своими целями девушек-сикхов, пока общины сикхов не мобилизовали коллективную мужскую защиту и не заставили банды отступить. Британским девушкам такая защита не была доступна. Эта эксплуатация, облеченная в религиозную форму, повторялась в каждом крупном городе и поселении, а также за их пределами.

В Великобритании была зафиксирована серия громких приговоров за организованную групповую сексуальную эксплуатацию детей, которую обычно называют «бандами груминга». Однако число вынесенных приговоров составляет лишь малую долю от общего числа мужчин, совершивших эти преступления.

В тех случаях, когда преступники пакистанского происхождения были публично указаны в судебных протоколах или отчетах, их имена неизменно носили мусульманский характер. Согласно Переписи населения Англии и Уэльса 2021 года, около 93% лиц, идентифицирующих себя как пакистанцы по этнической принадлежности, также идентифицировали себя как мусульмане, и лишь около 1% исповедовали другую религию (у остальных вера не была зафиксирована).

Исследователь Питер Маклофлин в работе «Easy Meat» (2016) составил исчерпывающий список приговоров членам банд груминга за период с 1997 по 2018 год (с обновлениями в последующих анализах), опираясь на опубликованные результаты судебных разбирательств. Его анализ имен показал, что примерно 87% осужденных носили отчетливо мусульманские имена; этот показатель был подтвержден в смежных анализах и значительно превышал долю мусульман (около 6%) в общей численности населения Великобритании. *13

Большинство этих осужденных групп состояли исключительно из мужчин из мусульманской среды. Эти группы преимущественно пакистанского происхождения, особенно когда численность группы составляет десять и более человек. Динамика большего размера групп пакистанских преступников наблюдается в крупных судебных преследованиях и официальных обзорах в таких городах, как Рочдейл, Ротерем, Хаддерсфилд, Оксфорд, Телфорд и других.

Другие приговоры касались групп, состоящих преимущественно из мусульман непакстанского происхождения, что свидетельствует о том, что проблема не обязательно ограничена одной этнической группой:

- Две банды сомалийского происхождения в Бристоле.
- Банда преимущественно африканского происхождения в Бэнбери.
- Трое иранцев в Челмсфорде.
- Трое сирийцев и один кувейтец в Ньюкасле.
- Двое турок в Сомерсете.

- Румынская банда насильников в Ротереме.
- Крупное дело «Операция „Святылище“» (Operation Sanctuary) в Ньюкасле, в котором фигурировали 17 мужчин и одна женщина различного мусульманского происхождения: албанского, курдского, бангладешского, индийского, турецкого, иранского, иракского, пакистанского и восточноевропейского. Почти все опубликованные имена были исламскими.

Эти закономерности выведены из материалов судебных разбирательств, протоколов вынесения приговоров, официальных расследований (таких как расследования по Ротерему, Рочдейлу и другим городам), а также из открытых отчетов по завершенным делам. Последние события, включая текущие обзоры и аудиты данных (например, национальные аудиты и возобновленные старые дела), позволяют и далее изучать масштаб, характеристики и закономерности подобных преступлений.

Что касается масштаба преступлений, то это отражено в реестрах осужденных, данных полиции соответствующих регионов и аудитах — во всех этих источниках отмечается избыточное представительство мужчин южноазиатского/пакистанского происхождения в определенных групповых делах, при этом признаются ограничения данных по этнической принадлежности.

13. См. Peter McLoughlin, *Easy Meat: Inside Britain's Grooming Gang Scandal* (Nashville, TN: New English Review Press, 2016).

Меньшие немусульманские группы часто характеризуются иной динамикой или профилями жертв по сравнению с классической моделью «груминга» с участием множества преступников в более крупных операциях.

Термин «азиат» часто применялся в СМИ, официальных заявлениях и общественном дискурсе для описания преступников в делах о бандах груминга по всей Великобритании. Однако такая широкая маркировка может вводить в заблуждение, поскольку в Великобритании проживает значительное количество немусульманского населения азиатского происхождения, такого как индусы и сикхи из Индии, буддисты из Японии, а также христиане из Филиппин и Вьетнама. Эти группы населения, за крайне редкими исключениями, не были причастны к данным преступлениям. Фактически, представители этих общин чаще выступали в роли жертв, чем преступников, в ставших известными делах о бандах груминга.

Д-р Элла Хилл, пережившая насилие банд груминга в Ротереме и ныне являющаяся дипломированным врачом, мужественно поделилась своим опытом и размышлениями на многочисленных общественных форумах, включая показания в ходе расследования Джея 2022 года, интервью для подкаста в июле 2020 года и статью в издании *The Independent* в 2018 году. Её отчет полностью согласуется с доказательствами, представленными в ходе Расследования по делу о бандах изнасилования.

После многолетних неоднократных сексуальных изнасилований, жестоких избиений и попытки убийства со стороны её насильников, члены её семьи были вынуждены сменить

фамилии и переехать в другую часть страны, чтобы она могла закончить школу и впоследствии получить медицинское образование и степень.

В своих показаниях д-р Хилл последовательно описывала насилие как имевшее как расовый, так и религиозный характер. Во время изнасилований ей прямо говорили, что нападения происходят из-за того, что она белая и что она христианка.

Она объяснила, что сначала подверглась грумингу, а затем была передана в торговлю людьми своим парнем, пакистанцем-мусульманином, группам мужчин-мусульман. Её неоднократно привозили в разные дома и квартиры, где её изнасиловали, подвергли физическому насилию и пыткам. Даже после того, как она попыталась сбежать и спрятаться, главный преступник выследил её, ворвался в её дом и пытался убить её. Это происходило не менее пяти раз. Она выжила после этих нападений, но осталась с обширными рваными ранами и синяками.

По меньшей мере пять раз она обращалась в полицию, предъявляя медицинские доказательства своих травм, однако каждый раз ей говорили, что они ничего не могут сделать, и её доказательства не принимались.

Д-р Хилл подчеркнула, что словесные оскорбления, которые она терпела, были пропитаны как расовыми, так и религиозными ругательствами. Во время избиений её неоднократно называли «белой дрянью», «белой шлюхой», «белой пиздой» и одновременно осуждали как немусульманку, которая заслуживает наказания за несоблюдение исламских правил. Её насильники, по её словам, действовали в соответствии с тем, что она назвала «идеологией банд груминга», согласно которой они считали свои преступления оправданными с религиозной точки зрения.

Более подробно, в своем заявлении, включенном в показания доцента Лизы Окли по Расследованию Джея 2022 года, доктор Хилл заявила:

«Мне говорили, что я должна уважать их религию. Это была первая из многих сбивающих с толку лживых вещей, в которые меня заставляли верить. Мне говорили, что чтобы проявить к ним (мусульманам) уважение, я не должна есть свинину. Мне говорили, что мусульманки добрые и чистые и остаются девственницами до замужества, а все белые девушки — шлюхи, и все они спят с сотнями людей. Мне говорили, что белые девушки — мусор. Они все проститутки. Они ниже дерьма на подошве вашего ботинка. Они не повинуются Аллаху, поэтому заслуживают наказания. Они одеваются нескромно. Мусульманки чисты, потому что они закрывают тело до щиколоток, до запястий, а подол их верхней одежды спускается ниже колен. Белые девушки выставляют напоказ изгибы своего тела, поэтому они сами напрашиваются. Их следует изнасиловать в качестве наказания за неповиновение Аллаху. Девушки-кафиры [немусульманки] никчемны. Секс с девушкой-кафиром не считается прелюбодеянием (только секс с мусульманкой считается прелюбодеянием). Если ты не девственница перед замужеством, тебя следует избить. Много раз мне говорили, что в Коране сказано: „Если одна из ваших жен не повинуется вам, бейте её“. Это часто цитировали мне перед тем, как они били меня руками. Они считали, что обладают религиозно-моральным превосходством над „неверными“. Они

считали своим долгом наказывать нас, так как верили, что это делает их хорошими мусульманами. Этому их учили их матери. Их учили, что ведьмы в Пакистане — блондинки, поэтому блондинки более злые и заслуживают более сурового наказания. Мне говорили, что в исламе, если девушка или женщина смотрит на мужчину, который не является её братом, отцом или мужем, это значит, что она хочет вступить с ним в сексуальную связь. Мне говорили смотреть в пол, когда я находилась в окружении мужчин-мусульман. Поэтому, когда я всё же посмотрела на официанта в ресторане, меня увезли, чтобы подвергнуть групповому изнасилованию в качестве «наказания». Мне говорили, что, согласно их религиозной общине, девочки становятся достаточно взрослыми для секса, когда у них начинаются менструации (в возрасте одиннадцати лет). Многим из нас пришлось перенести сексуальный акт «бедерного секса» [араб. *mufākhadhah*], который, как мне теперь говорят, является санкционированным религией способом развращения детей согласно некоторым исламским писаниям. (Нужно лечь на спину, вытянув ноги вместе, а они усаживаются сверху и трахают между бедрами).

Меня избивали, душили, удерживали голову под водой, пытали, пинали и насиловали более 100 раз. Мне говорили, что если ты не кричишь во время изнасилования, значит, ты согласна на изнасилование, и поэтому тебя следует забить камнями до смерти. Мне говорили, что девочки-мусульманки знают об этом (потому что в Коране сказано, что молчание Аиши было её согласием на брак с Мухаммедом). Таким образом, девочки-мусульманки знают, что нужно кричать, а белые девочки — нет, так что в этом их вина, потому что они не мусульманки. Когда я всё же надела платок, чтобы попытаться защитить себя от изнасилования, мне велели снять его, и меня изнасиловали снова. (Теперь я знаю, что все эти так называемые «способы защитить себя от изнасилования» являются «мифами об изнасиловании», используемыми для оправдания преступного поведения преступников).

Они угрожали убить моих родителей, если те попытаются помешать мне видиться с ними. Меня запугивали с помощью огнестрельного оружия и угрожали отрезать части тела ножами. Когда я пыталась сбежать, мне сказали, что я оскорбила их честь, поэтому они должны пролить мою кровь. Они сделали это в ходе нападения во имя чести. Все сексуальное насилие, которому я подверглась, было связано с духовным или религиозным насилием. Религиозные писания использовались как инструменты контроля, чтобы заставить меня подчиниться их воле. Мне не позволялось подвергать сомнению эти религиозные убеждения. Они использовали свой религиозный «моральный авторитет» и самопровозглашенный элитизм, чтобы контролировать меня посредством использования писания, принудительных признаний, цензуры в принятии решений, требования секретности и молчания, изоляции, чрезмерного пристыжения и наказаний, связанных с сексуальностью, а также требования беспрекословного повиновения. Я воспринимала это как глубоко личную, ужасающую физическую, эмоциональную и духовную атаку. Каждый раз, когда они цитировали писание, с ними было очень трудно спорить; для них это выглядело так, будто я спорю с Богом. Для меня же это на самом деле было похоже на спор с дьяволом. Они использовали свой так называемый «религиозный моральный авторитет», чтобы совершать самые ужасающие, аморальные поступки, которые только можно вообразить». *14

14. Независимое расследование случаев сексуального насилия над детьми, свидетельские показания профессора Лизы Рут Окли, стр. 4-5.

«Сара» и «Анна»

Совершенно типичный опыт выживших, известных как «Сара» и «Анна» — обе получили помощь от Christian Legal Centre — служат дальнейшим подтверждением религиозных аспектов, отмеченных в некоторых делах о бандах груминга.

Сара пережила 12-летние мучения после того, как в возрасте 15 лет была похищена с улицы. В этот период ей неоднократно давали Валиум, ее избивали и насиловали. В какой-то момент ее насильник предъявил ей свидетельство из мечети и заявил, что они женаты согласно исламским обрядам. Позже он развелся с ней по процедуре шариата, просто трижды произнеся: «Я развожусь с тобой». Затем она была немедленно выдана замуж за мужчину, которого не знала, в ходе церемонии, проведенной имамом. Спустя несколько минут после окончания церемонии, пока внизу продолжалось свадебное торжество, она была изнасилована своим новым «мужем».

За эти годы Сара подверглась восьми принудительным абортам, один из которых был сделан на пятом месяце беременности. Когда её насильник сопровождал её на медицинские приемы, он требовал, чтобы она носила хиджаб и шла в пяти футах позади него. Ее заставляли изучать Коран на арабском языке и разрешали говорить только на урду и панджаби. Ее также заставляли готовить и убирать для членов банды, которые подвергали ее насилию.

Сара предприняла несколько безуспешных попыток побега. В одном из случаев, после того как она сообщила в полицию о своем похищении, ее опросил офицер-мусульманин, который выключил диктофон и велел ей оставить свои обвинения из-за «отсутствия доказательств». Позже она узнала, что этот офицер был заключен в тюрьму за сексуальные преступления против детей.

В другом деле, Анна в 2002 году жила в детском доме в Брэдфорде. С 13 лет, находясь в детском доме, она подвергалась изнасилованиям и избиениям, а в 15 лет ее принудили к заключению шариатского брака. Ее социальный работник присутствовал на свадебной церемонии и разрешил родителям ее мужа взять ее на воспитание после того, как она забеременела; родители получали от государства пособие по опеке. Анна описала свою ситуацию как «домашнее рабство», при котором с ней обращались «как с прислугой», и она неоднократно подвергалась сексуальному насилию со стороны десятков мужчин. *15 В Великобритании только отчеты Столичной полиции Лондона указывают на то, что в среднем ежегодно происходит 1125 случаев сексуального насилия с участием нелегализованных водителей такси. Значительная часть правонарушителей в этих случаях была идентифицирована как мусульмане. *16

15. Джеймс Тозер, Социальный работник «присутствовал на свадьбе напуганной 15-летней девочки с ее насильником»: Опекуны закрыли глаза на то, что жертва подросткового

груминга была принуждена к исламскому браку, следует из разоблачительного отчета, Daily Mail, 27 июля 2021 г.

Еще одной формой сексуальной эксплуатации, связанной с определенными мусульманскими общинами по всей Великобритании, является торговля людьми в целях заключения брака. Отдел по борьбе с принудительными браками (FMU) обработал в 2024 году 801 дело, касающихся проживающих в стране девушек и женщин, которых принудили к вступлению в брак с мужчинами, оказав прямую поддержку в 229 из этих случаев.

Среди 280 дел, в которых в 2023 году была зафиксирована целевая страна, шестью странами с наибольшим количеством случаев были Пакистан (45%), Бангладеш (13%), Афганистан (7%), Индия (3%), Сомали (3%) и Нигерия (2%). Из этих шести все, за исключением Индии и Нигерии, имеют подавляющее большинство мусульманского населения.

Более ранние данные Министерства внутренних дел от 2009 года показали, что 90% жертв принудительных браков в Великобритании были мусульманами. Однако в последние годы FMU прекратил сбор или публикацию данных о вероисповедании вовлеченных лиц — сдвиг, который переключается с моделями уклонения, наблюдавшимися в ходе расследований деятельности «группировок груминга».

В отчете FMU говорилось:

«Принудительный брак не является проблемой, характерной для какой-то одной страны, религии или культуры. ... FMU не ведет учет данных о вероисповедании; ни одна из основных конфессий в Великобритании не выступает за принудительные браки. Добровольно данное согласие является обязательным условием христианских, индуистских, иудейских, мусульманских и сикхских браков». *¹⁷

Хотя принудительные браки встречаются в различных общинах и не являются исключительной особенностью мусульман, статистика указывает на явную чрезмерную представленность мусульман среди лиц, фигурирующих в делах о принудительных браках. Также неверно утверждать, что ислам предписывает согласие женщины на брак.

О схожих моделях сексуальных преступлений, в которых диспропорционально часто фигурируют мужчины-мусульмане, сообщалось и в других западных странах со значительным числом иммигрантов-мусульман.

17. См. статистику Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел, статистика Подразделения по борьбе с принудительными браками (Forced Marriage Unit) за 2023 год, 9 мая 2024 г.

16. Д-р Марк Дьюри, «Британские банды груминга и ислам», Christian Concern, 13 ноября 2025 г., стр. 15.

В Нидерландах значительное внимание СМИ было сосредоточено на так называемых «lover boys», которыми являются преимущественно марокканские мусульмане. Эти лица сначала соблазняют голландских девушек, часто подростков, а затем принуждают их к проституции, чтобы извлекать прибыль из их заработка. Согласно отчету организации Child Right из Амстердама за 2001 год, примерно 5 000 «обычных» голландских школьников в возрасте 13 или 14 лет из типичных семей были втянуты в проституцию с помощью «lover boys». Документальный фильм «Lover Boys» режиссера Джулии Рук описывает работу Ибрагима, голландского социального работника марокканского происхождения, который оказывает поддержку как преступникам, так и их жертвам. *18

В Швеции академическое исследование 2021 года, посвященное «шведским преступникам, совершившим изнасилования», пришло к выводу, что почти половина осужденных лиц родились за пределами Швеции, при этом иммигранты из Ближнего Востока и Северной Африки были среди них заметно перепредставлены. *19

В Австралии в 2002 году девять ливанских мужчин-мусульман были осуждены за групповое изнасилование белых девушек. Сообщения СМИ того времени указывали на то, что полиции было известно о более чем 60 пострадавших женщинах, связанных с этой группой, хотя приговоры касались изнасилований семи девушек. Полиция изъяла сообщение из мобильного телефона одного из преступников, в котором говорилось:

«Когда тебе грустно... избежь христианина или католика и взбодрись». *20

Статистика

Данные о преступниках из анализа Фонда Quilliam 2017 года, наряду с недавними независимыми расследованиями, выявляют последовательную, непропорциональную причастность мужчин-мусульман — в подавляющем большинстве имеющих пакистанское происхождение — к групповой сексуальной эксплуатации детей (CSE).

Цифра в 250 000 не является точным подсчетом. Такого подсчета не существует, поскольку британское государство не смогло его зафиксировать. Однако мы можем рассматривать её как консервативную оценку, учитывающую организованный, повторяющийся характер насилия (многие девочки подвергались изнасилованиям сотни раз несколькими преступниками) и десятилетия институционального сокрытия.

20. См. Kate Warner, Gang Rape in Sydney: Crime, the Media, Politics, Race and Sentencing, *Journal of Criminology*, том 37, выпуск 3, декабрь 2004 г.

19. Ardavan Khoshnood, Henrik Ohlsson, Jan Sundquist & Kristina Sundquist, Swedish rape offenders – a latent class analysis, *Forensic Sciences Research*, 22 февраля 2021 г.

18. См. Julia Rooke & Caroline Pare, *Lover Boys*, Al Jazeera, 15 мая 2012 г.

Анализ 264 приговоров за групповую сексуальную эксплуатацию детей за период с 2005 по 2017 год показал, что 84% (222 преступника) были выходцами из Южной Азии, при

этом подавляющее большинство — пакистанскими мусульманами. Только 7% были белыми и 8% — черными. *21

Дополнительный контекст из экспертных комментариев включает заявления д-ра Таджа Харги, имама Оксфордской исламской общины (Oxford Islamic Congregation), который отметил, что практически каждый участник этих банд груминга, по всей видимости, является мусульманином, оценив долю причастных к этому лиц, исповедующих ислам, в 95%. *22

Как было заявлено ранее, исследование Питера Маклофлина указывает на то, что приблизительно 87% приговоров по делам о групповых изнасилованиях касались людей с явно мусульманскими именами. Эти цифры резко контрастируют с гораздо меньшей долей пакистанских или мусульманских общин в общем составе населения современной Великобритании (мусульмане составляют примерно 6,5%, а пакистанцы — около 2,1%, согласно данным последней переписи населения). Многочисленные исследования, включая данные различных полицейских управлений, национальные аудиты и независимые обзоры, задокументировали эту избыточную представленность в групповых преступлениях такого рода, даже несмотря на то, что в некоторых более ранних официальных нарративах подчеркивалось отсутствие единого профиля общины или предпринимались попытки преуменьшить значение этнических закономерностей. *23

Число зарегистрированных изнасилований в Соединенном Королевстве существенно возросло с 1997 года, когда при Блэре началась эпоха масштабной массовой иммиграции в страну. Официальные данные полиции о зарегистрированных преступлениях в Англии и Уэльсе указывают на то, что в 2000 году число преступлений в виде изнасилований составило примерно 8 593 — показатель, близкий к уровням, наблюдавшимся в конце 1990-х годов до внесения существенных изменений в практику регистрации. *24

24. См. Office for National Statistics, Sexual offences in England and Wales overview: year ending March 2025, 4 ноября 2025 г.

23. См. Connor Tomlinson, Grooming Gang Denial Is Dead, Courage Media, 18 июня 2025 г.

22. См. Fundamentalist ‘Muslims believe if the Prophet’ slept with a nine-year-old ‘what’s wrong with a 12-year-old?’, claims Muslim leader, London Loves Business, 9 января 2025 г.

21. См. Haras Rafiq & Muna Adil, Group-Based Child Sexual Exploitation: Dissecting “Grooming Gangs”, Quilliam, декабрь 2017 г.

К сроку, заканчивающемуся в марте 2025 года, полиция зафиксировала увеличение числа преступлений в виде изнасилований до более чем 70 000, согласно данным, опубликованным Управлением национальной статистики (ONS), что отражает рост, превышающий 800%, даже с учетом роста населения примерно на 15% за прошедшие годы. *25

В резком контрасте Польша, в которой на протяжении того же периода сохранялся относительно низкий уровень иммиграции, зафиксировала снижение числа

зарегистрированных изнасилований. Данные национальной полиции Польши показывают, что число зарегистрированных преступлений в виде изнасилований сократилось с 2399 в 2000 году до 1127 к 2023 году — снижение более чем на 50%. При стабильной численности населения примерно в 38 миллионов человек это соответствует показателю примерно 3 изнасилования на 100 000 жителей в последние годы, по сравнению с более чем 100 на 100 000 в Соединенном Королевстве. *26

Эти сравнительные закономерности, выведенные из официальных источников, подчеркивают расходящиеся тенденции между двумя странами. Ссылки включают бюллетень ONS о сексуальных преступлениях в Англии и Уэльсе за год, заканчивающийся в марте 2025 года, исторические таблицы зарегистрированной полицией преступности Министерства внутренних дел (Home Office), а также данные Евростата о зарегистрированных полицией правонарушениях наряду с национальной статистикой Польши, составленной через Statista за период с 2000 по 2023 год. Расчеты на душу населения дополнительно подчеркивают масштаб разрыва при рассмотрении относительной численности населения.

Эти цифры указывают на то, что банды насильников представляют собой специфический этнорелигиозный феномен, в котором мусульмане — особенно мусульмане из Пакистана — значительно перепредставлены.

26. См. Statista, Number of rapes in Poland from 1999 to 2023.

25. См. Office for National Statistics, Sexual offences in England and Wales overview: year ending March 2025, 4 ноября 2025 г.

Влияние ислама

Отношение мусульман к немусульманам во всем мире

Британия не является уникальным случаем. Подобные вещи происходят везде, где либо приветствуется массовая миграция из мусульманских стран, либо проживают давно укоренившиеся мусульманские общины. Наблюдается устойчивая тенденция сексуального насилия, направленного против немусульманских меньшинств в условиях, когда мусульмане составляют большинство. *27

По всей Британии, как мы уже отметили, целью мусульманских банд также становились девушки из сикхских и индуистских семей. В отличие от белого британского большинства, этим немусульманским иммиграционным группам никогда не препятствовали в организации коллективных действий для защиты своих людей. Делая это, как и полагалось по их долгу, Сеть сикхских организаций (Network of Sikh Organisations) обратила внимание на «ужасающее обращение» с немусульманами в Пакистане:

«Нам достаточно взглянуть на ужасающее обращение с девушками из религиозных меньшинств в Пакистане, где христианских, индуистских и сикхских девушек похищают, принуждают к переходу в ислам и выдают замуж, чтобы понять лежащие в основе этого мотивы. В 2018 году только в провинции Синд в Пакистане около 1000 девушек постигла

эта участь. Во многих случаях преступники остаются безнаказанными из-за коррупции и сговора с местными чиновниками». *28

В апреле 2024 года эксперты ООН по правам человека выразили серьезную обеспокоенность по поводу уязвимости девочек из числа меньшинств в Пакистане перед лицом принудительной смены религии и принудительных браков. В их пресс-релизе подчеркивалось, что девочки-христианки и индуистки, в частности, подвергаются повышенному риску похищения, торговли людьми, принудительного детского брака, домашнего рабства и сексуального насилия. *29

Правозащитные группы и сообщения СМИ, включая расследование BBC 2021 года, оценивают, что тысячи немусульманок — прежде всего христианок, индуисток и сикхских девушек — ежегодно похищаются в Пакистане, принуждаются к переходу в ислам и выдаются замуж за своих похитителей. Один из задокументированных случаев касался Фары, 12-летней девочки-христианки, похищенной из своего дома в июне 2020 года тремя мужчинами-мусульманами, подвергшейся изнасилованию и принужденной к домашнему труду в качестве рабыни. *30

29. Пресс-релиз Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ), Пакистан: эксперты ООН обеспокоены отсутствием защиты девочек из числа меньшинств от принудительной смены религии и принудительного брака, 11 апреля 2024 г.

28. Сеть сикхских организаций (Network of Sikh Organisations), Наше письмо министру внутренних дел (Home Secretary) о бандах груминга, 20 января 2025 г.

27. Излишне говорить, что, как показывает наш опыт в Великобритании, этот же послужной список применим даже в тех случаях, когда они являются одними из многих меньшинств.

Типичная последовательность событий в таких случаях выглядит так: девочка похищается, принуждается к подписанию свидетельства о переходе в другую веру и в кратчайшие сроки выдается замуж за мусульманина. Полиция в Пакистане часто принимает сторону похитителей, а не семьи девочки. Когда родители обращаются в суд, суды, как правило, признают законность перехода в другую веру. Свидетельства о рождении могут быть фальсифицированы, чтобы указать, что девочка не является несовершеннолетней. Связь с ее семьей обычно блокируется. После перехода в ислам родители-немусульмане теряют все полномочия в отношении своего ребенка, поскольку исламское право запрещает немусульманам осуществлять опеку над мусульманами, включая их собственное потомство.

Доказательства по приговорам в отношении банд груминга по всей Великобритании неоднократно указывают на мусульманское происхождение многих преступников. Если рассматривать это наряду с аналогичными моделями сексуальных преступлений, наблюдаемыми как в странах происхождения иммигрантов, так и в обществах с мусульманским большинством, это дает веские основания полагать, что элементы ислама способствуют распространению бича банд груминга в нашей стране.

Хотя не вызывает удивления тот факт, что религия может формировать и регулировать сексуальное поведение, предположение о том, что ислам может играть роль в стимулировании сексуальных преступлений, остается крайне дискомфортным для некоторых представителей либерального Запада. Тем не менее, возможность исламского влияния на эти преступления нельзя игнорировать. Имеющиеся данные убедительно указывают на то, что это гипотеза, заслуживающая серьезного изучения.

Влияние любой религии на поведение индивидуума редко бывает прямым и неопосредованным; оно подвергается сильной фильтрации через культуру, которую религия может постепенно изменять на протяжении поколений. Не все мусульманские общины или общества подвержены влиянию ислама в одинаковой степени или одинаковым образом. Мусульманские меньшинства могут вести себя иначе, чем мусульманское большинство. Например, осуждения мужчин-мусульман индийского происхождения по делам о бандах гомосексуальности по всей Великобритании *30 Майк Томсон, «Похищена, закованная в цепи и принужденная к браку в 12 лет», BBC News, 10 марта 2021 г., заметно редки по сравнению с осуждениями лиц пакистанского происхождения. Это различие может быть связано с демографическим контекстом: мусульмане составляют лишь около 14% населения Индии (в то время как индуисты составляют около 80%), что ставит их в положение меньшинства, где социальные и правовые ограничения существенно отличаются от ситуации в Пакистане, где мусульмане доминируют подавляющим образом, а немусульмане составляют небольшое, зачастую маргинализированное меньшинство. В таких условиях эксплуатация соседей-немусульман становится гораздо проще.

По крайней мере восемь теологических аспектов ислама могут способствовать формированию культурных паттернов, которые делают возможным или нормализуют сексуальное насилие над девочками, не являющимися мусульманками. К ним относятся (1) доктрина превосходства мусульман, (2) принцип лояльности и отречения (аль-вала ва-ль-бара), (3) доминирование мужчин над женщинами, (4) принудительная изоляция и завуалирование женщин, (5) принудительный брак в сочетании с отсутствием установленного минимального возраста согласия, (6) восприятие женской сексуальности как изначально опасной или как «фитны», (7) исторический институт рабства в шариате и (8) система зимми («защищаемое меньшинство»).

Все они укоренены в классической исламской теологии, вплоть до исламской юриспруденции включительно. Однако даже в государствах, управляемых по законам шариата, распространены адаптации, такие как установление минимального возраста вступления в брак или ограничение одностороннего развода со стороны мужчин с целью смягчения наиболее суровых последствий для женщин.

Мусульманский супрематизм

Ислам утверждает, что те, кто праведен и истинно боится Бога, то есть мусульмане, по своей сути превосходят тех, кто отвергает повеления Бога, а именно немусульман. Эта идея отражена в Коране 3:110:

«Вы [мусульмане] — лучшая община, возникшая среди людей: вы повелеваете благое, запрещаете предосудительное и веруете в Аллаха. Если бы люди Писания [т. е. христиане и иудеи] уверовали, им было бы лучше; некоторые из них являются верующими, но большинство из них — заблудшие». (Сура 3:110)

В своем интервью для подкаста в июле 2020 года пострадавшая в Роттереме доктор Элла Хилл описала оскорбительные высказывания и действия, которые воплощали это чувство превосходства. Она рассказала, что ее заставляли наклоняться и целовать ноги преступника в качестве преднамеренного акта, призванного подчеркнуть ее неполноценность. Она также рассказала о другой жертве в Роттереме, которую во время групповых изнасилований десятками мужчин заставляли вылизывать их ноги, потому что «они считали, что морально превосходят ее». Хилл отметила:

«Это связано с чувством мусульманского превосходства: они верят, что обладают абсолютным моральным авторитетом, чтобы приказывать людям, стоящим ниже них, лизать им ноги».

Далее она отметила, что ее насильники рассматривали привычки немусульман как изначально нечистые:

«Если вы едите свинину, вы нечисты, вы грязны. Если вы пользуетесь ножом и вилок, вы грязны; если вы не едите пищу руками». *31

Менталитет «Мы и Они»

Исламский принцип, известный как аль-вала ва-ль-бара (преданность и отречение), предписывает мусульманам направлять свою любовь и верность тому, что угодно Богу, в то время как ненавидеть, избегать и дистанцироваться от того, что Ему неуживо. По сути, он призывает любить и поддерживать единоверцев и отвергать неверующих.

Это учение опирается на несколько коранических стихов, включая следующие:

«Пусть верующие не берут неверующих в союзники вместо верующих — кто поступит так, тот не имеет ничего от Бога — если только вы не будете проявлять осторожность в качестве меры предосторожности». (Сура 3:28)

«О вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан в союзники. Они — союзники друг другу. Кто из вас возьмет их в союзники, тот станет одним из них. Воистину, Бог не ведет прямым путем людей, которые творят зло [т. е. не-мусульман]. И вы видите тех, в чьих сердцах болезнь — они спешат [обратиться] к ним. ... Кто берет в союзники Бога, Его Посланника [Мухаммада] и тех, кто уверовал [мусульман] — воистину, партия Бога, они — победители». (Сура 5:51–52, 56)

«Прекрасным примером для вас был Авраам и те, кто был с ним, когда они сказали своему народу: „Воистину, мы отрекаемся от вас и от того, чему вы служите вместо Бога. Мы отвергаем вас, и между нами и вами возникла вражда и ненависть навечно, пока вы не уверуете в одного Бога“». (Сура 60:4)

Эти отрывки подчеркивают, что мусульмане должны поддерживать тесные связи внутри мусульманской общины, в то время как немусульман следует держать на расстоянии и питать к ним враждебность. Коран предупреждает, что Бог взирает на немусульман с презрением и что мусульмане, которые заводят с ними дружбу, вступают в союз или тесно общаются с ними, рискуют быть признанными Богом неверующими. В то время как некоторые мусульмане преуменьшают значение этой доктрины, фундаменталистские движения, получившие значительное влияние в западных странах, активно продвигают ее, представляя строгое соблюдение принципов лояльности и отречения как жизненно важное условие успеха мусульманской общины в выполнении ее божественной миссии.

31. См. I Am a Grooming Gang Survivor: My Story | Triggernometry

Помимо своей теологической роли, аль-вала ва-ль-бара (al-walā' wa-l-barā') глубоко сформировала определенные исламские культуры. В такой среде многие мусульмане испытывают сильное давление, чтобы не говорить и не делать ничего, что могло бы повредить имиджу мусульманской общины или дискредитировать ислам. В рамках системы, основанной на понятиях чести и позора и подкрепленной этими ценностями, сообщение посторонним о проступках, совершенных единоверцами-мусульманами, часто рассматривается как акт предательства. Эта динамика может иметь серьезные последствия в реальном мире. Например, в своей книге *The Imam's Daughter* (2009) Ханнан — позже ставшая известной как Ханна — описала свой опыт в качестве 14- или 15-летней пакистанской девушки-подростка в Великобритании.

После того как она доверилась учительнице, рассказав, что её отец, имам, избивал её, учительница сообщила об этом заместителю директора, который организовал встречу в школе с социальным работником, мужчиной, пакистанцем-мусульманином. Сначала Ханнан была в ужасе из-за его происхождения, но в итоге открылась ему, рассказав о том, что с ней обращаются как с домашней служанкой, о страхе перед принудительным браком и о физическом насилии. В тот же день после полудня она вернулась домой и обнаружила, что социальный работник разговаривает с её отцом и пересказывает ему всё, что она сказала. В присутствии социального работника отец вёл себя любезно, но как только тот ушёл, отец подверг её жестокому избиению и изнасилованию, пригрозил убить её, если она когда-либо снова заговорит, и на несколько дней запер её в подвале. Когда позже Ханнан встретила социального работника в школе и отказалась от дальнейших контактов, он, по имеющимся сведениям, сказал ей:

«Послушай, я просто делал то, что, по моему мнению, было правильным, ты это знаешь. Неправильно предавать свою общину». *32

Похожие схемы прослеживаются в свидетельствах пострадавших от банд груминга. Некоторые описывали, что обращались в полицию только для того, чтобы быть опрошенными офицерами-мусульманами, которые выключали записывающее устройство и призывали их отказаться от жалобы из-за предполагаемого «отсутствия улики».

32. Hannah Shah, *The Imam's Daughter: My Desperate Flight to Freedom* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2009).

Глубоко укоренившаяся культура принудительной лояльности и защиты общины может удерживать людей от сообщения о злоупотреблениях или предоставления доказательств против членов своей собственной группы. Если бы социальный работник в деле Ханнан сообщил о её признаниях в полицию, это привело бы к предъявлению её отцу уголовных обвинений, он подверг бы себя и, соответственно, связанных с ним лиц серьезному риску быть заклеенными как предатели внутри общины.

Видный индо-пакистанский мусульманский мыслитель и фундаменталист Абуль Аля Маудуди в своем влиятельном труде «Будем же мусульманами» (2016) утверждал, что мусульмане не могут достичь истинного успеха до тех пор, пока их высшая преданность не будет принадлежать Богу и мусульманской умме (общине). Доктрина лояльности и отречения оказывает особенно сильное давление, когда мусульмане живут в качестве меньшинства в немусульманских принимающих обществах. В таких условиях, стремясь сохранить и утвердить сильную коллективную идентичность, мусульмане могут делать еще больший акцент на внутренней солидарности и отделении от неверующих, чем в своих странах происхождения. *33

Превосходство и господство мужчин над женщинами

Ислам устанавливает, что мужчины занимают положение управляющих или попечителей (qawwātūn) по отношению к женщинам, как указано в суре 4:34, где данная роль предполагает обеспечение того, чтобы женщины оставались в надлежащем состоянии. Согласно исламскому праву, каждая женщина остается под опекой (walī) родственника мужского пола. Как правило, им является ее отец. В случае если отец не может исполнять эти обязанности в связи со смертью, потерей дееспособности или вероотступничеством из ислама, вступает в силу определенный порядок наследования опеки родственниками мужского пола по отцовской линии, начиная с деда по отцу, затем сыновей, братьев, племянников и дядей. Сура 4:34 далее уполномочивает мужчин применять дисциплинарные меры к своим женам, в том числе посредством физического насилия.

Многочисленные авторитетные источники и нормы шариата подкрепляют представление о неполноценности женщин по сравнению с мужчинами. Сура 2:228 провозглашает, что мужчины стоят в ранге выше женщин. Пророк Мухаммед заявил, что женщины несовершенно как в религии, так и в разуме по сравнению с мужчинами, и в том же хадисе он отметил, что женщины составляют большинство обитателей ада. Он также учил, что если перед молящимся мужчиной проходит женщина или собака, молитва становится недействительной (причина, по которой в мечетях мужчины располагаются спиной к женщинам во время молитвы). Шариат обязывает жену вступать в половую связь с мужем всякий раз, когда он этого пожелает; если она откажется, Мухаммед сказал, что ангелы будут проклинать ее до утра.

33. См. Sayyid Abul A'la Mawdudi, *Let Us Be Muslims* (Leicester: Kube Publishing, 2018).

Развод по шариату в значительной степени благоприятствует мужчинам. Муж может в одностороннем порядке развестись со своей женой без указания причины, просто трижды произнеся «Я развожусь с тобой». Для жены получение развода обходится гораздо

сложнее, что обычно предполагает официальный правовой процесс и зачастую финансовые затраты. После развода мать может сохранить физическую опеку над маленькими детьми до определенного возраста, однако отец сохраняет законное опекунство. Более того, если мать вступает в новый брак, она теряет право на проживание с ней детей от предыдущего брака. Правила шариата в отношении доказательств еще больше принижают статус женщин, оценивая свидетельские показания женщины в половину показаний мужчины.

Законы о наследовании по шариату, как правило, выделяют женщинам половину доли, предоставляемой мужчинам (например, сын получает долю в два раза больше, чем дочь). Жена или жены совместно наследуют одну четвертую часть имущества мужа, если у него нет детей, или одну восьмую, если дети есть. Напротив, муж наследует половину имущества своей жены, если у нее нет детей, или одну четвертую, если дети есть.

Подход шариата к изнасилованию также ставит женщин в невыгодное положение. Изнасилование классифицируется как форма зина (незаконного полового сношения) — того же правонарушения, к которому относятся прелюбодеяние и блуд. Зина определяется как половой акт между мужчиной и женщиной, которая не является ни его женой, ни его рабыней. Отдельного состава преступления «изнасилование» не существует; оно рассматривается как принудительная зина (а супружеское изнасилование не признается). Наказание для насильника соответствует наказанию за добровольный внебрачный секс: 100 ударов плетью для неженатого человека или смертная казнь через побивание камнями для того, кто состоит или состоял в браке. Когда женщина обвиняет мужчину в изнасиловании, ее согласие презюмируется, если и сам акт проникновения, и отсутствие ее согласия не будут доказаны четырьмя свидетелями-мужчинами, каждый из которых непосредственно наблюдал за вхождением пениса мужчины во влагалище женщины. (Естественно, присутствие четырех мужчин, наблюдающих за изнасилованием и не вмешивающихся в происходящее, делает крайне маловероятным то, что они будут свидетельствовать в пользу жертвы). Если женщина заявляет об изнасиловании, но не может представить четырех необходимых свидетелей-мужчин, она рискует быть осужденной за зина на основании ее собственного обвинения. В 2003 году Национальная Комиссия Пакистана по статусу женщин сообщила, что до 88% женщин, находящихся в тюрьмах Пакистана, были жертвами изнасилования или группового изнасилования, которые, будучи не в состоянии выполнить требование о четырех свидетелях, вместо этого были осуждены за незаконный секс. *34

В совокупности эти положения шариата, институционализирующие господство мужчин над женщинами, оказывают глубокое влияние. В культурах, сформированных исламом, мальчиков могут воспитывать так, чтобы они становились мужчинами, которые берут на себя законный контроль над женщинами в своей жизни, будучи уверенными в своем врожденном превосходстве.

Изоляция женщин

Исламское право содержит множество положений, предписывающих покрытие и изоляцию женщин. Широко признано, что мусульманка должна закрывать большую часть

своего тела при появлении на публике. Кроме того, шариат предоставляет опеку-мужчине право ограничивать передвижения девочки или женщины, позволяя ему запира-ть жену или дочь дома и разрешать ей выходить только в сопровождении родственника мужского пола и по уважительной причине.

Это отражено в суре 33:33, которая наставляет женщин: «Оставайтесь в своих домах и не выставляйте себя напоказ». Одним из последствий производной от шариата культуры покрытия и изоляции является то, что женщина, появляющаяся на публике без покрытия или остающаяся за пределами защищенного пространства дома, может восприниматься в культурном плане как неопекаемая и, следовательно, доступная в сексуальном плане или распутная. Это представление о том, что непокрытая женщина провоцирует домогательства, высказывается в суре 33:59 Корана, где Мухаммеду предписывается, чтобы его жены и дочери покрывали себя, чтобы их «не обижали».

Некоторые исламские проповедники явно поддержали эту точку зрения. После громких приговоров, вынесенных мусульманам ливанского происхождения за изнасилование в Сиднее, Австралия, Великий муфтий страны, шейх Тадж ад-Дин аль-Хилали, вызвав общественные споры, возложил вину на жертв за то, что они не были покрыты и не оставались в своих домах. Он заявил:

«Если вы вынесете непокрытое мясо и оставите его на улице... без покрытия, и придут кошки, чтобы съесть его... чья это вина, кошек или непокрытого мяса? Проблема в непокрытом мясе. Если бы она была в своей комнате, в своем доме, в своем хиджабе, никакой проблемы бы не возникло». *35

34. См. Pakistan: Majority of Jailed Women are Rape Victims, Feminist Majority Foundation Blog, 23 октября 2003 г.

Делая эти замечания, шейх аль-Хилали представлял исламские нормы как средство борьбы с преступлениями такого рода, какие совершаются бандами насильников. Согласно этой точке зрения, если бы люди приняли ислам и придерживались его правил, женщины и девочки были бы защищены от подобных надругательств, поскольку они находились бы в изоляции, под постоянным мужским надзором и стали бы невидимыми для посторонних.

Принудительный брак и возраст согласия

Согласно шариату, брак принимает форму договора, заключаемого между двумя мужчинами: женихом и опекуном невесты мужского пола (ее «вали»). Структура договора тесно напоминает договор купли-продажи. Жених выплачивает невесте согласованную сумму, известную как махр, и в обмен на это она становится сексуально доступной для него.

Исламское правоведение не устанавливает минимального возраста, в котором девочка или женщина может быть выдана замуж. Религиозные авторитеты позволяют отцу организовать брак для своей дочери, даже когда она еще является младенцем. Сам Пророк Мухаммед женился на Аише, когда ей было шесть лет — этот брак был заключен между Мухаммедом и ее отцом, — и консуммировал брак, когда ей исполнилось девять. Сам

Коран говорит о повторном браке разведенной девушки, которая еще не достигла менструации (Сура 65:4).

Шариат различает типы опекунов. Отец невесты или ее дед по отцовской линии именуется вали муджибир (walī mujbir, «опекун, имеющий право принуждения»), поскольку определенные школы исламского права позволяют ему принудить дочь или внучку-девственницу к браку без ее согласия. Представление о том, что девочка должна достичь определенного возраста, прежде чем она сможет дать согласие на сексуальную активность, чуждо исламу. В исламском учении единственным законным контекстом для согласия женщины на секс является брак, и даже это согласие не всегда является обязательным.

35. См. Anger at Al Hilaly's 'uncovered meat' remarks, ABC, 26 октября 2006 г.

Примечательно, что арабский термин никах (nikāḥ) обозначает как брак, так и половой акт. Шариат фактически объединяет эти два понятия. Незамужним женщинам запрещено вступать в сексуальные отношения, в то время как замужняя женщина по шариату не имеет права отказывать мужу в сексуальных отношениях. В хадисах далее утверждается, что молчание девственницы означает согласие на брак. Это слияние согласия на брак и согласия на секс проливает свет на показания доктора Хилл о том, что насильники интерпретировали молчание своих жертв как согласие на изнасилование, опираясь на те же самые хадисы.

Исламские ученые расходятся во мнениях относительно степени физической или эмоциональной зрелости, необходимой для полового акта в браке. Некоторые полагают, что наступление полового созревания служит порогом готовности, хотя Мухаммед консуммировал свой брак с девятилетней Аишей до того, как она достигла полового созревания, а другие допускают «бедрение» (интеркуральный секс) с женой, у которой идет менструация или которая считается слишком молодой для вагинального проникновения. Эту практику также описала доктор Хилл.

Эти наблюдения позволяют предположить, что мусульманские банды груминга могут проявлять религиозное и культурное безразличие к современному понятию возраста согласия. В интервью Эндрю Норфолк, один из первых журналистов, разоблачивших скандал с бандами насильников в Великобритании, заявил:

«Хотя ислам запрещает секс вне брака, все четыре школы исламского правоведения учат, что девочка может быть выдана замуж, когда она достигает полового созревания, что в Великобритании в среднем происходит в 11 лет».

«Когда правительство „Братьев-мусульман“ пришло к власти в Египте, одним из новых законов, которые они собирались ввести, было снижение возраста сексуального согласия с 18 до 13 лет, и некоторые салафиты и ученые „Братьев-мусульман“ выразили разочарование тем, что этот возраст не был установлен на уровне девяти лет».

«Исламское государство установило 9 лет в качестве допустимого возраста для вступления в брак. Я не думаю, что в некоторых случаях существует такое же ощущение неправильности и стыда по поводу секса с 12-летней девочкой». *36

36 .Абигейл Фрайманн Рауч, «Иногда журналисты могут вмешаться, когда полиция и правительство терпят неудачу», Архив Лапидо, 9 декабря 2016 г.

Женская сексуальность

Исламские канонические источники представляют женщин как обладательниц сексуальных желаний, которые как минимум столь же сильны, как и у мужчин, если не сильнее, и рассматривают эти желания как потенциально вредные для мужчин. Пророк Мухаммед заявил: «После меня я не оставил для мужчин более сурового испытания, чем женщины». Арабский термин «фитна», используемый здесь, обозначает суровое испытание, которое может включать соблазн или искушение, уводящее людей в сторону от веры, а также несет в себе коннотации хаоса, нарушающего социальную гармонию.

Далее Мухаммед предположил, что мужчины восприимчивы к сексуальному искушению, объяснив, что Аллах предопределил долю зина (незаконной половой связи) для каждого мужчины: «Аллах предназначал сыну Адама его неизбежную долю зина, независимо от того, осознает он это или нет».

Одним из практических проявлений тревоги по поводу женской сексуальности является практика женского обрезания (FGM), которую различные школы исламского права либо требуют, либо настоятельно рекомендуют в качестве способа обуздать чрезмерное женское сексуальное желание.

Другим отражением воспринимаемой опасности, исходящей от женской сексуальности, является строгое разделение полов, обеспечиваемое такими практиками, как завуалирование тел женщин, их ограничение рамками дома и кораническое предписание против того, чтобы мужчины и женщины смотрели друг на друга:

«Скажи верующим мужчинам, чтобы они опускали взор и оберегали свои половые органы. Это будет чище для них. Поистине, Аллах знает о том, что они делают. И скажи верующим женщинам, чтобы они опускали взор и оберегали свои половые органы, и не выставляли напоказ свои украшения». (Сура 24:30–31)

Доктор Хилл описала то, как это правило применялось к ней на практике: «Мне говорили смотреть в пол, когда я находилась в окружении мужчин-мусульман». Ей сообщили, что если женщина смотрит на мужчину, «это означает, что она хочет вступить с ним в сексуальную связь».

Хотя женская сексуальность рассматривается как источник фитны, шариат возлагает на мужчин, считающихся более рациональными и способными к большему самообладанию, богоданную ответственность за надзор и регулирование женщин. С этой точки зрения, женщина, которая не соблюдает нормы шариата — например, появляясь на публике без покрывала и без сопровождения, — представляет опасность для общественного порядка. В таких рамках ответственность за любое сексуальное насилие, которому она подвергается, часто приписывается её собственному поведению, особенно в сочетании с представлениями о врожденной нечистоте немусульман.

Подобный взгляд приводит к тому, что немусульманки, которые появляются с непокрытой головой и свободно передвигаются без надзора со стороны мужчин, клеймятся как «шлюхи», стремящиеся соблазнить мужчин. В этом культурном контексте мусульманин, вступающий в сексуальную связь с такой женщиной, не несет вины; вина целиком и полностью лежит на женщине.

Исламские учения, касающиеся опасной природы женской сексуальности и моральной неполноценности немусульман, могут подкреплять и легитимизировать эту модель перекладывания ответственности на жертву.

Джихад и сексуальное рабство

Шариат содержит детальные правила, регулирующие вооруженные конфликты, включая положения, касающиеся института рабства. В исламском праве рабство возникает как следствие войны против немусульман (неверных). Немусульманские пленники, захваченные в таких конфликтах, считаются законно порабощенными в силу самого факта их захвата. Затем эти пленники могут быть распределены между мусульманскими бойцами в качестве военной добычи (трофеев). Впоследствии они могут быть проданы, выкуплены или оставлены в рабстве. Исторические записи показывают, что при жизни пророка Мухаммеда мусульманские силы порабощали женщин, захваченных у вражеских групп, в более чем дюжине военных столкновений.

Согласно шариату, сексуальные отношения между владельцем-мужчиной и его пленницей-рабыней не составляют зина. Это прямо разрешено в многочисленных коранических отрывках (например, сура 4:24, 23:6, 70:30) и подтверждается многочисленными прецедентами из хадисов. Более того, Мухаммед учил, что замужняя немусульманка, захваченная на войне, автоматически разводится со своим прежним мужем в силу самого факта захвата в плен. В результате сексуальная связь между её мусульманским захватчиком-владельцем и (бывшей) замужней пленницей не приравнивается к прелюбодеянию.

На первый взгляд может показаться несообразным связывать классический исламский институт рабства с сексуальным насилием над белыми девушками в современной Великобритании. Тем не менее, исторические свидетельства раскрывают многолетнюю практику исламского порабощения и сексуальной эксплуатации белых женщин. По оценкам историков, в период с XVI по XIX века примерно один миллион европейцев были захвачены ради наживы в рамках берберийской работорговли. В марте 1786 года, когда Томас Джефферсон и Джон Адамс спросили посла Ливии во Франции, почему берберийские государства ведут войну с народами, которые на них не нападали, Сиди Хаджи Абдул Рахман, по имеющимся сведениям, ответил:

«В Коране написано, что все народы, не признавшие Пророка, являются грешниками, которых верующие имеют право и обязанность грабить и порабощать; и что каждый мусульманин [мусульманин], павший в этой войне, непременно попадет в рай. Он также сказал, что тот, кто первым взойдет на борт судна, получит одного раба сверх своей доли».

*37

В последнее время исламистские террористические группы, такие как ИГИЛ, открыто заявляли о праве возродить исламское рабство. Значительная современная правовая дискуссия среди мусульманских ученых касается надлежащей классификации западных стран, в которых в настоящее время проживают многочисленные общины мусульман-иммигрантов. В классической исламской юриспруденции любое немусульманское государство по умолчанию классифицировалось как дар аль-харб («обитель войны»), из которой мусульмане имели «право и обязанность» брать рабов, как было сформулировано посланцем Ливии. Средневековый шариат рассматривал дар аль-харб как статус по умолчанию для территорий неверных. Доктрина, приписываемая Мухаммеду, далее обязывает мусульман, проживающих в дар аль-харб, совершить хиджру (переселение) на территорию, управляемую по законам ислама, особенно если они не могут свободно исповедовать свою веру. Эта обязанность к переселению продолжает подчеркиваться многими салафитскими группами.

В современную эпоху, однако, появились различные адаптации, призванные учесть изменившиеся реалии. Некоторые авторитеты в настоящее время классифицируют западные страны как *dār al-da‘wa* («обитель призыва»), где мусульмане пользуются свободой призывать других в ислам; в таких обстоятельствах считается, что обязательство вести джихад было приостановлено.

37. Американские комиссары по вопросам мира Джону Джею, 28 марта 1786 г. Документы Томаса Джефферсона, серия 1. Общая переписка. 1651–1827, Библиотека Конгресса.

Другие ученые утверждают, что для мусульман-мигрантов на Западе существует негласный «пакт о безопасности»: им разрешено свободно жить и действовать в обмен на воздержание от джихада против принимающего общества.

Следует подчеркнуть, что альтернативные классификации западных стран, такие как *dār al-da‘wa* или негласный пакт о безопасности, служат лишь для отсрочки, а не для отмены традиционного обязательства вести джихад. Для по крайней мере некоторых мусульман с радикальными наклонностями вопрос заключается не в том, потребуется ли в конечном итоге джихад, а лишь в том, когда наступит подходящий момент.

Некоторые мужчины-мусульмане, не обладающие глубокими теологическими знаниями, часто рационализируют свои преступления в составе банд груминга, мысленно представляя своих жертв в роли законных рабов (собственности) в рамках исламской концепции. В Роттереме, например, один из преступников по имени Мухаммад выжиг на своей жертве клеймо в виде буквы «М» как знак собственности. Пострадавшие описывали, что их принуждали к выполнению домашних работ, таких как приготовление пищи и уборка для своих захватчиков, в то время как они подвергались неоднократным сексуальным надругательствам, что повторяет обращение с домашними рабами. Журналист Эндрю Норфолк зафиксировал этот образ мышления, отметив следующее:

«Некоторые из этих [мусульманских] ребят пришли к мнению, вероятно, потому что им так удобно, что Британия была объявлена землей войны, и поэтому определенные вещи стали дозволенными в отношении „врага“; я думаю, некоторые из этих парней считают,

что с белыми девушками можно делать то, о чем они и мечтать не смели бы в отношении мусульманок». *38

Диммитуд: отношение ислама к покоренным немусульманским народам

Исламская юриспруденция также рассматривает отношение к немусульманскому населению, покоренному в результате джихада. Классические правила шариата относительно джихада, определяемого как война, ведущаяся против немусульман с целью расширения господства ислама, окончательно сформировались в эпоху Средневековья. Как было только что отмечено, эти правила разделяли мир на две основные категории: дар аль-Ислам («обитель ислама») — территории, находящиеся под управлением исламской власти, и дар аль-харб («обитель войны») — территории, находящиеся под контролем немусульман.

38. Эбигейл Фрайман Руш, «Иногда журналисты могут вмешаться, когда полиция и правительство терпят неудачу», Lapido Archive, 9 декабря 2016 г.

В рамках этой системы немусульмане делились на две группы. Те, кто проживал в обители ислама, считались защищенными при условии выполнения ими определенных обязательств и не являлись законными целями военных действий. Напротив, с теми, кто жил в обители войны, можно было законно сражаться, побеждать их и, в случае захвата в плен, порабощать.

Когда немусульманские общины перешли под исламское правление, по отношению к ним некоторая терпимость, определённая посредством официального соглашения о капитуляции, известного как «пакт зимма». Это соглашение позволяло зимми (защищенным немусульманам) сохранять свою религию, но только при условии, что взрослые мужчины выплачивали ежегодный налог, называемый джизья, и что вся община соблюдала ряд ограничительных правил. Как объяснил известный комментатор Ибн Касир, эти правила были разработаны для обеспечения их постоянного унижения, деградации и бесчестия.

Если считалось, что община зимми нарушила пакт, будь то путем неуплаты джизьи или нарушения любого из наложенных условий, исламское право допускало возобновление джихада. В таких обстоятельствах применялись бы все нормы шариата в отношении войны: взрослые мужчины могли быть убиты, женщины и дети — порабощены, а имущество немусульман — изъято в качестве трофеев.

Система зимма навязывала постоянное состояние незащищенности христианскому (и другому немусульманскому) населению, находящемуся под мусульманским суверенитетом. Она послужила религиозно санкционированным культурным шаблоном, который продолжает лежать в основе похищений, принудительного обращения в веру и принудительного замужества немусульманских девушек в таких местах, как Египет и Пакистан.

Один из способов рассматривать причастность или ее отсутствие британских государственных чиновников в скандале с бандами насильников — как принятие

покорности по типу «зимми». Такой образ мышления ставит в приоритет почтительность по отношению к исламу и мусульманам превыше всего остального, в то время как неверующие игнорируются или объявляются виновными. С этой точки зрения, неспособность властей действовать решительно в отношении проблемы банд груминга может представлять собой значительный шаг на пути к постепенной исламизации Британии.

Исламская клановая культура

Показания автора и активистки Аян Хирси Али в ходе Расследования подчеркивают, что банды груминга и насильников, действующие в таких городах, как Роттерм, Рочдейл и других, не являются единичными случаями преступности, а проистекают из импортированных клановых систем, укоренившихся в определенных этнокультурных сообществах и подкрепленных специфическим исламским коллективизмом. Как было сказано ранее, в данных преступлениях несоразмерно часто фигурируют преступники пакистанского происхождения, при этом модели поведения основаны на динамике «чести и позора», которая полностью чужда британским нормам.

Данное поведение тесно связано с племенными структурами, распространенными в некоторых частях Пакистана, Афганистана, Ближнего Востока, Северной Африки и Сомали:

- Семейная честь в первую очередь зависит от поведения, скромности и девственности девочек и женщин. Строгие кодексы требуют послушания, ношения закрытой одежды и ограниченного взаимодействия с посторонними. Нарушения внутри общины влекут за собой суровые санкции, включая убийства чести или коллективную расправу со стороны мужчин-членов клана.
- Когда целью становится немусульманка — в частности, белые британки, которые воспринимаются как незащищенные, одетые в западном стиле и не имеющие мужчин-защитников, — расчет рисков меняется. Поскольку от семьи или общины девушки не ожидается никаких ответных мер, некоторые молодые люди смелеют и начинают относиться к ней как к собственности, после чего вступают с ней в контакт, подвергают насилию, занимаются грумингом, передают её друг другу внутри группы и продают её услуги.
- Такое отношение к женщинам как к собственности перерастает в организованные сети, которые занимаются торговлей девочками между регионами. Беснаказанность подпитывает этот цикл: первоначальные акты насилия, оставшиеся без последствий, создают представление о Великобритании как о месте, где подобное поведение не сопряжено с риском, что превращает уязвимых девочек в товар.

В представленных доказательствах выявилось ключевое различие. Когда подобные банды выбирали своими целями девочек-сикхов, община сикхов мобилизовала мужчин, чтобы эффективно противостоять преступникам и сдерживать их. Белые девушки из рабочего класса были лишены эквивалентной коллективной защиты, не в последнюю очередь

потому, что власти часто замалчивали опасения, выдвигая обвинения в расизме, что позволяло насилию сохраняться и перерастать в современное рабство.

Даже иммигранты во втором, третьем или четвертом поколении, выросшие в Британии, продолжают следовать этим моделям, выступая в качестве демографических кластеров, в которых клановая система воспроизводит себя и усиливается, независимо от окружающей культуры. Продолжающаяся иммиграция из таких клановых зарубежных захолустьев служит лишь для пополнения и укрепления таких общин.

Хотя основополагающая система является скорее племенной, чем чисто религиозной, исламские элементы обеспечивают идеологическое обоснование, общинную защиту и стратегическое расширение. Преступники иногда скрывают свои действия от семей, мечетей и имамов, поскольку такое поведение навлекает позор на общину. Тем не менее, раскаяние перед британскими жертвами ограничено, поскольку девушки-немусульманки рассматриваются не как полноценные человеческие личности, заслуживающие защиты, а как незащищенные аутсайдеры, доступные для насилия без каких-либо моральных последствий. Это способствует повсеместному молчанию внутри затронутых общин.

Доказательства, представленные в ходе Расследования, указывают на фундаментальное столкновение миров. По всему Западу наше историческое уважение к личности, благодаря массовой иммиграции, было подавлено более примитивными установками, преобладающими в других местах, согласно которым принадлежность к группе имеет первостепенное значение. Одержимость элит идеями многообразия позволила последним воспользоваться преимуществами первых. Такие «запугивающие слова», как «исламофобия» и «расизм», использовались для эксплуатации доброй воли западных принимающих обществ, парализуя расследование и правоприменение.

Внутренние способствующие факторы

«Исламофобия» и политическая корректность

Давно высказывались опасения, что страх перед обвинениями в «исламофобии» препятствовал открытому обсуждению и эффективным действиям в случаях сексуальной эксплуатации детей, совершаемой группами лиц, особенно в тех, где были задействованы банды груминга.

Серия отчетов и анализов аналитического центра Policy Exchange задокументировала, как обвинение в «исламофобии» использовалось для того, чтобы оспорить действия, запугать или дискредитировать лиц и организации, пытавшиеся привлечь внимание к данной проблеме. В исследовательской записке 2025 года под названием «Скандал с грумингом в Ротереме и создатели определения исламофобии» Policy Exchange изучил связи между скандалом в Ротереме и разработкой спорного определения «исламофобии» Межпартийной парламентской группой (APPG) по делам мусульман. В отчете подчеркивается роль ключевого сотрудника APPG из Ротерема, Мубина Хуссейна, который в 2015 году организовал общественный протест против полиции Южного Йоркшира, обвинив её в «назначении козлами отпущения» мусульман на фоне

расследований по делам о груминге — действия, которые некоторые местные деятели и следственные комиссии охарактеризовали как не способствующие борьбе с насилием.³⁹ Также это многое говорит о политически корректной институциональной культуре в Совете столичного боро Ротерема: так, на совещании по стратегии обеспечения безопасности от 6 июня 2000 года присутствовал «Координатор по борьбе с расизмом» по имени Бхупиндер К. Мауку.

Схожие темы встречаются в публикации Policy Exchange от июня 2025 года «How Not To Tackle Grooming Gangs» («Как не следует бороться с бандами груминга»), в которой утверждается, что обвинения в «исламофобии» — независимо от любого официального определения — использовались для того, чтобы подавить разоблачение скандала и препятствовать достижению справедливости для жертв. В документе рекомендуется приостановить правительственную работу над официальным определением «исламофобии» до тех пор, пока не станут известны выводы национального расследования по делу о бандах груминга. *40

40. Sir John Jenkins KCMG LVO, Andrew Gilligan & Dr. Paul Stott, How Not To Tackle Grooming Gangs: The National Grooming Inquiry and A Definition of Islamophobia, Policy Exchange, June 2025.

39. Andrew Gilligan & Dr. Paul Stott, The Rotherham Grooming Scandal and the Creators of the Islamophobia Definition, Policy Exchange, February 2025.

Политики выразили аналогичную обеспокоенность в связи с предлагаемыми определениями. Теневой министр по вопросам равенства Клэр Кутино предупредила, что принятие такого определения, особенно сформулированного как направленного против проявлений «мусульманскости» (Muslimness), может усилить «культуру цензуры», потенциально обеспечивая преступникам большую безнаказанность, делая законный анализ закономерностей в делах о груминге более трудным или рискованным для полиции, властей и общественности. Она утверждает, что это создает риск повторения прошлых ошибок, когда страх перед ярлыками «расизма» или «исламофобии» способствовал запоздалым или неадекватным ответным мерам.

Стремление любой ценой оградить мусульман от критики шло рука об руку с более общим идеологическим сдвигом, выстроенным вокруг безоговорочного отношения к меньшинствам как к особым группам жертв. *41 Уходящий корнями в леволиберальную парадигму 1960-х годов, этот подход впервые одержал политические победы при лейбористском правительстве Гарольда Уилсона. Со временем толерантность, мультикультурализм и борьба с дискриминацией стали приоритетными ценностями в элитарных кругах. Закон также начал создавать среду, в которой критика определенных общин или меньшинств, включая мусульманские, стала политически опасной и даже преступной. Это позволило «бандам груминга» годами действовать безнаказанно, поскольку власти на всех уровнях, как мы видели, больше боялись получить ярлык «расистов» или «исламофобов», чем того, что они подведут девочек, в отношении которых они несли обязанность по обеспечению защиты.

Правовая база, лежавшая в основе этого паралича, началась с Закона о расовых отношениях 1965 года и его еще более жесткого варианта от 1976 года. Эти законодательные акты, предназначенные для борьбы с явной дискриминацией, интерпретировались и расширялись таким образом, что любое обсуждение этнической принадлежности или культуры в структуре преступности становилось рискованным. Отчет Макферсона (1999), последовавший за расследованием по делу Стивена Лоуренса, заклеил полицию как «институционально расистскую» и ввел настолько широкое определение расизма, что сотрудники полиции и социальные работники стали бояться любых действий, которые могли быть истолкованы как направленные против этнических меньшинств. *42 По всей Британии явные свидетельства организованного насилия со стороны пакистанских банд, наряду с другими этническими группами, большинство представителей которых являются мусульманами, игнорировались, поскольку противодействие этому влекло за собой риск обвинений в расизме. Этот страх не был абстрактным. Старшие офицеры и сотрудники муниципальных советов прямо ссылались на обеспокоенность так называемыми «отношениями между общинами» и потенциальными расовыми беспорядками в качестве причин для бездействия.

42. См. Theodore Dalrymple, A Modern Witch Trial, City Journal, весна 2009 г.

41. См. Eric Kaufmann, Taboo: How Making Race Sacred Produced A Cultural Revolution (London: Swift Press, 2024).

Трансформация страны значительно ускорилась в рамках проекта «Новых лейбористов» Тони Блэра, кульминацией которого стал Закон о равенстве 2010 года. Он консолидировал и усилил так называемые меры «защиты от дискриминации», добавив религию в качестве защищенной характеристики наряду с расой. В сочетании с законодательством о преступлениях на почве ненависти, предусмотренным Частью III Закона об общественном порядке 1986 года и Законом о преступности и беспорядках 1998 года, это создало среду, в которой критика аспектов исламской культуры или моделей правонарушений, связанных с мусульманскими общинами, могла быть представлена как «расовая ненависть» или «исламофобия». Официальные определения «исламофобии», продвигаемые некоторыми общественными группами, еще больше размыли грань между обоснованной обеспокоенностью и слепым предубеждением. Результатом стал сдерживающий эффект в государственных учреждениях. Полицейские управления, социальные службы и местные советы неоднократно предпочитали молчание или отрицание тщательному расследованию, поскольку политические и профессиональные издержки от того, что они якобы выделяют мусульман, считались слишком высокими. Национальный аудит Кейси 2025 года подтвердил эту тенденцию, отметив, что власти избегали изучения этнической принадлежности и культуры даже в тех случаях, когда данные подавляющим образом указывали на преступников из числа мусульман пакистанского происхождения. *43

То, что всё пошло не так, теперь стало мучительно очевидным. Послевоенный либеральный консенсус, начавшийся при Уилсоне, провозгласил многообразие, инклюзивность и безоценочность высшими добродетелями. Мультикультурализм заменил национальную уверенность в себе в качестве руководящего принципа. Многолетние

британские нормы в области свободы слова, защиты детей и беспристрастного применения закона были подчинены необходимости любой ценой избежать оскорбления чувств меньшинств. Либеральные элиты в СМИ, политике и государственном секторе усвоили идею о том, что признание культурных или религиозных факторов в совершении преступлений само по себе является формой нетерпимости. Такой образ мышления фактически служил прикрытием для банд насильников, препятствуя проведению именно тех расследований и вмешательств, которые могли бы спасти тысячи детей.

Пока страна не преодолеет страх быть названной «расистской» и не вернет себе смелость называть неудобные истины, условия, позволившие этим сетям процветать, сохранятся. Настоящее Расследование фиксирует нанесенный ущерб без каких-либо извинений. Паралич наших институтов не был случайностью. Это был предсказуемый результат десятилетий правовых и культурных изменений, в которых чувствительность ставилась выше справедливости.

43. См. отчёт баронессы Кейси из Блэкстока DBE CB, «Национальный аудит групповой сексуальной эксплуатации и насилия над детьми», июнь 2025 г.

Закон

Законодательство страны не просто подвело жертв банд груминга, но и активно способствовало действиям преступников. На протяжении десятилетий законодательные акты, которые должны были обеспечить быстрое и показательное правосудие, либо игнорировались, либо размывались, либо намеренно применялись неверно таким образом, чтобы защитить организованные сети, состоящие преимущественно из мужчин-мусульман пакистанского происхождения, оставляя тысячи британских девочек без защиты или возмещения ущерба.

Правовая база, регулирующая организованную сексуальную эксплуатацию — обычно описываемую в общественном дискурсе как «банды груминга», — обширна, но фрагментирована. Она состоит из пересекающихся составов уголовных преступлений, обязательств в области прав человека, гражданско-правовой ответственности и структур вынесения приговоров. Хотя Парламент принял широкий пакет законодательных положений, направленных на криминализацию сексуальной эксплуатации во всех её формах, остаются серьезные вопросы относительно того, был ли закон достаточно последовательным, упреждающим или эффективным в предотвращении систематического насилия.

В основе мер уголовно-правового реагирования лежит Закон о сексуальных преступлениях 2003 года. Данный законодательный акт представляет собой основной законодательный механизм борьбы с изнасилованием, сексуальной эксплуатацией и грумингом. Он криминализирует широкий спектр действий: от изнасилования и нападения с проникновением до принуждения или побуждения ребенка к сексуальной активности и содействия сексуальной эксплуатации. Закон также содержит положения о конкретных преступлениях, касающихся злоупотребления доверительным положением, торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации и оплаты сексуальных услуг ребенка. В

совокупности эти положения были призваны модернизировать и консолидировать предшествующее законодательство о сексуальных преступлениях.

Однако их практическое применение в делах, связанных с организованной эксплуатацией, часто выявляло структурные ограничения. Законодательная база исходит из того, что система уголовного правосудия будет выявлять модели насильственного поведения и своевременно вмешиваться в них. На практике многие случаи организованного насилия сопровождались длительными периодами, в течение которых жертвы подвергались грумингу, торговле людьми и неоднократным нападениям без эффективного вмешательства со стороны органов власти.

Последующее законодательство, включая Закон о тяжких преступлениях 2015 года (Serious Crime Act 2015), расширило понятие сексуальной эксплуатации, чтобы охватить более широкий спектр форм поведения, включая насилие без физического контакта и эксплуатацию с применением технологий. Это расширение отразило меняющееся понимание груминга как процесса, а не единичного преступного акта. Тем не менее, законодательная реформа носила в основном реактивный характер. Она имела тенденцию следовать за публичными скандалами, а не предвосхищать системные модели насилия. В результате правовая база часто представляется фрагментарной, а не стратегически продуманной.

В делах, связанных с организованной сексуальной эксплуатацией, прокуроры часто опираются на совокупность преступлений, а не на какое-либо единое всеобъемлющее обвинение. Преступники могут быть осуждены за сговор с целью изнасилования, торговлю людьми в целях сексуальной эксплуатации, организацию детской проституции и ряд сопутствующих преступлений, включая сбыт наркотиков и незаконное лишение свободы. Такие дела демонстрируют, что уголовное право способно обеспечивать суровые приговоры, включая пожизненное заключение, в случаях, когда преступление носит особенно тяжкий характер. Однако такие результаты, как правило, достигаются только после масштабных расследований и многочисленных провалов в области раннего вмешательства. Таким образом, способность закона наказывать за особо тяжкие правонарушения очевидна, но его способность предотвращать такие правонарушения остается спорной.

Еще один критический аспект касается законодательства о торговле людьми и современном рабстве. Закон о современном рабстве 2015 года криминализует торговлю людьми в целях сексуальной эксплуатации и предусматривает пожизненное заключение в наиболее тяжких случаях. Целью его принятия было признание того, что организованная сексуальная эксплуатация часто сопряжена с принуждением, перемещением жертв и эксплуатацией с целью получения прибыли. Однако критики утверждают, что концептуальное пересечение между преступлениями, связанными с торговлей людьми, и традиционными сексуальными преступлениями иногда создавало неопределенность при принятии решений о предъявлении обвинений. Различие между торговлей людьми и эксплуатацией не всегда является однозначным, особенно когда жертвы подвергаются психологической обработке (грумингу) для достижения видимого согласия, а не

перемещаются силой. Эта неопределенность может осложнить судебное преследование и снизить сдерживающий эффект закона.

Правовая база также выходит за рамки уголовной ответственности, охватывая гражданско-правовые обязательства и обязательства в области прав человека. Статья 3 Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) налагает на государство позитивное обязательство расследовать достоверные обвинения в изнасиловании и тяжком сексуальном насилии. Суды постановили, что системные сбои в расследовании могут представлять собой нарушения основных прав, даже в тех случаях, когда виновные в конечном итоге были привлечены к судебному преследованию. Этот принцип имеет особое значение в делах об организованной эксплуатации, где потерпевшие часто заявляли о длительном бездействии государственных институтов. Таким образом, закон признает, что государственные органы могут нести ответственность не только за прямое противоправное деяние, но и за неспособность предотвратить или должным образом отреагировать на грубые нарушения.

Несмотря на эту обширную правовую архитектуру, применение закона на практике оказалось недостаточно эффективным. Одной из повторяющихся претензий является то, что правовая база делает значительный акцент на отдельных преступных деяниях, недостаточно уделяя внимание схемам организованной эксплуатации. Банды насильников обычно действуют через сети, характеризующиеся манипуляциями, принуждением и экономической эксплуатацией. Традиционная сосредоточенность закона на отдельных правонарушениях может скрыть системный характер такого поведения. Хотя преступления, связанные со сговором и торговлей людьми, частично восполняют этот пробел, по-прежнему отсутствует единый закреплённый в законе состав преступления, который бы полностью охватывал феномен организованной сексуальной эксплуатации как четко структурированную форму преступности.

Дополнительная трудность заключается в проблемах с доказательной базой. Груминг часто включает психологическое манипулирование, которое подрывает доверие к жертвам в глазах следователей и присяжных. Правовая концепция согласия остается центральной для многих сексуальных преступлений, однако она может быть непригодна для ситуаций с участием уязвимых детей, которых насильники приучили к покорности. Хотя суды признали, что кажущееся согласие в таких контекстах может быть иллюзорным, законодательная база по-прежнему в значительной степени опирается на более простые формы доказательств. Это временами создавало препятствия для судебного преследования и способствовало возникновению мнения, что закон недостаточно отражает реалии принудительной эксплуатации.

Более того, опора закона на наказание **post hoc** поднимает более широкие вопросы о превентивном потенциале. Преступления, предусмотренные законом, рассчитаны на реагирование после того, как эксплуатация уже произошла или была запланирована к ближайшему осуществлению. Существуют превентивные механизмы, такие как приказы о рисках (risk orders) и обязанности по обеспечению безопасности (safeguarding duties), но их эффективность зависит от бдительности институтов и межведомственного взаимодействия. В случаях, когда такое взаимодействие оказывается неэффективным,

правовая база предлагает ограниченные средства правовой защиты, помимо ретроспективной 139 ответственности. Этого недостаточно для борьбы с организованной эксплуатацией, которая осуществляется в течение длительного времени.

Неиспользование существующих полномочий по вынесению приговоров

Закон о преступности и беспорядках 1998 года и руководства Совета по вынесению приговоров прямо разрешают, а в случаях доказанной враждебности требуют увеличения назначенного срока наказания, если правонарушениеотягощено расовой или религиозной враждой. Доказательства в ходе процессов над бандами груминга неоднократно демонстрировали именно это: жертв называли «белыми шлюхами», «белым мусором», «сучками-каффирами» или говорили им, что они «годны только для того, чтобы такие мужчины, как я, трахали их и использовали как мусор». Преступники выкрикивали «Аллаху Акбар» и хвастались расовым превосходством.

Тем не менее, насколько позволяют доступные публичные записи, отягчающие обстоятельства расового характера ни разу не применялись прокурорами или судьями в отношении банд насильников, настроенных против белых.⁴⁴ Это резко контрастирует с тем, что обычно происходит, когда белые преступники привлекаются к ответственности за межрасовые преступления. Прокуроры, например, без колебаний предъявили обвинения с отягчающими обстоятельствами Даррену Осборну после того, как в 2017 году он насмерть сбил толпу мусульман на своем фургоне. Приговаривая Осборна к пожизненному заключению с минимальным сроком в 43 года, судья сослался на Приложение 21 к Закону об уголовном правосудии 2003 года, чтобы подтвердить, что «убийство, совершенное с целью продвижения политического, религиозного, расового или идеологического дела» считалось — наряду с «террористической связью» — отягчающим фактором в преступлении Осборна. ^{*45}

Приговоры по делам о бандах насильников, тем временем, оставались на нижнем пределе шкалы, зачастую составляя 4–12 лет для мужчин, осужденных за изнасилование десятков детей на протяжении многих лет, вместо пожизненных сроков или сроков в 20 и более лет, которых заслуживали данные преступления. Теневой министр юстиции Киран Маллан в ходе наших слушаний обратил внимание на тот факт, что многие из причастных к бандам насильников отбывают лишь от трети до половины своего срока. Хуже того, преступники — иностранные граждане (многие из Пакистана и других стран с мусульманским большинством) редко депортировались после вынесения приговора, несмотря на четкие полномочия, предусмотренные Законом Великобритании о границах 2007 года (UK Borders Act 2007). Вместо этого их обеспечивали жильем и питанием, а после освобождения позволяли совершать повторные преступления или возвращаться в свои общины.

45. Королевский суд Вулича, R v. DARREN OSBORNE, Замечания по вынесению приговора, 2 февраля 2018 г.

44. См. Мартин Эванс и Стивен Свинфорд, «Расистские» азиатские секс-банды: члены парламента требуют более суровых приговоров за груминг молодых белых девушек, The

Telegraph, 11 августа 2017 г. и Лори Уостелл, Почему банды грумеров не рассматривались как преступления на почве расовой ненависти?, The Spectator, 21 декабря 2025 г.

В анализе 264 приговоров, проведенном Фондом «Квиллиам» (Quilliam Foundation) за период 2005–2017 гг., подавляющее большинство преступников получили сроки, которые не имели никакого отношения к причиненному пожизненному вреду. *46 Даже в таких резонансных делах, как в Ротереме и Рочдейле, главарям были назначены фактические сроки наказания, позволившие им освободиться, отбыв менее половины срока. Эта снисходительность сохранялась, несмотря на организованный, хищнический и повторяющийся характер преступлений.

Культурная принадлежность и судебный релятивизм

Британские суды неоднократно допускали, чтобы культурная принадлежность фактически выступала в качестве смягчающего обстоятельства. В одном из дел в Бристоле, задокументированном в отчете Quilliam, ответчик утверждал, что принуждение девушки к сексу с его друзьями было просто «сомалийской культурой и традицией». В Ротереме другой ответчик заявил, что одежда западных девушек провоцировала и вызывала насилие. Эти аргументы принимались к рассмотрению, а не отклонялись безоговорочно. Судьи и адвокаты ссылались на «культурную чувствительность», чтобы избежать «усиления крайне правых» или нанесения ущерба «сплоченности общин» — именно эта фраза использовалась в обзоре Кейси (Casey Review), чтобы объяснить, почему дела откладывались до 2012 года.

Партийная политика

Как сообщила Аян Хирси Али данной Комиссии, левоцентристские партии рассматривали мусульманские электоральные блоки как защищенную базу, и агрессивное судебное преследование или депортация создавали риск потери этих голосов. Хроническая электоральная зависимость от таких блоков таким образом парализовала слишком многие уровни государственного управления. Политические субъекты на всех уровнях — национальном, местном и делегированном — на протяжении десятилетий знали об организованных бандах насильников, однако ставили в приоритет электоральное выживание, так называемые «отношения с общинами» и страх перед расизмом.

46 См. Haras Rafiq & Muna Adil, Group-Based Child Sexual Exploitation: Dissecting “Grooming Gangs”, Quilliam, декабрь 2017 г.

обвинений перед органами защиты детей. Представители Лейбористской партии оказались особенно виновны в электоральных расчетах там, где им следовало заботиться о детях страны. В сочетании с демографическими сдвигами в колеблющихся округах, это помешало согласованному бездействию.

Шотландия отказывалась проводить собственное расследование, пока наконец не уступила в феврале 2026 года. Она по-прежнему не фиксирует этническую принадлежность правонарушителей и не создает специфических маркеров сексуальной эксплуатации детей. Ранние предупреждения, поступавшие с 1980-х годов, игнорировались, поскольку

принятие мер по борьбе с правонарушениями было сопряжено с политическими издержками. Политика поставила сохранение власти выше безопасности детей, что позволяло бандам десятилетиями действовать безнаказанно.

Политики получали прямые доклады, участвовали в межведомственных совещаниях, читали внутренние разведданные и, тем не менее, отрицали свою осведомленность, блокировали расследования и заставляли критиков замолчать, чтобы сохранить поддержку мусульманских электоральных блоков. Это не было неосведомленностью о преступлениях, но было расчетливым, повторяющимся, общенациональным оставлением детей.

Лейбористская партия

Лейбористская партия несет основную ответственность за самое продолжительное и преднамеренное сокрытие фактов. Как подчеркнул в ходе нашего Расследования бывший муниципальный советник от Консервативной партии Лиам Биллингтон, местные советы и члены парламента, в которых доминировали лейбористы, неоднократно отдавали приоритет электоральной зависимости от пакистанских мусульманских общин в ущерб безопасности детей.

Джесс Филлипс, член парламента, и Наз Шах, член парламента, хранили публичное молчание об этнических и религиозных особенностях банд, в то время как их избирательные округа страдали. Доказательства свидетельствуют о том, что политики от Лейбористской партии отдавали приоритет нарративам об «усилении крайне правых» и обеспечению так называемых «отношений между общинами» вместо защиты жертв. В Олдеме члены совета и руководство от Лейбористской партии получили сведения от одного из наших информаторов — социального работника — о торговле людьми внутри муниципальных и полунезависимых учреждений, однако предприняли ответные меры против информатора и не приняли никаких исправительных мер. Аналогичная схема наблюдалась в Ротереме, Рочдейле, Телфорде, Бёрнли и Питерборо. Советы лейбористов капитулировали в общественном пространстве, игнорировали сообщения родителей и позволяли преступникам действовать, в том числе из-за того, что мусульманские электоральные блоки имели жизненно важное значение для выборов.

Бывший констебль-детектив и разоблачительница по делу о бандах насильников в Рочдейле Мэгги Оливер подвергла критике мэра Большого Манчестера Энди Бернема, с которым сама Оливер работала, за то, что он не смог собрать полную картину информации, необходимой для борьбы с бандами насильников, которые до сих пор действуют в его регионе. Несмотря на распоряжение о проведении ряда предварительных независимых проверок по вопросам сексуальной эксплуатации детей (CSE) по всему Манчестеру, Бернема обвиняют в том, что он сосредоточился исключительно на провалах прошлого. Оливер в своих заявлениях далее предполагает, что два заслуживающих доверия эксперта вышли из состава заключительного этапа расследования Бернема — охватывающего период с 2019 по 2025 годы — из-за того, что Полиция Большого Манчестера «заблокировала» им доступ к ключевым документам и возможность общения с некоторыми пострадавшими. Как выражается Оливер,

«То, к чему я пришла и в чём убеждена, заключается в том, что PR-машина [была] очень умело задействована в отношении того, что уже было в публичном поле. Когда же дело дошло до лидерства, мужества и контроля над тем, что происходит сейчас, он [Бернем], к сожалению, отступил. Мы упустили огромную возможность провести необходимые изменения». *47

Даже те проверки, которые принесли ценные результаты, редко приводили к решительным действиям. В ограниченном независимом обзоре Бернема, инициированном в 2017 году, был сделан вывод о том, что органы власти не смогли защитить детей от педофильских банд в Манчестере, Олдеме и Рочдейле. *48 Однако ни один из сотрудников не был уволен и не был лишен пенсии за выявленные исторические провалы. Также Бернем не воспользовался своими полномочиями Комиссара по полиции и преступности — должность, которую он автоматически занимает в дополнение к своему посту мэра, — чтобы привлечь к судебному преследованию любого из сотрудников, которые, как было установлено, не смогли защитить жертв хищнических банд. *49

Политики от Лейбористской партии не просто бездействовали, но и активно отрицали существование проблемы, порочили тех, кто бил тревогу, и блокировали местные расследования, которые могли бы раскрыть полный масштаб происходящего. Они принесли в жертву тысячи белых девушек из рабочего класса ради своего электорального альянса с пакистанскими мусульманскими общинами и общей репутации мультикультурализма в глазах общественности. Такой институциональный паралич не был случайным, он был политическим, ибо даже когда некоторые политики от Лейбористской партии, такие как Сара Чемпион, высказывались, их игнорировали.

49. Джозеф Тиман, Энди Бернхэм предоставляет обновленную информацию по бандам груминга, в то время как GMP заявляет, что офицеры, ответственные за прошлые провалы, НЕ БУДУТ наказаны, Manchester Evening News, 13 декабря 2024 г.

48. Матильда Гранжан, Энди Бернхэм защищает расследование банд груминга в Большом Манчестере, The Independent, 5 января 2025 г.

47. Питер Снепвангерс, Бернхэм «не решился взяться за проблему» в расследовании банд груминга, The Telegraph, 17 мая 2026 г.

В Ротереме, Рочдейле, Оксфорде, Телфорде и десятках других городов советы, контролируемые Лейбористами, и полицейские управления неоднократно откладывали расследования, угрожали информаторам обвинениями в «расизме» и инструктировали офицеров не фиксировать этническую принадлежность преступников. Отчет Джея 2014 года разоблачил, как муниципальные советники от Лейбористской партии и высокопоставленные чиновники в Ротереме игнорировали систематические изнасилования 1400 девочек, поскольку иные действия грозили отчуждением пакистанской общины. *50 Эта схема повторялась по всей стране.

Это предательство продолжилось и в правительстве. В январе 2025 года депутаты от Лейбористской партии массово проголосовали против поправки Консерваторов,

призывающей к проведению национального уставного расследования деятельности банд грумингу. Поправка была отклонена 364 голосами против 111. Сэр Кир Стармер и члены его передней скамьи воздержались или выступили против этой меры, отмечая обеспокоенность общественности как «крайне правую» агитацию. Потребовалось длительное внешнее давление, включая разгромный Национальный аудит Кейси, данное независимое расследование и общественное возмущение, чтобы заставить правительство изменить курс в июне 2025 года. Даже тогда правительство смягчило условия местных расследований; появились сообщения о том, что планы по проведению пяти отдельных проверок были тихо свернуты, чтобы «не обидеть пакистанцев». *51

Джесс Филлипс, назначенная Министром по вопросам обеспечения безопасности, в значительной степени была причастна к этому проявлению презрения со стороны Лейбористской партии. Пострадавшие в негодовании вышли из состава ее комиссии по делам потерпевших, осудив этот процесс как фикцию. Филлипс извинилась за задержки, но сохранила полную поддержку сэра Кира Стармера. Под ее руководством учет этнической принадлежности остается фрагментарным, а антибелый аспект этих ужасающих преступлений продолжает замалчиваться.

Это та самая Лейбористская партия, которая последовательно использовала обвинения в «исламофобии» в качестве оружия, чтобы заставить замолчать любого, кто заявлял об очевидном: что банды состояли и продолжают состоять в подавляющем большинстве из пакистанских мусульман. В результате нация на протяжении десятилетий страдала от изнасилований детей в промышленных масштабах, ставших возможными при попустительстве государства.

51. Чарльз Хаймас, Лейбористы «прекратили расследования в отношении банд груминга, чтобы не обидеть пакистанцев», The Telegraph, 9 апреля 2025 г.

50. См. Алексис Джей (ОБЕ), Независимое расследование сексуальной эксплуатации детей в Роттереме: 1997-2013, 21 августа 2014 г.

Национальное расследование

Так называемое «Независимое расследование деятельности банд груминга» лейбористского правительства, объявленное в декабре 2025 года под председательством баронессы Энн Лонгфилд, представляет собой мастер-класс по институциональному уклонению. *52 Проект его положений, окончательно согласованный в марте 2026 года, намеренно ограничивает сферу охвата «сексуальной эксплуатацией и насилием над детьми в групповой форме» в нескольких «соответствующих местных районах». Расследование имеет четко ограниченные сроки, является «целевым и пропорциональным» и представлено как мероприятие по изучению «практических ошибок» и «препятствий со стороны государственных служб». *53 Мандат не предусматривает изучения масштабов проблемы на национальном уровне, подавляющего этнического и религиозного профиля преступников, культурных факторов, основанных на понятиях чести и позора, или роли политической корректности и электорального цинизма, которые позволяли насилию процветать на протяжении десятилетий. Жертвы и пережившие насилие номинально

поставлены «в центр внимания», однако положения расследования тщательно обходят именно те вопросы, на которые общественность и пережившие насилие требовали ответов на протяжении десятилетий.

Это не расследование, призванное установить истину или восстановить справедливость. Это мероприятие по локализации ущерба. Сузив фокус до локальных операционных сбоек и исключив любой систематический анализ демографических, культурных и религиозных закономерностей, которые неоднократно описывали свидетели, правительство гарантировало, что самые неудобные истины — и не в последнюю очередь те, что изобличают хроническую зависимость самих Лейбористов от определенных электоральных групп — никогда не будут признаны. То самое правительство, которое когда-то сопротивлялось проведению национального расследования, теперь предоставило нам расследование с настолько узко сформулированными условиями, что оно никак не может пошатнуть политический консенсус, который сделал возможным существование банд насильников. Ничто из этого не раскроет того, что произошло на самом деле. Оно структурировано именно так, чтобы этого не произошло.

В то время как основные банды по грумингу представляли собой преимущественно пакистанские мусульманские сети, действовавшие под политическим покровительством, соучастие Лейбористской партии выходило далеко за рамки простой халатности. В многочисленных задокументированных случаях как действующие, так и бывшие муниципальные советники и деятели от Лейбористской партии сами являлись виновниками сексуального насилия над детьми. Либо же они напрямую укрывали насильников внутри экосистемы банд по грумингу. Это не было совпадением. Это стало неизбежным следствием политики партии, которая относилась к пакистанским мусульманским общинам как к ценным «банкам голосов», даже когда ее собственные члены совершали изнасилования детей или предупреждали преступников.

53. См. Министерство внутренних дел, Независимое расследование деятельности банд по грумингу: проект основных положений, 31 марта 2026 г.

52. Достопочтенная Шабана Махмуд, член парламента, устное заявление в Парламенте: Независимое расследование деятельности банд по грумингу, 9 декабря 2025 г.

Прямые виновники в рядах Лейбористов

Лорд Назир Ахмед (бывший член совета от Лейбористов в Ротереме и пэр от Лейбористов) был осужден в 2022 году за многочисленные сексуальные преступления против детей, включая изнасилование 13-летней девочки. Приговорен к пяти с половиной годам тюремного заключения. Ахмед был членом совета от Лейбористов с 1990 года и был возведен в пэрство Блэром. Пострадавшие описали его как часть тех же сетей, которые способствовали деятельности банд груминга в Ротереме. Одна из пострадавших публично потребовала, чтобы его лишили пэрства и «по-настоящему пристыдили». *54

Бывший член совета от Лейбористов Лирон Веллеман признал себя виновным в сексуальных преступлениях против ребенка после того, как обратился к 13-летней девочке с вопросом о том, является ли она девственницей.

Член совета от Лейбористов Кэрол Кларк столкнулась с официальными жалобами после того, как, по имеющимся сведениям, предупредила своего сына-педофила о его предстоящем аресте в ходе расследования, связанного с грумингом, одновременно голосуя по вопросам, касающимся банд груминга. *55

Бывший член парламента от Лейбористов Айвор Каплин был арестован в 2025 году за груминг 15-летнего ребенка.

Это не были единичные «паршивые овцы». Это были члены Лейбористской партии, действовавшие именно в тех советах (Ротерем, Рочдейл, Олдем и так далее), где банды груминга процветали под политическим прикрытием.

Пособники, занимающие властные должности

Помимо непосредственного совершения преступлений, высокопоставленные фигуры Лейбористской партии либо не смогли принять жесткие меры против банд насильников, либо препятствовали попыткам сделать это.

- Шон Райт (член совета от Лейбористской партии, руководитель службы по делам детей Ротерема в 2005–2010 гг.): оставался на своем посту, несмотря на осведомленность о масштабах насилия. Ушел в отставку только после того, как Отчет Джея разоблачил [деятельность] его департамента катастрофический провал.

55. Чарли Питерс, член совета от Лейбористской партии, в отношении которой подана жалоба из-за голосования по вопросу банд груминга после того, как она «предупредила» своего сына-педофила об аресте, GB News, 28 марта 2025 г.

54. См. лорд Ахмед: Жертва призывает лишить пэра титула, BBC News, 2 февраля 2022 г.

- Роджер Стоун (лидер совета от Лейбористской партии, Ротерем, 2003–2014 гг.): возглавлял местное самоуправление в период сокрытия фактов, задокументированного в Отчете Джея.

- Многочисленные члены совета Ротерема от Лейбористской партии вмешивались в полицейские расследования, предупреждали преступников или отменяли показания жертв, заявляя, что те «делали выбор в пользу определенного образа жизни», чтобы защитить «отношения внутри общины» и голоса избирателей.

- В период, когда сэр Кир Стармер занимал должность директора государственных обвинителей, сообщалось, что 13 000 подозреваемых членов банд насильников и педофилов отделались предупредительными письмами. *56

Как было сказано ранее, мэр Лондона Садик Хан неоднократно настаивал на том, что в городе не действуют банды груминга. Он охарактеризовал свидетельства информаторов

как политически мотивированные. Он заявил Ассамблее Лондона, что сексуальная эксплуатация детей в столице является «гораздо более сложным» вопросом и не соответствует моделям типа груминга, наблюдаемым в бедных городах севера. Эти заявления он сделал, несмотря на тот факт, что в распоряжении Столичной полиции находились отчеты о том, что молодых девушек заставляли употреблять алкоголь и наркотики, после чего они подвергались изнасилованиям группами мужчин в отелях и других местах по всему Лондону. Расследование издания Daily Express выявило, что Хан имел прямой доступ к документам Инспектората констеблей Её Величества, в которых подробно описывались именно те схемы преступлений, существование которых он отрицал. Хан ознакомился с этими файлами, но тем не менее продолжал публично отрицать существование банд груминга.

В целом, Лейбористская партия не просто не смогла привлечь банды к уголовному преследованию. В некоторых случаях её собственные члены были насильниками, а в большинстве случаев её муниципальные советники, лидеры и министры ставили лояльность пакистанским мусульманским блокам выше безопасности детей. Ни одна другая политическая партия не имеет столь хорошо задокументированной истории прямого участия в изнасилованиях детей в промышленных масштабах и их институциональной защиты. В значительной степени это было обусловлено собственным электоральным корыстным интересом Лейбористской партии.

56 См. Zak Garner-Purkis & Callum Cuddeford, Keir Starmer rocked as scandal exposed – ‘paedos’ let off with warning letters, Daily Express, 22 февраля 2026 г.

Консервативная партия

Консервативная партия, обладая государственной властью с 2010 года и далее, не смогла ввести обязательную регистрацию этнической принадлежности для преступников, совершивших сексуальную эксплуатацию детей (CSE), и не смогла инициировать общенациональное уставное расследование, несмотря на то, что масштаб стал достоянием общественности благодаря отчету Джея по Ротерему и другим местным разоблачениям.

Сменявшие друг друга правительства под руководством консерваторов позволяли тем же случаям сокрытия фактов на местном уровне продолжаться бесконтрольно в районах, не поддерживающих лейбористов, и ничего не предпринимали для обеспечения прозрачности данных или защиты детей за пределами оплотов лейбористов. Общенациональная политическая обстановка при администрациях консерваторов позволила бандам действовать еще в течение десятилетия без системного пресечения их деятельности.

Ярый исламофил, бывший министр от Консервативной партии Рори Стюарт является ярким примером кризиса внутри партии. Стюарт однажды заявил в своем подкасте с Алистером Кэмпбеллом «The Rest Is Politics», что феномен банд груминга является не более чем локальной проблемой, в основном ограниченной севером Англии. *57 Как минимум, это преуменьшает общенациональный характер явления, задокументированный в свидетельских показаниях из городов и поселков по всей стране, и усилило политическое нежелание признать полный масштаб проблемы. Сэмми Вудхаус встретила с Дэвидом

Кэмероном еще в 2015 году и рассказала ему всё, что ей было известно, вплоть до того факта, что многие дети-жертвы всё еще подвергались криминализации.

Ряд видных деятелей Консервативной партии стали более открыто заявлять о феномене банд насильников на фоне растущей политической значимости этого вопроса. Тем не менее, премьер-министры от Консервативной партии, от Дэвида Кэмерона до Риши Сунака, предприняли крайне мало мер, находясь у власти.

Политика Шотландии

Показания Джона Ламонта, члена парламента, предоставленные в рамках нашего расследования, свидетельствуют о том, что аналогичное нежелание наблюдалось и к северу от английской границы. Сменявшие друг друга правительства Шотландии — представители разных партий, но с явным влиянием Лейбористской партии в более ранние периоды — отказывались инициировать специальное национальное расследование деятельности банд груминга, не ввели специфические маркеры CSE (сексуальной эксплуатации детей) и не обеспечили систематическую регистрацию этнической принадлежности преступников. Этот пробел в данных помешал формированию полноценной национальной картины и позволил сетям банд насильников продолжать свою деятельность бесконтрольно как в городских, так и в сельских районах Шотландии.

57. См. Fact check: The Rest Is Politics' grooming gang claims, The Spectator, 14 января 2025 г.

Беременность, аборты и дети, рожденные в результате изнасилований

Банды намеренно использовали беременность как инструмент контроля. Девочек в возрасте от 4 лет подвергали неоднократным изнасилованиям, в некоторых случаях до наступления беременности. Затем преступники использовали беременность, чтобы привязать жертв к себе, предотвратить их побег и осуществлять постоянное принуждение. Жертвы переносили несколько беременностей, оставаясь при этом детьми. У некоторых случались выкидыши вследствие физической и эмоциональной травмы. Других принуждали к абортам. Те, кто доносил беременность до срока, рожали детей, сами будучи детьми, и оставались без поддержки, образования или защиты. Многие из этих жертв сами родились в результате изнасилований от матерей, подвергшихся аналогичной эксплуатации. Государство часто забирало младенцев для усыновления или помещало их в ту же неэффективную систему опеки, оставляя молодых матерей в условиях, где насилие продолжалось. Межпоколенческая травма стала институционализированной.

Аборты иногда организовывались преступниками или их сообщниками, зачастую в подпольных условиях, что приводило к необратимому физическому вреду. Медицинские службы фиксировали беременности и травмы, но выписывали девочек обратно к насильникам без принятия мер по обеспечению их безопасности или предоставления долгосрочной поддержки. Социальные службы и Национальная служба здравоохранения (NHS) рассматривали беременности как единичные медицинские случаи, а не как доказательства организованного изнасилования детей. Государство разрывало связь между

матерью и ребенком, при этом не сумев разорвать цикл насилия. Другие младенцы оставались с матерями, которые сами всё еще были детьми, что наносило непосредственный вред, обычно выражавшийся в прерывании образования, зависимости от психоактивных веществ, психическом срыве и неоднократном взаимодействии с системой уголовного правосудия. Жертвы, рожденные в результате изнасилования предыдущих жертв, описывали повторение тех же моделей из поколения в поколение.

Все уполномоченные органы сталкивались с этими случаями беременности. Больницы и клиники сексуального здоровья фиксировали травмы половых органов, ИППП и беременности у лиц в возрасте от 11 до 16 лет, однако не направляли дела в службы защиты. Службы охраны психического здоровья выписывали девочек после попыток самоубийства, связанных с беременностью, без оказания помощи по преодолению психологической травмы. Социальные службы закрывали дела или возвращали молодых матерей в опасную среду. Полиция не расследовала изнасилования, приведшие к беременностям, даже в тех случаях, когда личности преступников были установлены и известны. Лицензирующие органы позволяли такси, перевозившим беременных девочек, продолжать свою деятельность.

Суды по семейным делам усугубляли положение жертв по всем направлениям, зачастую путем предоставления насильникам родительских прав на тех самых детей, которые были зачаты в результате их чудовищных преступлений. В некоторых случаях таким насильникам даже разрешалось подавать ходатайство о порядке общения (contact order), чтобы видеться со своими внуками.

Влияние на пострадавших

Банды насильников разрушили жизни сотен тысяч детей. Пострадавшие живут с необратимыми физическими и психологическими повреждениями, которыми ни одно учреждение никогда должным образом не занималось. Они несут в себе пожизненный ПТСР, комплексную травму, зависимость, хронические боли, прерванное образование, судимости, потерю детей и живут в постоянном страхе. Многие пытались покончить с собой, и, к сожалению, некоторым из них это удалось. Другие потеряли своих собственных детей из-за той же системы, которая подвела их самих. Государство не просто не смогло защитить этих пострадавших, но и усугубило вред, криминализируя их, выписывая из больниц без поддержки, забирая их младенцев и оставляя их в условиях, где насилие могло продолжаться. Доказательства свидетельствуют об общенациональном характере пожизненного разорения, нанесенного детям, которые подвергались изнасилованиям, торговле людьми, были оплодотворены, а затем брошены всеми ведомствами, которые должны были им помочь.

Фиона подвергалась неоднократным изнасилованиям с 13 лет, находясь на попечении государства. В 15 лет она забеременела, и её ребенка забрали на усыновление, в то время как она осталась в той же эксплуататорской среде. Из-за перенесенного насилия в 17 лет у неё развился психоз, и она изуродовала свои ноги лезвием, потому что банды делали им комплименты во время насилия. Сейчас она живет с глубоким ПТСР, зависимостью от

психоактивных веществ и долгосрочными осложнениями физического здоровья, вызванными насилием.

Мишель подвергалась почти ежедневным изнасилованиям с 13 лет, четырежды забеременела в детстве, пережила выкидыши и принудительный аборт, и родила ребенка, будучи еще подростком. Она описывает свое детство и будущее как разрушенные, и живет с ПТСР, который влияет на каждый день её жизни.

Хлоя подвергалась неоднократным изнасилованиям с 11 лет, в возрасте 13 лет заразилась множеством ИППП, была доведена до истощения (вес составил ок. 32 кг), подвергалась воздействию героина, была заперта в собственном доме и подвергалась публичному унижению. В настоящее время она имеет тяжелые гинекологические повреждения и пожизненную травму.

Лианна подвергалась насилию с младенчества, стала жертвой торговли людьми, подвергалась крайнему насилию, включая проникновение посторонними предметами, удушение и подпольные аборты. Она живет с глубокими физическими травмами и полным отсутствием доверия к любым государственным институтам.

Грейс подвергалась грумингу с раннего подросткового возраста, была изнасилована в состоянии опьянения, вступала в насильственные домашние отношения и видела, как подвергаются насилию ее собственные дети. Она страдает тяжелым психическим заболеванием, вынужденным перемещением и постоянным stalkingом.

Кейт перенесла десять лет торговли людьми, шантаж с использованием видеозаписей, «красные комнаты» пыток, изнасилования с животными и была свидетелем убийств других девушек. Она получила статус «окончательные основания» (conclusive grounds) в рамках NRM, но, несмотря на это, получила очень мало поддержки и живет с травмой, с которой ей приходится справляться ежедневно.

Зафиксированное нападение на Анну в возрасте 13 лет привело к ostracismу, прерыванию образования и стойкому нарушению психического здоровья.

Джен подверглась принудительной смене религии, была выдана замуж и находилась под контролем в условиях религиозного принуждения; сейчас у нее комплексное ПТСР, и она живет в страхе за свою дочь.

Лианна находилась в плену, подвергалась избиениям и изнасилованиям, будучи беременной в возрасте 15 лет. Она перенесла выкидыш и теперь страдает хронической фибромиалгией и психологической травмой.

Тейлор подверглась групповым изнасилованиям в нескольких городах, что нанесло ей пожизненный психологический вред.

Джейн стала жертвой торговли людьми, будучи в государственном учреждении по уходу, у нее развилось тяжелое расстройство пищевого поведения, она была принудительно

госпитализирована в психиатрический стационар и осталась с стойкими физическими и психиатрическими повреждениями.

Дочь Рэйчел в возрасте 12 лет была изнасилована, подвергалась травле и была брошена полицией и школой. Она покончила с собой.

Каждый пострадавший описывает одни и те же долгосрочные последствия: разрушенные перспективы образования и трудоустройства, разорванные отношения, неспособность доверять взрослым или институтам, хронические физические боли, зависимость, неоднократные попытки самоубийства, потерю детей, а также постоянное чувство стыда и никчемности, внушенное бандами и подкрепленное государством.

Человеческая цена не абстрактна, а измеряется разрушенными жизнями, утраченным будущим и детьми, рожденными в том же аду, который пережили их матери.

ВЫВОДЫ

Свидетельства, полученные в результате громких приговоров, и собранные данные о групповой сексуальной эксплуатации детей указывают на явное избыточное представительство мужчин-мусульман из Пакистана в составе банд насильников.

Однако при рассмотрении религиозного аспекта, который часто выводится из опубликованных имен в судебных материалах и достоверных отчетов, доля преступников-мусульман оказывается даже выше, чем можно было бы предположить, основываясь только на данных об этнических пакистанцах. Анализ списков осужденных (таких как списки, составленные исследователями, изучавшими дела с конца 1990-х годов и далее) показал, что примерно 90% осужденных по соответствующим делам о бандах груминга носили явно мусульманские имена, что резко контрастирует с долей мусульман в общей численности населения, составляющей примерно 6%.

Эта закономерность возникает из-за того, что почти все задокументированные преступники-пакистанцы в этих делах имеют мусульманские имена, а дополнительные приговоры касались мужчин-мусульман другого происхождения (например, сомалийцев, иранцев, сирийцев, турок и смешанных групп с преимущественно исламскими именами). Участники, не являющиеся мусульманами, остаются исключением, зачастую представляя собой единичные случаи в более мелких или смешанных группах.

Эти повторяющиеся наблюдения, основанные на судебных решениях, результатах расследований и иных публичных записях, создают базу для отстаивания необходимости улучшения официального сбора данных о религиозной принадлежности преступников в делах о групповой сексуальной эксплуатации детей. В текущих национальных данных зачастую отсутствует надежная фиксация этнической принадлежности, а религиозная принадлежность фиксируется еще менее систематически, что ограничивает анализ и меры реагирования, основанные на фактических данных.

Расширенная, обязательная фиксация как этнической, так и религиозной принадлежности (наряду с другими характеристиками) подозреваемых и осужденных преступников по этим

преступлениям позволила бы более четко выявить закономерности, разработать более обоснованные стратегии предотвращения и принять более пропорциональные меры политического вмешательства, одновременно устраняя давнюю критику недостаточности данных, отмеченную в правительственных обзорах и отчетах.

Доказательства, заслушанные в ходе данного Расследования, являются однозначными, подавляющими и сокрушительными в своей ясности. Организованные сети мужчин-мусульман на протяжении десятилетий систематически насиловали, торговали, подвергали воздействию наркотиков, доводили до беременности и разрушали жизни тысяч и тысяч британских детей во всех регионах Соединенного Королевства. Если задокументированные закономерности в Ротереме, Телфорде, Рочдейле, Оксфорде, Ньюкасле, Олдеме, Хаддерсфилде, Питерборо, Бернли, Теймсайде и десятках других городов и поселений экстраполировать на национальный уровень, масштаб достигает по меньшей мере 250 000 жертв. Это не совокупность изолированных локальных скандалов.

Это национальный скандал о насилии над детьми промышленного масштаба и современном рабстве, который стал возможным, оберегался и затягивался из-за преднамеренных упущений британского государства на каждом уровне.

Показания выживших и их семей не оставляют места для отрицания или двусмысленности. Салли наблюдала за тем, как рушится жизнь ее дочери. Хотя ее дочь признавала, что время от времени лгала, полиция в частном порядке признавала факт груминга, однако в публичных заявлениях относилась к ней исключительно как к лгунье. Марлон был лишен родительских прав, чтобы его дочь могли вернуть именно в то место, где ее изнасиловали. Сообщения Уитни об эксплуатации были проигнорированы, в то время как ее собственная детская травма использовалась для того, чтобы подорвать ее авторитет как матери. Рэйчел видела, как ее 12-летнюю дочь с аутизмом лишали возможности добиваться справедливости, как ее беспощадно травили и, в конечном итоге, как довели ее до смерти от передозировки после того, как власти подводили ее на каждом шагу. Фиона, Мишель, Хлоя, Мари, Грейс, Кейт, Анна, Джен, Лианн, Тейлор, Джейн, Лилли и многие другие описывали одну и ту же неизменную схему: повторяющиеся изнасилования, групповые изнасилования, шантаж с использованием видеозаписей насилия, использование беременности в качестве инструмента контроля, выкидыши, принудительные аборты и рождение детей, которые приходили в этот мир уже обреченными на тот же цикл.

Не все они были «уязвимыми» детьми в том узком смысле, в который предпочитали верить власти. Некоторые происходили из благополучных семей, семей среднего класса и имели любящих родителей. Преступники выбирали их своими целями именно потому, что они не были защищены коллективной мужской защитой, которую могли мобилизовать некоторые общины меньшинств. Банды действовали в рамках клана, основанного на понятиях «честь» и «позор» — кодексом, согласно которому с немусульманами, особенно с белыми девушками из рабочего класса, обращались как с имуществом, доступным для сексуального использования. Они перевозили жертв между городами, передавали их братьям и друзьям, принуждали к переходу в ислам с последующим заключением незарегистрированных религиозных браков и оправдывали насилие, называя девушек

«легкой добычей», «белым мусором» или морально неполноценными. Те же сети выбирали своими целями девушек из общин сикхов, пока общины сикхов не ответили коллективной мужской защитой. Белые девушки не получили подобной защиты.

Каждый институт, созданный для защиты детей, вместо этого способствовал деятельности банд. Полицейские управления по всей Англии и Шотландии препятствовали подаче заявлений, криминализировали жертв, уничтожали улики, позволяли известным насильникам оставаться на свободе под залог, а в некоторых случаях активно участвовали в деятельности этих сетей или покрывали их. Социальные службы лишали родителей их полномочий, помещали детей в центры торговли людьми внутри детских домов и полуавтономных жилых блоков, закрывали дела, несмотря на явные доказательства эксплуатации, уничтожали записи и мстили информаторам. Национальная служба здравоохранения (NHS) фиксировала травмы половых органов, множественные ИППП у 13-летних, беременности в результате изнасилований и попытки самоубийства, но в ту же ночь выписывала детей обратно к их насильникам без принятия мер по обеспечению безопасности или оказания помощи при травме. Школы наблюдали, как взрослые мужчины забирают девушек у ворот, слышали признания в изнасилованиях в туалетах и отстраняли жертв от занятий вместо того, чтобы защищать их. Органы по лицензированию такси продлевали разрешения тем самым водителям, которые составляли логистический костяк сетей торговли людьми, и пасовали перед организованными протестами, когда предлагались базовые меры безопасности.

СМИ подвергли этнический и религиозный характер проблемы самоцензуре из страха быть заклеяменными как расисты. Платформы социальных сетей стали основными инструментами для первичного груминга, распространения видеозаписей изнасилований и координации между преступниками. Политический класс, и особенно Лейбористская партия, несет самую тяжелую ответственность. Муниципальные советники и члены парламента входили в состав тех самых органов власти, которые замалчивали насилие. Они были проинформированы об этом еще в 2003 году через межведомственную группу CROP, однако позже отрицали свою осведомленность. Когда лейбористское правительство было наконец вынуждено действовать, оно инициировало национальное расследование, рамки которого были сформулированы настолько узко — ограничены «сексуальной эксплуатацией детей на групповой основе» в нескольких «соответствующих местных районах», ограничены по времени и намеренно исключаящие любой систематический анализ демографических, культурных и религиозных факторов, — что оно не может в полной мере столкнуться с 156 истиной, которая была установлена в ходе данного Расследования. Лейбористы не просто не смогли защитить детей, они активно препятствовали правосудию, скрывали данные об этнической принадлежности, голосовали против надлежащего национального расследования и принесли в жертву десятки тысяч белых девушек из рабочего класса на алтарь мультикультурализма и электоральной арифметики.

Консервативная партия, находясь в центральном правительстве с 2010 года и далее, также потерпела неудачу. Она не ввела обязательную регистрацию этнической принадлежности. Она также не инициировала общенациональное уставное расследование, несмотря на отчет

Джея по Ротерему и другие разоблачения. Рори Стюарт, бывший министр от Консерваторов, публично описал проблему как незначительную и ограниченную севером Англии. Он преуменьшил общенациональный масштаб реальности и тем самым продемонстрировал позицию, по крайней мере, части партии. Политический класс Шотландии продемонстрировал такое же нежелание, отказавшись от специального расследования и не обеспечив регистрацию этнической принадлежности преступников.

Человеческие потери неоценимы и необратимы. Выжившие несут в себе пожизненное ПТСР, комплексную травму, зависимость, хроническую физическую боль, прерванное образование, судимости, потерю детей и непрекращающийся страх. Многие неоднократно пытались покончить с собой, и некоторым из них это удалось. Другие потеряли своих детей из-за той же неисправной системы, которая подвела и их самих. Банды использовали беременность как преднамеренное оружие контроля, а государство усугубило вред, забирая младенцев на усыновление или помещая их под опеку, оставляя при этом молодых матерей в той среде, где насилие продолжалось. Межпоколенческая травма была институционализирована. Государство фиксировало травмы, ИППП, беременности и показания потерпевших, но предпочло голоса избирателей, так называемые «отношения с общинами» и страх перед обвинениями в расизме защите британских детей.

Информаторы, пытавшиеся раскрыть правду, такие как «социальный работник», Кавен Вайнс, Томми Робинсон и бесчисленное множество заботящихся родителей, были отстранены от работы, доведены до банкротства, подверглись ранним рейдам, заморозке активов и запретительным приказам о неразглашении. Верховенство закона потерпело крах, расовые и религиозныеотягчающие обстоятельства почти никогда не применялись к немногим осужденным, преступники — иностранные граждане редко депортировались, а приговоры не имели никакого отношения к масштабам причиненного на всю жизнь разрушения.

Данное Расследование выслушало показания. Оно ознакомилось с документами. Оно зафиксировало имена офицеров, социальных работников, членов советов, министров и институтов, которые потерпели неудачу. Доказательства теперь являются подавляющими и неопровержимыми. Банды насильников действовали не в тени, а при активном или пассивном согласии британского государства. Предательство было абсолютным.

Рекомендации

Доказательства, представленные данной Комиссии потерпевшими и информаторами, вне всяких разумных сомнений доказывают, что банды насильников действовали при активном или пассивном согласии государственных органов. Практически каждый институт потерпел неудачу. Государство знало о закономерностях, фиксировало, а затем зачастую уничтожало доказательства причинения вреда и отдавало предпочтение политической целесообразности, а не защите детей.

Любое правительство, стремящееся восстановить справедливость, ликвидировать банды и защитить следующее поколение, должно внедрить следующие рекомендации. Только тогда

британское государство сможет начать заглаживать свое глубокое предательство по отношению к сотням тысяч британских детей.

Ответные меры в сфере уголовного правосудия

Потерпевшие должны занять центральное место в процессе уголовного правосудия. Они должны иметь право быть информированными обо всех решениях, присутствовать на слушаниях по вынесению приговора и подавать личные заявления потерпевших, имеющие установленную законом силу. Независимые консультанты по вопросам сексуального насилия должны финансироваться на национальном уровне и назначаться каждой жертве банд, занимающихся грумингом, с момента подачи первого заявления.

Приговоры

Текущие руководства по вынесению приговоров чудовищно недостаточны в отношении организованных изнасилований детей. Совет по вынесению приговоров должен быть обязан на основании закона пересмотреть свои руководства таким образом, чтобы отправной точкой наказания за групповую сексуальную эксплуатацию детей было пожизненное заключение с минимальным сроком в 50 лет для организаторов и 25 лет для участников. Расовая или религиозная мотивация, наличие нескольких потерпевших, торговля людьми между графствами, беременность, наступившая в результате изнасилования, а также использование видеосъемки или шантажа должны быть четко прописаны в качестве установленных законом отягчающих обстоятельств, которые ведут к назначению максимально возможных сроков наказания. Одновременное исполнение приговоров должно быть запрещено в случаях, когда задействовано несколько потерпевших; суммирование сроков должно стать правилом по умолчанию. Ряд политиков, включая члена парламента Руперта Лоу, также призвали провести референдум о восстановлении смертной казни за самые чудовищные преступления. Существуют аргументы в пользу того, что в случае с бандами насильников такая мера является более чем соразмерной.

Иммиграция, депортации и лишение гражданства

Каждый иностранный гражданин, осужденный за групповую сексуальную эксплуатацию детей (CSE), должен быть, как минимум, депортирован.

Любой британский гражданин, осужденный за данные преступления и имеющий двойное гражданство, должен автоматически лишаться гражданства после вынесения приговора, что делает его подлежащим депортации. Это должно применяться ретроспективно и к тем, кто был осужден в прошлом. Министерство внутренних дел (Home Office) должно публиковать ежегодные данные по депортациям с разбивкой по национальному признаку и типу правонарушения.

В случаях, когда преступник имеет членов семьи в Великобритании, которые поддерживали его, укрывали или не сообщили о совершаемом преступлении, вся ближайшая семья также должна подвергнуться процедуре депортации, если только они не

смогут доказать либо активное сотрудничество с властями, либо отсутствие предварительных знаний о случившемся.

Показания свидетелей, вынесенные приговоры и Аудит Кейси (Casey Audit) свидетельствуют о явном преобладании мужчин-мусульман, в частности пакистанского происхождения, в этих организованных сетях. Комиссия (The Inquiry) не проигнорировала этот факт. Мечети, медресе и общественные организации, которые укрывали преступников или не сообщали о них, должны подвергнуться расследованию и, в случае признания вины, быть закрыты. Необходимо добиваться немедленной депортации любого лица, интегрированного в подобные субкультуры, пропагандирующие установки, которые дегуманизируют девочек, не являющихся мусульманками.

Нации мира не идентичны. Следовательно, ультра-селективный пограничный контроль, учитывающий общие закономерности в странах исхода, также жизненно важен для долгосрочного благополучия и дальнейшего существования принимающих народов по всему Западу. Иммиграционная политика должна немедленно отразить эти данные. Любое лицо из страны, граждане которой непропорционально широко представлены в числе осужденных за участие в «бандах насильников», более не должно иметь права на получение визы. Это должно применяться беспощадно. Наши юные девушки должны быть в приоритете.

Показания детей

Специальные меры для детей-свидетелей в процессах по делам о бандах груминга должны быть усилены. Предварительно записанные показания, дистанционные свидетельские показания и использование перегородок должны стать стандартной практикой.

Перекрестный допрос, который приводит к повторной травматизации ребенка, должен быть запрещен. Суд должен назначать специализированного посредника по каждому делу.

СЛУЖБА КОРОЛЕВСКИХ ПРОКУРОРОВ (CPS)

CPS должна создать специализированное национальное подразделение по борьбе с групповой сексуальной эксплуатацией детей, в состав которого войдут профильные прокуроры, прошедшие обучение методам работы с учетом психологических травм. Решения о предъявлении обвинений более не должны зависеть от «воздействия на общину» или опасений по поводу обвинений в расизме. Отсутствие обвинения в очевидных случаях должно подлежать пересмотру Генеральным атторнеем и должно влечь за собой уголовную ответственность для лиц, не исполнивших свои обязанности.

Зарубежная оперативная группа

Было установлено, что организованные банды, преимущественно пакистанского происхождения, не только подвергали грумингу, изнасиловали и пытали тысячи женщин и девочек по всей Великобритании, но и перевозили таких жертв за границу, в частности в Пакистан и другие страны. Доказательства, полученные в ходе независимых слушаний, Early Day Motions в Парламенте (формальное предложение/заявление, которое депутат

Палаты общин вносит «для обсуждения в ближайший день», но без назначенной даты обсуждения) и, конечно же, показания пострадавших, представленные данному Расследованию, свидетельствуют об этом. Намерением преступников было установление почти полного контроля, предотвращение раскрытия фактов насилия, создание препятствий для внутренних расследований и продолжение насилия в условиях с более слабыми гарантиями защиты. Полный масштаб остается недостаточно исследованным из-за исторических институциональных провалов полиции, советов и социальных служб, что часто было связано с опасениями по поводу обвинений в «расизме» или ненадлежащим трансграничным сотрудничеством.

Это должно быть исправлено. В связи с этим рекомендуется создать в Министерстве иностранных дел, по делам Содружества и развития (FCDO) специализированную рабочую группу, которая будет тесно взаимодействовать с Министерством внутренних дел (Home Office), полицейскими управлениями, Национальным агентством по борьбе с преступностью (National Crime Agency) и международными партнерами. Данное подразделение должно уделить приоритетное внимание идентификации, установлению местонахождения, обеспечению безопасности и срочной репатриации пострадавших британок (женщин и девушек). Это подразумевает расширенную консульскую поддержку, обмен разведанными по делам о пропавших без вести, зарегистрированным в известных «горячих точках» груминга, целевые проверки паспортов и данных о поездках, связанных с известными преступниками, а также дипломатическое давление на страны назначения с целью эвакуации жертв и сбора доказательств.

Компенсация

Национальная схема компенсации для жертв банд груминга должна быть создана незамедлительно. Нечто подобное уже существует в форме Управления по компенсации ущерба от преступлений (CICA), которое теоретически создано для получения компенсации от имени «людей, получивших физические или психические травмы в результате насильственного преступления в Англии, Шотландии или Уэльсе». *58 CICA делает это путем подачи исков непосредственно к органам власти или преступникам, но неоднократно доказывало свою непригодность в самых разных аспектах. Несмотря на предоставление доказательств, которые помогли осудить лидера банды насильников из Ротерема, Сэмми Вудхаус в выплате компенсации было отказано со стороны CICA на том основании, что она «согласилась» на насилие над собой. *59

По нашему мнению, суммы выплат должны быть пересмотрены, чтобы отразить пожизненный вред, задокументированный в показаниях выживших, включая утрату возможности получения образования, трудоустройства, подрыв психического и физического здоровья, а также разрушение семейной жизни. Схема должна финансироваться за счет сбора с активов всех осужденных преступников и за счет пенсий с установленными выплатами, получаемых любыми государственными служащими — либо в полицейских управлениях, либо в социальных службах, — признанными виновными в преступной халатности или уволенными за нее.

Семья

Закон должен поставить защищающую семью в центр системы обеспечения безопасности. Таким образом, основополагающим принципом, который должен лежать в основе реформы системы защиты, является признание того, что семья ребенка, как правило, представляет собой первую, самую сильную и наиболее эффективную линию защиты от эксплуатации. Хотя существуют обстоятельства, при которых дети не могут безопасно оставаться в своей семье, случаи эксплуатации в целом отличаются от традиционных моделей внутрисемейного насилия.

Существующие системы защиты не всегда отражают это различие. Семьи могут сталкиваться с мерами реагирования, в которых они представляются прежде всего как факторы риска, а не как потенциальные средства защиты от него. Это может привести к снижению доверия между семьями и специалистами, отстранению родителей от процессов защиты, задержкам в обмене информацией, усилению изоляции ребенка от защитных отношений, а также к использованию преступниками разногласий между детьми, семьями и ведомствами.

59. Джош Холлидей, Орган по выплате компенсаций заявил жертве насилия в Роттерме, что она «согласилась», The Guardian, 11 сентября 2017 г.

58. См. Управление по компенсации ущерба от преступлений (Criminal Injuries Compensation Authority).

Официальные исследования все чаще подтверждают эффективность реляционных подходов к ССЭ, признавая, что защитные сети — включая родителей, братьев и сестер, расширенную семью, школы, сверстников и общественные связи — имеют центральное значение для снижения уязвимости и пресечения эксплуатации. *60 После отделения от семейных и общинных сетей дети, как правило, становятся более уязвимыми для груминга, случаев исчезновения, торговли людьми и других форм вреда. Таким образом, подход «семья прежде всего» является необходимым. Мы рекомендуем создать систему обеспечения безопасности, в которой семьи признаются первичными защитными факторами везде, где это безопасно, приоритет отдается поддержке семьи, укрепляются подходы к контекстуальной защите, а стационарный уход используется пропорционально и в качестве крайней меры, а не как стандартная реакция на риск эксплуатации. Это основывается на понимании, подкрепленном результатами нашего Расследования, что в случаях с бандами насильников родители и опекуны чаще являются защитными факторами, чем виновниками.

Само собой разумеется, что этот подход «семья прежде всего» никогда не должен препятствовать решительному вмешательству в случаях, когда домашняя обстановка признана небезопасной. Суть в том, что органы по обеспечению безопасности должны сначала установить непригодность определенной семейной среды, прежде чем размещение в стационарном учреждении станет мерой реагирования. Родители также должны иметь законное право быть информированными о всех рисках для своего ребенка, получать копии всех оценок и планов, а также оспаривать любое решение, которое подрывает или ограничивает их родительскую ответственность. Финансовая и практическая помощь,

включая экстренный переезд в другое жилье при необходимости, должна быть доступна любому родителю, сообщающему об индикаторах груминга.

Государство не должно вмешиваться в способность семьи защищать себя от вреда.

60. См. Джош Макалистер, Независимый обзор социального обеспечения детей | Итоговый отчет, май 2022 г.

Законодательные меры

Существующая законодательная база фрагментирована, применяется непоследовательно и намеренно игнорирует этнические и религиозные закономерности, задокументированные в данном Расследовании и Национальном аудите Кейси. Как было отмечено выше, Закон о сексуальных преступлениях 2003 года и Закон о современном рабстве 2015 года — наряду с другими соответствующими законодательными актами — уже содержат полномочия, которые никогда не использовались с каким-либо значимым эффектом против банд насильников. Учет этнической принадлежности также остается либо фрагментарным, либо отсутствует. Групповая сексуальная эксплуатация детей даже не является отдельным составом преступления со своими руководящими принципами вынесения приговоров. Результатом является система, которая фиксирует тысячи индивидуальных преступлений, скрывая, намеренно или иначе, организованный характер хищничества.

Единый, всеобъемлющий Закон о сексуальной эксплуатации детей должен быть принят незамедлительно.

Этот новый статут должен создать специальный состав преступления «организованная групповая сексуальная эксплуатация детей» — понимаемый как участие в сетях, которые осуществляют груминг, торговлю людьми или эксплуатируют детей в сексуальных целях, независимо от того, может ли каждый отдельный акт быть доказан по отдельности, — с обязательными минимальными сроками заключения и отягчающими обстоятельствами в случае расовой или религиозной мотивации.

Он должен отменить презумпцию того, что ребенок может когда-либо дать согласие на сексуальную активность со взрослым, особенно в контексте груминга. Суды до настоящего времени признавали, что видимое согласие может быть результатом принуждения или психологического манипулирования, но законодательная формулировка не в полной мере отразила этот аспект СЭД (сексуальной эксплуатации детей).

Он также должен возложить законодательную обязанность на каждый соответствующий государственный орган фиксировать и публиковать этническую принадлежность, иммиграционный статус, национальность и религию как жертв, так и преступников во всех таких случаях. Это повлечет за собой скорую отмену любого законодательства, которое запрещает органам собирать соответствующие данные об этнической принадлежности и религии.

Наконец, необходимо криминализировать, как будет подробно изложено ниже, любое доказуемо виновное бездействие или отказ должностных лиц принять меры в отношении

банд насильников из опасения разжечь «напряженность в общинах» или привлечь «антирасистское» внимание СМИ. Это будет опираться на существующие принципы, касающиеся должностных проступков, но обеспечит более четкие и применимые на практике стандарты.

Парламенту следует установить ужесточение наказания за преступления, совершенные в составе организованных сетей, включая минимальные сроки тюремного заключения и расширение применения пожизненного заключения в исключительных случаях. Тяжесть таких преступлений, часто включающих длительное насилие, торговлю людьми и коммерческую эксплуатацию, оправдывает максимально суровые приговоры.

Возникает более широкий конституционный вопрос, касающийся взаимодействия между правом в области прав человека и уголовным преследованием за организованную сексуальную эксплуатацию. Часто утверждается, что существующие механизмы защиты прав интерпретируются таким образом, что это препятствует решительному правоприменению или способствует институциональной осторожности. В связи с этим следует провести всесторонний пересмотр Закона о правах человека 1998 года с целью пересмотра баланса между индивидуальными правами и защитой уязвимых жертв. Реформы должны быть сосредоточены на том, чтобы аргументы, основанные на правах человека, не могли быть использованы для воспрепятствования расследованиям, судебному преследованию или процедурам депортации лиц, совершивших тяжкие сексуальные преступления. Более того, вероятно, предпочтительнее отменить Закон о правах человека 1998 года, чем позволить ему продолжать действовать в его нынешнем виде.

Закон о равенстве 2010 года, если он не будет отменен полностью, никогда не должен применяться в контексте уголовного правосудия и обеспечения безопасности. Антидискриминационные принципы не должны служить сдерживающим фактором для выявления паттернов риска или применения уголовного права. Если полная отмена невозможна, то, по крайней мере, законодательная поправка должна уточнить, что меры защиты равенства не могут быть использованы ни для прикрытия преступного поведения, ни для ограничения законной следственной практики, основанной на оценке рисков на базе имеющихся доказательств.

Превентивные механизмы должны быть значительно расширены, чтобы противодействовать меняющемуся характеру сексуальной эксплуатации детей и организованных сетей груминга. В настоящее время система уголовного правосудия остается в значительной степени реактивной, вмешиваясь в основном решительно только после того, как уже были совершены серьезные правонарушения и жертвы понесли стойкий вред. Хотя судебное преследование и наказание остаются необходимыми, больший акцент должен быть сделан на раннем вмешательстве, пресечении и управлении рисками, чтобы предотвратить насилие до того, как оно перерастет в более серьезную форму.

Одной из важнейших реформ стало бы обеспечение более широкого и проактивного использования постановлений о сексуальном риске (Sexual Risk Orders, SROs) и связанных

с ними гражданских превентивных ордеров. В принципе, эти полномочия позволяют органам власти налагать ограничения на лиц, демонстрирующих вызывающее беспокойство поведение, характерное для лиц, совершающих сексуальное насилие, даже в тех случаях, когда уголовный приговор еще не был вынесен. Большая готовность применять их придавала бы сотрудникам полиции и агентствам по обеспечению безопасности больше уверенности в том, чтобы вмешиваться как можно раньше, будь то путем ограничения контактов с уязвимыми детьми, мониторинга онлайн-активности, ограничения доступа к определенным местам или предотвращения связей с предполагаемыми сетями груминга. Такие меры помогли бы сократить разрыв между подозрением и судебным преследованием, в то время как многие преступники в настоящее время продолжают действовать бесконтрольно.

По аналогичным причинам следует усилить механизмы обязательного мониторинга для преступников с высоким уровнем риска. Лица с историей сексуального насилия, эксплуатации, торговли людьми или организованного насилия должны подвергаться более строгому надзору посредством электронного мониторинга, регулярной оценки рисков, требований об обязательном раскрытии информации и более тесного межведомственного контроля. Учитывая все более цифровой характер груминга, мониторинг должен также включать поведение и коммуникации в сети, если это соразмерно с точки зрения закона. Усиленный надзор не только сократит возможности для рецидива, но и улучшит сбор разведывательных данных о более широких преступных сетях.

Обязанности учреждений по обязательному информированию представляют собой еще одну важнейшую превентивную меру защиты. Школы, социальные службы, поставщики медицинских услуг, дома ухода, благотворительные организации и другие организации, работающие с детьми, должны быть обложены четким юридическим обязательством сообщать о подозрении на насилие, эксплуатацию или деятельность по грумингу в соответствующие органы. Слишком часто институциональные сбои, страх репутационного ущерба или неопределенность в процедурах приводили к тому, что тревожные признаки игнорировались. Установленная законом обязанность создала бы большую подотчетность, стимулировала бы более раннее направление дел на рассмотрение и укрепила бы межведомственное сотрудничество. Несообщение о серьезных опасениях, особенно со стороны профессионалов, занимающих доверительные должности, должно влечь за собой значимые дисциплинарные и, потенциально, уголовные последствия.

Однако расширение превентивных полномочий должно соответствовать принципам пропорциональности, надлежащей правовой процедуры и основных свобод. Гарантии, включая судебный надзор, механизмы регулярного пересмотра и четкие доказательные пороги, необходимы для того, чтобы расширенные полномочия не использовались произвольно. Тем не менее, в случаях, когда на кону стоит защита уязвимых детей, баланс государственной политики должен склоняться в пользу более раннего вмешательства, а не ожидания наступления непоправимого вреда. Наконец, основной законодательной целью должно стать признание организованной сексуальной эксплуатации формой структурной преступности. Это требует сдвига как в правовой доктрине, так и в институциональной культуре. Закон должен перейти от реактивного наказания к проактивному искоренению

сетей, эксплуатирующих уязвимых детей. Без такого сдвига существующие законодательные акты — какими бы многочисленными или суровыми они ни были в теории — будут и впредь функционировать как инструменты ретроспективного правосудия, а не эффективной защиты.

Следующие принципы должны быть закреплены в вышеупомянутом Законе о сексуальной эксплуатации детей:

- Дети никогда не могут дать осознанное согласие. Закон должен запретить любому ведомству или суду рассматривать предшествующее поведение ребенка, его одежду, состояние опьянения или «выбор образа жизни» как смягчающие обстоятельства или согласие. Любой специалист, использующий подобные формулировки в отчетах или в ходе разбирательств, должен подвергнуться дисциплинарному взысканию и возможной уголовной санкции.
- Подотчетность способствует компетентности. Закон должен содержать более четкие правовые формулировки, детально описывающие позитивные ожидания, в соответствии с которыми государственные органы, взаимодействующие с населением и несущие установленную законом «обязанность по обеспечению безопасности» (*duty of care*), должны быть привлечены к ответственности. Среди специалистов первой линии, разумеется, обязанность по защите детей лежит на каждом. Уточнение должно быть таким, чтобы обязать соответствующее лицо, несущее ответственность — будь то физическое лицо, организация или иная структура — предпринимать упреждающие, активные шаги по спасению детей от групповой эксплуатации. Нарушение этой обязанности, будь то в силу доказуемой некомпетентности или преднамеренного недобросовестного исполнения обязанностей, должно являться правонарушением. Систематическое бездействие при наличии известных индикаторов необходимости защиты стало одной из определяющих характеристик бедствия с бандами насильников по всей Британии. Таким образом, государственные органы должны нести четкую юридическую ответственность в случаях серьезного пренебрежения обязанностями.
- Преступления, совершенные детьми — жертвами груминга — по указанию злоумышленников, не обладают *mens rea* («виновным умыслом»), чтобы считаться преступлениями в обычном понимании. Закон должен аннулировать сведения о судимости любого ребенка или молодого человека, осужденного за преступления (включая проституцию, хранение наркотиков или правонарушения против общественного порядка), которые были совершены в то время и по причине того, что их принудили к этому. Должна действовать презумпция того, что такие осуждения стали прямым результатом либо манипуляции, либо принуждения. Названный «Законом Сэмми» в честь Сэмми Вудхаус, этот закон будет действовать в интересах пострадавших, нуждающихся в окончательном разрешении ситуации, которые были криминализированы вместо того, чтобы быть защищенными.
- Доказанные насильники лишаются родительских прав. Закон должен однозначно зафиксировать, что насильники после вынесения приговора автоматически теряют

родительские права в отношении любых детей, рожденных в результате такого изнасилования.

- Шариатский брак. Закон должен запретить шариатские браки. Слишком часто они служили предлогом для того, чтобы злоумышленники осуществляли более жесткий принудительный контроль над своими жертвами. Это связано с тем, что шариатские суды фактически функционируют как параллельная судебная система, которая признается британским правом, но не является его частью. Это позволяет им регулировать жизнь мусульманских общин — и, как следствие, жизнь любых жертв, подвергшихся грумингу в таких общинах — способами, противоречащими нашим давним нормам и обычаям.

Меры реагирования на местах

Каждый специалист передовой линии — сотрудники полиции, социальные работники, учителя, врачи общей практики, медсестры, сотрудники по лицензированию такси, персонал школ и работники по делам молодежи — должен проходить обязательное ежегодное обучение по вопросам групповой сексуальной эксплуатации детей. Данное обучение должно освещать задокументированные этнические и религиозные закономерности, тактику, используемую бандами, признаки груминга и юридическую обязанность действовать. Бездействие при наличии явных индикаторов должно влечь за собой профессиональный риск, а в серьезных случаях — уголовные последствия. Должна быть запущена национальная кампания по информированию общественности, чтобы родители, соседи и местные сообщества точно знали, на что обращать внимание и к кому обращаться. Реакция каждого ведомства по умолчанию должна измениться с недоверия и обвинения жертвы на немедленную защиту и расследование.

Хотя для привлечения государственных служб к ответственности требуются изменения в политике, реализация этих практик должна тщательно контролироваться. Ключом является улучшение подготовки. Многие инициативы подчеркивают необходимость межведомственного взаимодействия, однако для эффективного обеспечения безопасности на практике важнее сама реализация, чем просто акцент на ней. Предыдущие обзоры зафиксировали пробелы в межведомственных процессах, многие из которых были замечены в результате провалов в обеспечении безопасности детей. Важным моментом является то, что каждое ведомство имеет свои собственные руководства, практики и процессы, что в совокупности приводит к пробелам в коммуникации, передаче дел и тому подобном. Важно, чтобы государственные службы формировали доверительные отношения друг с другом, а также с другими партнерами. Это означает ведение открытых диалогов, проявление профессионального любопытства и склонность к избыточному обмену информацией в целях обеспечения безопасности детей.

В 2022 году в «Британском журнале общей практики» (British Journal of General Practice) была опубликована статья Шэрон Диксон, Брайони Кендалл, Дженни Дрисколл и Кэтрин Поуп. «Построение отношений лежит в основе межведомственного взаимодействия, — говорилось в ней, — и обмен историями и результатами может стать частью этого процесса. Когда исследования проводятся и распространяются преимущественно в рамках профессиональных встреч и публикаций одного ведомства, возможности для этого могут

быть упущены». *61 Это подкрепляет выводы данного Расследования: межведомственное обучение имеет жизненно важное значение для содействия межведомственному взаимодействию. В связи с этим мы рекомендуем сделать межведомственное обучение по обеспечению безопасности детей обязательным для всех установленных законом услуг. Комиссия далее рекомендует ведомствам совместно согласовать общие методы работы и политику, чтобы конфиденциальность не становилась препятствием для обмена ключевой информацией в обстоятельствах, которые могут не только послужить защите детей, но и оказаться спасительными для жизни.

61. Sharon Dixon, Bryony Kendall, Jenny Driscoll & Catherine Pope, Supporting the ‘multi’ in multi-agency working: learning with and from each other could enable multi-agency safeguarding, *British Journal of General Practice*, сентябрь 2022 г., стр. 439.

Плакаты по обеспечению безопасности, описывающие признаки груминга и эксплуатации детей, должны быть размещены в общественных зонах всех медицинских клиник, включая кабинеты врачей общей практики, клиники сексуального здоровья, отделения скорой и неотложной помощи, стационарные отделения, клиники психического здоровья и любые другие зоны, доступные для посетителей медицинских учреждений. Это следует распространить на школы и молодежные центры.

Полицейская деятельность должна быть реформирована с самого основания. Каждое управление полиции должно быть обязано фиксировать этническую принадлежность, иммиграционный статус, национальность и религию как жертв, так и преступников во всех случаях СЭД (сексуальной эксплуатации детей). Национальный маркер групповой сексуальной эксплуатации детей должен стать обязательным. В каждом управлении должны быть созданы специализированные подразделения по борьбе с СЭД с выделенными ресурсами для проактивного пресечения деятельности преступников. Этнорелигиозному лоббированию против надлежащего правоприменения необходимо противостоять на принципиальном уровне.

Полицейская деятельность

Текущая структура, в рамках которой правоохранительные органы подходят к проблеме СЭД, не соответствует реальным нюансам данной проблемы. Чтобы повысить эффективность работы, полиция должна углубить сотрудничество с существующими межведомственными комиссиями по СЭД, предназначенными для выявления и защиты детей, подверженных риску эксплуатации.

В настоящее время эти усилия предпринимаются в основном на местном уровне, без достаточной координации. Межведомственным комиссиям по СЭД также не хватает либо законодательной основы, либо общенационального обязательного оперативного регламента. В результате эффективность работы варьируется в зависимости от региона. Данные обзоров серьезных случаев и крупных расследований — включая те, что возникли в результате расследований деятельности банд в Ротереме и Рочдейле — указывают на то, что отсутствие единого общенационального алгоритма действий способствовало провалам в обеспечении безопасности и ослабило меры реагирования на местах.

В связи с этим мы призываем к немедленному внедрению межведомственной координации по вопросам ССЭ и единого оперативного регламента. Такие реформы повысят согласованность действий и обеспечат максимальную подотчетность. В тех случаях, когда межведомственные комиссии по ССЭ 170 работают эффективно, они, как правило, демонстрируют четко определенные пороги и механизмы направления, регулярные стратегические совещания между полицейскими управлениями и службами по делам детей, а также четкие линии подотчетности. Норфолк часто хвалят за достижения именно в этих областях. Там существует специализированная межведомственная группа по борьбе с эксплуатацией, интегрированная в структуру полицейской деятельности. Проверенная модель таких успешных примеров должна послужить основой для любых будущих реформ.

Полицейских также следует обучить проводить допросы подозреваемых в составе банд насильников с учетом их религиозных убеждений и исследовать свидетельские показания жертв в отношении религиозных аспектов подвергаемого ими насилия. Страх задеть культурные чувства должен быть полностью искоренен из культуры, пронизывающей современную полицейскую деятельность.

Здравоохранение

В законе должно быть закреплено, что NHS несет обязанность по обеспечению надлежащего ухода за пострадавшими от действий банд насильников. Каждая клиника сексуального здоровья, кабинет врача общей практики, отделение неотложной помощи и служба охраны психического здоровья должны инициировать автоматическое направление на меры по обеспечению безопасности в отношении любого ребенка, обращающегося с ИППП, повреждениями половых органов, беременностью или повторным членовредительством, связанным с эксплуатацией. Выписка ребенка обратно в среду с известным риском без наличия межведомственного плана защиты должна быть запрещена. Помощь с учетом травматического опыта должна быть внедрена на национальном уровне для всех пострадавших от действий банд насильников. Подпольные аборты и беременности, ставшие следствием изнасилования, должны рассматриваться как преступления, а не как частные медицинские вопросы.

В марте 2026 года правительство опубликовало обновленную версию документа «Совместная работа по обеспечению безопасности детей» (Working Together to Safeguard Children) — нормативного руководства по межведомственному взаимодействию с целью оказания помощи, поддержки и защиты детей. Руководство содержит краткое описание изменений в данной обновленной версии, а также приложение-гlossарий по групповой сексуальной эксплуатации детей.

В данном glossарии групповая сексуальная эксплуатация детей определяется как «два или более лица (установленные или не установленные), которые известны друг другу (или связаны друг с другом) и о которых известно, что они участвуют в сексуальной эксплуатации детей или способствуют ей. Участие в сексуальной эксплуатации детей включает в себя, например, знакомство детей с другими лицами с целью эксплуатации, торговлю детьми с целью «сексуальная эксплуатация, получение оплаты за сексуальные

действия с ребенком или разрешение использовать свое имущество для сексуальных действий с ребенком» и т. д. Это может совершаться как внутри семьи, так и за ее пределами, как детьми, так и взрослыми, а группы могут быть как организованными, так и слабо связанными». *62

Помощь с учетом травмы также должна быть организована на национальном уровне для лиц, пострадавших от организованной сексуальной эксплуатации. Пострадавшие часто сталкиваются с долгосрочной психологической травмой, зависимостью, самоповреждением, бездомностью, ПТСР, депрессией и трудностями при взаимодействии с медицинскими службами. Тем не менее, предоставление поддержки остается непоследовательным. Подавляющее большинство участников, с которыми мы взаимодействовали в ходе Расследования, сообщили о трудностях с доступом к надлежащей психологической поддержке для проработки травмы и содействия восстановлению.

Пострадавшим требуется более узкоспециализированное внимание, чем то, которое обычно предоставляется в рамках когнитивно-поведенческой терапии. В данном отчете рекомендуется, чтобы терапия, сфокусированная на сострадании (CFT), также стала центральным компонентом терапевтической помощи пострадавшим. У пострадавших обычно наблюдаются глубокий стыд, самообвинение, диссоциация, эмоциональная дисрегуляция, симптомы комплексной травмы, зависимость от психоактивных веществ, депрессия, самоповреждение и трудности в формировании безопасных межличностных отношений. Эти психологические паттерны не являются случайными; зачастую они становятся прямым следствием длительного принуждения, унижения, деградации, насилия и институционального пренебрежения.

ТФС специально направлена на эти психологические паттерны. Процессы груминга намеренно приучают жертв испытывать чувство вины, соучастия, никчемности и эмоциональную зависимость от преступников. В результате многие пострадавшие описывают себя не в первую очередь как жертв насилия, а как «грязных», «слабых», «соучастников» или «безнадежных». Эти чувства, основанные на стыде, сохраняются даже после обеспечения физической безопасности. ТФС напрямую стремится укрепить эту систему успокоения с помощью техник сострадательных образов, тренинга по эмоциональной регуляции, восстановления привязанности и снижения самоатакующего мышления. Появляющиеся данные свидетельствуют о том, что интервенции, основанные на сострадании, эффективны в снижении симптомов ПТСР, стыда, депрессии и самокритики среди лиц, переживших травму.

62 См. Правительство Великобритании, Working Together to Safeguard Children, март 2026 г., стр. 164.

Важно отметить, что многие пострадавшие от организованной эксплуатации не доверяют представителям власти и испытывают трудности в традиционных клинических отношениях из-за неоднократных предательств. ТФС предлагает некарательный и непатологизирующий подход, который признает реакции выживания, а не характеризует жертв как дисфункциональных или сопротивляющихся исправлению. Это особенно важно

для пострадавших, которые ранее подвергались криминализации, которым не верили или которых обвиняли профессионалы.

Ввиду этих фактов, ТФС должна быть внедрена на национальном уровне в рамках специализированных служб помощи пострадавшим, протоколы лечения травм NHS должны включать ТФС в качестве рекомендуемой интервенции для пострадавших от организованной сексуальной эксплуатации, клиницисты, работающие с пострадавшими от банд груминга, должны пройти специализированное обучение методам, учитывающим специфику стыда и основанным на сострадании, предоставление долгосрочной терапии должно иметь приоритет над краткосрочными кризисными интервенциями, а службы помощи пострадавшим должны внедрить модели сострадательного восстановления на основе равной поддержки наряду с формальной психотерапией. Поддержка также должна быть доступна членам семьи, особенно детям и партнерам жертв насилия, совершаемого бандами.

Что касается физического здоровья, беременности детей младше 16 лет, аборты после предполагаемого изнасилования, скрытые беременности, принудительное прерывание беременности и подозрения на проведение подпольных абортов должны рассматриваться как вопросы обеспечения безопасности (safeguarding) и потенциально уголовно наказуемые деяния, а не исключительно как частные медицинские случаи. Ребенок всегда должен рассматриваться как жертва, нуждающаяся в защите.

Как мы видели, физические последствия эксплуатации не исчезали с окончанием самого насилия. Во многих случаях, как мы видели, травма перешла на жизнь детей, рожденных в результате изнасилования. Сохраняющаяся институциональная невидимость этих детей отражает более широкое нежелание признать масштабные человеческие последствия организованной сексуальной эксплуатации. Таким образом, эти дети должны быть официально признаны в законодательстве по обеспечению безопасности (safeguarding) как уязвимая категория, требующая специализированной поддержки. Мы далее рекомендуем создать национальную исследовательскую программу по изучению долгосрочных социальных, психологических, развивационных последствий и результатов в области обеспечения безопасности детей, рожденных в результате организованного сексуального насилия. Почти полное отсутствие британских исследований в этой области представляет собой серьезное институциональное «слепое пятно».

Обязательное обучение также должно быть введено для всего персонала первой линии Национальной службы здравоохранения (NHS) по вопросам того, как выявлять и как взаимодействовать с различными моделями груминга: принудительным контролем, диссоциацией, проявлениями травмы, насилием, связанным с бандами, эксплуатацией по «модели бойфренда» и насилием на почве «защиты чести». Многочисленные расследования выявили повторяющуюся закономерность, при которой специалисты не предпринимали мер для вмешательства, поскольку жертвы воспринимались как «проблемные», «согласные» или «делающие выбор в пользу определенного образа жизни».

Наконец, мы рекомендуем создать специализированные подразделения Национальной службы здравоохранения (NHS) по борьбе с сексуальной эксплуатацией детей в районах с

задокументированной историей организованного насилия. В этих подразделениях должны быть объединены судебно-медицинская экспертиза, опыт в области обеспечения безопасности (safeguarding), службы охраны психического здоровья, защита прав пострадавших и долгосрочная поддержка при травмах. Их целью должно быть не только лечение, но и раннее выявление моделей организованной эксплуатации. Каждому пострадавшему должен быть гарантирован долгосрочный доступ к специализированному консультированию, психиатрическому лечению, уходу в области сексуального здоровья, репродуктивному здоровью, поддержке при зависимостях, юридической защите и помощи с жильем, независимо от того, ведутся ли в настоящее время уголовные разбирательства.

Частное уголовное преследование / Гражданское судопроизводство

Закон предоставляет всеобъемлющие и эффективные механизмы для того, чтобы жертвы, их семьи и другие заинтересованные стороны могли добиваться привлечения к ответственности за широко распространенные преступления, связанные с грумингом, изнасилованием и торговлей людьми, совершаемые организованными бандами на всей территории Соединенного Королевства. Эти механизмы работают через два основных пути: (1) гражданские иски о взыскании компенсации, наряду с другими средствами правовой защиты, за причиненный вред и (2) частное уголовное преследование в случаях, когда государственные органы не смогли или отказались действовать. Оба пути напрямую опираются на широкий спектр преступлений и институциональных сбоев, задокументированных в таких делах, как **R v. Karrar** (2013), и могут использоваться стратегически для достижения справедливости, выявления системных недостатков и предотвращения совершения преступлений в будущем без исключительной опоры на неохотно действующих государственных прокуроров или местные советы. *63

63. Центральный уголовный суд, дело **R v. AKHTAR DOGAR, ANJUM DOGAR, KAMAR JAMIL, MOHAMMED KARRAR, BASSAM KARRAR**, РЕШЕНИЕ О НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЕГО ЧЕСТИ СУДЬИ ПИТЕРА РУКА QC, 27 июня 2013 г.

Гражданские иски против самих виновных начинаются с основных деликтов: нападения (assault) и нанесения побоев (battery). Эти требования возникают всякий раз, когда имеет место сексуальный контакт без согласия, физическое насилие или принудительные действия имеют место, что неоднократно подтверждалось схемами груминга и эксплуатации, которые включали крайнюю жестокость, систематические нападения и использование наркотических средств для облегчения совершения преступления. Жертвы могут взыскать компенсацию за физические травмы, физические и нравственные страдания, упущенный заработок и медицинские расходы, при этом суды наделены полномочиями присуждать повышенные или штрафные убытки в случаях, когда будет доказано, что действия носили садистский или унижающий достоинство характер. Незаконное лишение свободы представляет собой еще одно основание для иска в каждом деле, связанном с торговлей людьми или заточением, если будет доказано, что виновные ограничили свободу жертв посредством угроз, похищения или контроля на территории Соединенного Королевства в целях сексуальной эксплуатации. Данный деликт напрямую отражает преступления, связанные с торговлей людьми, предусмотренные статьями с 57 по

59А Закона о сексуальных преступлениях 2003 года и Закона о современном рабстве 2015 года, позволяя жертвам требовать существенной компенсации за лишение свободы и сопровождающую его психологическую травму.

Отдельный, но весьма значимый гражданский иск возможен в соответствии с правилом по делу «Уилкинсон против Даунтона» (*Wilkinson v. Downton*, 1897) за умышленное причинение эмоционального стресса. Данный деликт охватывает сам процесс груминга, поставку контролируемых веществ для снижения сопротивляемости, неоднократные унижения и долгосрочный психический вред, причиненный детям-жертвам. Суды признали, что такое преднамеренное поведение, часто сопровождающееся угрозами в адрес семей, достигает порога вопиющего поведения, направленного на причинение психической травмы, что открывает путь к компенсации даже при отсутствии физических повреждений. В дополнение к этим средствам защиты частного права, каждый имеющий на то право потерпевший сохраняет законное право подать заявление на получение выплат в рамках Схемы компенсации ущерба от преступлений 2012 года (*Criminal Injuries Compensation Scheme 2012*). Схема прямо охватывает насильственные сексуальные преступления, включая изнасилование ребенка младше 13 лет, нападение с проникновением и сексуальную эксплуатацию; она действует независимо от какого-либо уголовного осуждения, обеспечивая систему государственных выплат, размер которых может достигать десятков тысяч фунтов стерлингов в зависимости от степени тяжести вреда.

Гражданско-правовая ответственность в равной степени распространяется на органы государственной власти, чье бездействие способствовало совершению чудовищных уголовных преступлений. Иски о халатности против полицейских органов, местных советов, департаментов социального обеспечения и структур NHS (Национальной службы здравоохранения) оказываются успешными в тех случаях, когда установлена обязанность проявлять заботу (*duty of care*), которая была нарушена путем систематического игнорирования сообщений, неспособности расследовать предупреждения или приоритезации так называемых «отношений с общественностью» над защитой детей. Муниципальный совет боро Ротерем (*Rotherham Metropolitan Borough Council*), например, уже выплатила миллионы фунтов стерлингов в рамках мировых соглашений именно потому, что ее институциональная культура препятствовала эффективному обеспечению безопасности. Должностное правонарушение (*misfeasance in public office*) представляет собой дополнительный и мощный деликт, в рамках которого истцы могут доказать, что должностные лица действовали недобросовестно или со злым умыслом, например, намеренно «положив под сукно» расследования из страха быть заклейменными как расисты. Данный деликт требует доказательств целенаправленного причинения вреда, но предусматривает возможность взыскания штрафных убытков и привлечения к персональной ответственности отдельных сотрудников или членов совета.

Иски, поданные на основании Закона о правах человека 1998 года, оказались особенно эффективными в данном контексте. Статья 3 ЕКПЧ налагает на государство позитивное обязательство защищать людей от бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и эффективно и оперативно расследовать тяжкие преступления, такие как

изнасилование. Прецедентное решение Верховного суда по делу *DSD v. Commissioner of Police of the Metropolis* (2018) подтвердило, что системные провалы в следствии являются нарушением данной статьи, что дает право на возмещение ущерба потерпевшим, которые пострадали от неоднократного бездействия.⁶⁴ Более поздний судебный прецедент по делу *Chief Constable of Northamptonshire v. Woodcock* (2025) подтверждает, что полицейские органы могут быть привлечены к ответственности в виде выплаты убытков в случаях, когда они не смогли защитить людей от предсказуемого вреда, причиненного третьими лицами, что охватывает нарушения как Статьи 3, так и Статьи 8, касающейся права на уважение частной и семейной жизни. *⁶⁵ Эти иски о нарушении прав человека могут подаваться одновременно с исками о халатности; они привели к присуждению значительных компенсаций и одновременно вынудили неэффективные институты изменить свою политику.

65 Верховный суд Соединенного Королевства, ГЛАВНЫЙ КОНСТАБЛЬ ПОЛИЦИИ НОРТЭМПТОНШИРА против ВУДКОКА, 4 июля 2025 г. 64 Верховный суд Соединенного Королевства, КОМИССАР ПОЛИЦИИ МЕТРОПОЛИТЕНА против DSD И ДРУГОГО, 23 июля 2015 г.

Дополнительные законодательные основания возникают в соответствии с Законом о детях 1989 года и Законом о детях 2004 года, которые возлагают на местные органы власти четкие обязанности по обеспечению безопасности детей и содействию их благополучию. Нарушения этих обязанностей, особенно в случаях, когда уязвимые дети, находящиеся под опекой, подвергались грумингу или нападениям со стороны лиц, занимающих доверительное положение, служат основанием для гражданских исков о возмещении ущерба. Статьи с 16 по 19 Закона о сексуальных преступлениях 2003 года устанавливают конкретные уголовные преступления для взрослых лиц, занимающих доверительное положение, которые вступают в сексуальную связь с детьми, находящимися под их опекой, или подстрекают к ней, однако те же самые факты также являются основанием для гражданско-правовой ответственности за нарушение установленной законом обязанности. Принципы субсидиарной ответственности позволяют истцам привлекать органы власти к ответственности за действия или бездействие их сотрудников, таких как социальные работники, персонал домов ухода или сотрудники NHS, которые либо совершили преступления, либо закрыли на них глаза. В случаях, когда скандалу способствовали более широкие политические решения, процедура судебного пересмотра остается доступным средством обжалования незаконного бездействия, предоставляя возможность отменить решения и принудить к проведению надлежащих расследований.

Частные уголовные преследования служат уголовным эквивалентом этих средств гражданско-правовой защиты и доступны любому лицу или организации, имеющим достаточный интерес в деле. Весь спектр преступлений, совершенных правонарушителями, может быть предметом частного преследования в соответствии с Законом о сексуальных преступлениях 2003 года, включая изнасилование согласно статье 1, изнасилование ребенка в возрасте до 13 лет согласно статье 5, нападение с проникновением согласно статье 2, сексуальное насилие согласно статье 3, принуждение или побуждение ребенка к сексуальной активности согласно статьям 8 и 10, организацию

или содействие сексуальной эксплуатации детей согласно статье 50, груминг согласно статье 15, а также различные преступления, связанные с торговлей людьми и проституцией, изложенные в статьях 52 и с 57 по 59А. Закон о тяжких преступлениях 2015 года расширил эти положения, заменив устаревшие ссылки на детскую проституцию более широким понятием сексуальной эксплуатации ребенка, в то время как Закон о современном рабстве 2015 года криминализирует торговлю людьми в сексуальных целях с максимальным сроком наказания в виде пожизненного заключения. Аналогичным образом может быть осуществлено преследование за преступления, связанные с непристойными изображениями, преступления по принуждению или побуждению к проституции с целью получения выгоды, а также в более редких, но задокументированных случаях — за жестокое обращение с животными, связанное с совершением преступления.

В случаях, когда преступления были совершены самими представителями органов государственной власти или их сотрудниками, частное уголовное преследование является столь же жизнеспособным инструментом. Злоупотребление служебным положением, воспрепятствование правосудию, а также пособничество или подстрекательство основных преступников могут быть вменены в вину сотрудникам полиции, муниципальным советникам, социальным работникам или персоналу учреждений по уходу, которые намеренно препятствовали расследованиям или укрывали преступников. Те же принципы применимы к членам семьи или общественным деятелям, которые укрывали насильников путем запугивания жертв, сокрытия улик или активного содействия сетям торговли людьми. Прецеденты, такие как «Адвокат Ее Величества против Коллинза» (2016), иллюстрируют степень серьезности, с которой суды рассматривают злоупотребление доверием в учреждениях по уходу, и частные обвинители могут добиваться таких же пожизненных сроков заключения с продленным минимальным сроком, которые были назначены в деле «Корона против Каррара» (2013) ввиду развратного, жестокого и садистского характера деятельности банды. *66

Процессуальный путь частного уголовного преследования прост, но эффективен. Повестка или ордер выдаются Магистратским судом при представлении доказательств, удовлетворяющих тестам на достаточность доказательств и общественный интерес, после чего дело рассматривается как любое другое уголовное дело, при этом Служба королевского обвинения (CPS) сохраняет за собой право принять дело к производству и продолжить его или прекратить. Этот механизм позволяет обойти институциональное нежелание, гарантирует, что дела, в том числе касающиеся скрывающихся преступников или укрываемых членов семьи, дойдут до суда, и создает официальную запись о правонарушении, которая может послужить основанием для параллельных гражданских исков. В совокупности гражданские иски обеспечивают финансовое возмещение и ответственность за причиненный вред, в то время как частное уголовное преследование обеспечивает вынесение уголовных приговоров, длительные сроки тюремного заключения и общественное осуждение, необходимое для ликвидации сетей. Вместе они формируют полноценную правовую стратегию, способную обеспечить правосудие там, где государственные органы исторически не справлялись.

66. Высокий суд юстиции, «АДВОКАТ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА против ГОРДОНА КОЛЛИНЗА», 25 ноября 2016 г.

Дальнейшие шаги

- Опубликовать полные показания свидетелей данного Расследования.
- Искать дополнительные показания свидетелей, чтобы большее число жертв могли рассказать свою историю.
- Назвать в стенах Парламента имена тех, кто, как было установлено, способствовал деятельности банд насильников.
- Продолжать инициировать гражданские иски и частные уголовные преследования в соответствующих случаях.

С момента проведения официальных слушаний к нам обратилось больше женщин. Будьте уверены, что мы намерены сделать так, чтобы наше Расследование деятельности банд насильников продолжалось долгое время после публикации данного отчета. Он будет обновляться по мере того, как мы будем узнавать больше об этом самом ужасающем пятне на истории нашей страны. Это начальный этап более масштабной миссии, цель которой — гарантировать, что подобные предотвратимые зверства больше никогда не повторятся.

Заключительное обращение

Руперта Лоу, члена парламента, Председателя Комиссии по расследованию деятельности банд насильников:

Я хочу поблагодарить вас за то, что вы уделите время прочтению нашего отчета. Надеюсь, он в некоторой степени помог вам осознать тот ужас, который развернулся почти в каждом британском городе и поселении за последние 50 лет.

Участие в наших слушаниях и выслушивание выживших стало самым мучительным опытом в моей жизни. Невозможно понять, как такому злу позволили процветать в столь ужасающих масштабах.

Эта Комиссия была создана потому, что власти бездействовали, политики бездействовали, государственная служба бездействовала.

Все бездействовали. Мы не допустим повторения этой ошибки.

Мы предоставим платформу для того, чтобы другие жертвы могли рассказать свою историю всей стране; я назову имена преступников, пользуясь парламентской привилегией, и мы будем стремиться отправить этих людей в тюрьму путем взаимодействия с соответствующими органами. Если они не предпримут необходимых шагов, мы задействуем механизм частного уголовного преследования, чтобы наконец добиться справедливости.

Конечная цель нашей Комиссии ясна.

Посадить насильников и их пособников за решетку.

Совсем скоро появятся новые новости по этому направлению.

Благодарю вас за время и внимание, уделенные прочтению этого исторического отчета.

Руперт Лоу, член парламента

Комиссия по расследованию деятельности банд насильников

Приложение I — Показания потерпевших, не участвовавших в слушаниях

«Фелисити» (выжившая)

«Это первый раз, когда я в полном объеме рассказала о том, что произошло со мной в детстве».

«Первое нападение произошло вскоре после моего восьмилетия. В тот раз он попросил меня помочь ему повесить полку. Итак, мы зашли в заднюю комнату, и он закрыл за нами дверь. Он и раньше закрывал дверь, хотя закрытые двери заставляли меня чувствовать себя некомфортно и в ловушке. В маленькой коробке были гвозди, и он попросил меня передать их ему. Когда я пошла передавать их, он навалился на меня и начал трогать меня повсюду. Я не помню, чтобы он сначала что-то говорил. Я оцепенела и не могла пошевелиться. Помню, что мне было очень страшно. Также помню, что я была в ужасе от того, что у меня будут неприятности. Он сказал мне, что если я кому-нибудь расскажу, меня заберут из семьи. После этого я в ужасе возвращалась домой».

«Это стало началом многолетних насилий, изнасилований и пыток. Этот человек был первым, кто причинил мне подобный вред. Затем он перешел к торговле мной, передавая меня другим мужчинам, преимущественно азиатам, за пределами местного района. После этого меня начали забирать либо на такси, либо мужчины, которые забирали меня лично».

«Эти заборы часто происходили после школы, в вечера посещения церкви, когда я должна была быть в церкви, а иногда и по выходным».

«Меня также помещали в ситуации, где меня заставляли участвовать в действиях, причиняющих вред, с участием других детей. Это использовалось для того, чтобы размыть границы и сделать происходящее „нормальным“, одновременно создавая атмосферу секретности и страха перед тем, чтобы рассказать об этом».

«Мужчина описывался мне как тот, кто „обожал“ меня и женится на мне. Мне говорили, что это „Божий замысел“ и что мне нужно будет „принять“ ислам. Это преподносилось как любовь и судьба, но на деле служило инструментом манипуляции и контроля».

«Мужчина, связанный с моим начальным периодом насилия, посещал христианскую церковь. Мои контакты с ним и то, как упоминалась вера, использовались как часть схемы для завоевания доверия и легитимизации того, что он говорил».

«Я помню, как в какой-то момент один из азиатских преступников дал мне книгу об исламе и сказал, что мне нужно её изучить, что было частью давления с целью обращения в веру».

«Другая комната на верхнем этаже была известна мне как комната для наказаний. Я описываю её так, потому что это была комната, куда уводили девушек, если говорили, что они сделали что-то не так. В этой комнате я помню клеткоподобные загоны, внешне напоминающие клетки для собак. Некоторые из них располагались на полу, а другие — выше. Также я помню, что в этой комнате находились различные предметы, которые использовались для того, чтобы причинять людям боль или наказывать их. Входить в эту комнату было страшно, и было понятно, что отправка туда означала серьезное наказание. Я не помню, чтобы люди всегда объясняли, почему происходят наказания».

«Я помню, что одно из худших наказаний, свидетелем которых я когда-либо была, касалось другой девушки, которую обвинили в том, что она заявила в полицию на одного из мужчин. В то время я ответила дерзостью, и Чар заступилась за меня. Её ударили по лицу, и нас обеих отвели наверх. Мы находились в комнате для наказаний, когда туда привели другую девушку. Мужчины заявили, что она донесла на одного из них в полицию и что ей нужно преподать урок. Затем я видела, как раскаленным утюгом прижигали спину девушки. Помню, что видела сильные ожоги и повреждения кожи на её спине. Это воспоминание осталось для меня глубоко травматичным».

«По моим воспоминаниям, позже девушка умерла. Я помню, как видела, что её впоследствии задушили в той комнате. Помню, что там присутствовало несколько мужчин, примерно четверо в общей сложности. Я была в ужасе».

«В какой-то момент и «Чар», и я были беременны одновременно. Все эти беременности закончились выкидышем. Я была с «Чар», когда у неё случился выкидыш. В то время ни одна из нас толком не понимала, что происходит. Я думала, что она умирает. То, что произошло с «Чар», позже помогло мне понять, что происходило, когда случился мой выкидыш. В моей жизни было несколько выкидышей».

«Когда „Чар“ перестали приводить в дом, вместо неё стали приводить других девочек. Я спросила одного из мужчин, где она. После того как я спросила о ней, меня поместили в комнату для наказаний. Один из мужчин сказал мне, что она больше никогда не вернется. Они смеялись и говорили, что убили её и что я больше никогда её не увижу. Однако один из мужчин также сказал, что хотел увезти её в Пакистан».

«Я стала свидетелем серьезного инцидента с применением насилия с участием мужчины, который, по моему убеждению, был полицейским. Я помню его лицо и имя. Девочку застрелили у меня на глазах. Это воспоминание мучительно и остается отчетливым».

«В этот период мне давали почувствовать, что я нахожусь под полным контролем причастных к этому мужчин. Мне угрожали крайней жестокостью и говорили такие вещи, например, что меня могут изрубить и скормить свиньям. Из-за этих угроз и насилия, с

которым я уже столкнулась, я искренне верила, что меня убьют, если я раскрою то, что произошло, или то, чему стала свидетелем».

«В какой-то момент в течение этого периода я попыталась покончить с собой с помощью пистолета, принадлежавшего одному из причастных мужчин. Я попыталась застрелиться, приставив его к голове. Я никогда раньше не пользовалась пистолетом и не знала, как им пользоваться. Я нажала на спусковой крючок, но он не сработал. Помню, что взрослые были крайне разгневаны. Помню, что мне угрожали арестом, и я была в ужасе».

«Он посадил меня в фургон вместе с семью другими девочками в клетке и двумя мальчиками, отвез нас в глушь, вывел всех нас, построил и рассказал нам правила, что мы будем делать. Четыре девочки были привезены из-за границы, чтобы быть проданными здесь. Они не говорили по-английски».

«Одна из них дерзила парню, который собирался их купить, и он сорвался, начал раз за разом наносить ей удары ножом и избивать её. Затем он поджег её и заставил нас всех смотреть. Это меня изменило. Вот почему я пыталась выпрыгнуть из окна. Под конец мне пришлось копать себе могилу. Был один мужчина, которого я помню отчетливо».

«Он говорил о том, что хочет найти себе „Розу“ к своему Фреду. Он говорил, что его кумиром был Фред Уэст, и что он хочет партнера, с которым мог бы похищать, убивать и поедать детей. Он рассказывал об этом подробно, и я снова увидела его, когда мне было 27 лет. В 27 лет я пыталась заявить на него, но мне не поверили».

«Я помню один случай, когда он подвесил меня за ноги вниз головой и высек меня плетью. Он затем помочился на меня. Я также помню, как он принуждал меня к определенным действиям и выливал на меня какие-то вещества, смеясь, как будто находил это забавным. Его поведение казалось садистским и унижающим достоинство».

«Дом напоминал другие дома, которые я видела ранее, где находились девушки. Я помню, как видела очень маленькую девочку, примерно пяти или шести лет, связанную рядом с кухней. Я также слышала других девушек в других частях здания».

«Мужчина, которого я знала как „Раз“, похоже, получал удовольствие, наблюдая за тем, как другой мужчина насилует меня. Во время нападения я кричала ему, чтобы он помог мне. Я помню, что в конце концов он сказал другому мужчине остановиться и велел ему выйти из комнаты. Однако, как только другой мужчина ушел, „Раз“ сам изнасиловал меня».

«Я помню, как он говорил, что эта ночь была „особенной“, что он что-то празднует и что меня „купили“ на эту ночь в качестве награды для его сообщников. В течение ночи многочисленные мужчины совершали в отношении меня насилие. Я не помню, сколько их было. Я помню, как „Раз“ сидел в углу и наблюдал за тем, как происходило насилие».

«В какой-то момент ночью меня заставили принять дополнительные таблетки или вещества. Я стала крайне дезориентирована, почувствовала головокружение, тошноту и неспособность нормально двигаться. Помню, как комната вращалась и в глазах двоилось».

Я чувствовала физическую тяжесть, как будто не могла контролировать свое тело. В какой-то момент меня стошнило на себя, потому что я задыхалась, но насилие продолжалось, несмотря на это».

«Я помню, как была свидетелем жестокого обращения с младенцем, в то время как мать заставляли смотреть. Помню, как младенца прижигали сигаретами. Женщина была белой, ребенок — смешанного происхождения. Затем эти мужчины убили ребенка. Этот инцидент причинил мне крайнее потрясение и остается одним из самых травматичных воспоминаний, которые я ношу в себе. В то время я чувствовала себя эмоционально подавленной и психологически сломленной увиденным».

«Я страдала от постоянных ночных кошмаров, флешбэков, диссоциации, стыда, страха и эмоционального онемения. Были периоды, когда я вытесняла значительные части произошедшего, чтобы справиться с этим и выжить. Я также неоднократно сталкивалась с ситуациями, когда чувствовала, что мне не верят, меня игнорируют или относятся ко мне так, будто я выдумываю события, что оказало глубоко разрушительное воздействие на мою уверенность в себе и психическое благополучие».

«Значительная часть моего исцеления произошла благодаря тому, что меня наконец-то выслушали, поверили мне и признали мою правоту. То, что меня услышали, помогло мне начать понимать, что произошедшее со мной не было моей виной. Хотя я все еще ощущаю последствия травмы и некоторые симптомы сохраняются, сейчас ночных кошмаров и флешбэков стало меньше, и я чувствую, что могу более открыто говорить о случившемся. Также я чувствую себя эмоционально легче, чем за многие годы, потому что больше не чувствую, что меня заставили молчать или что я осталась одна с этим опытом».

«Клэр» (Пострадавшая)

«Туда постоянно приходили и уходили белые девушки, некоторые даже моложе меня. Некоторые девушки торговали наркотиками для этих мужчин, и многие из них до сих пор общаются с теми же преступниками, что делает меня очень грустной».

«Мы просто постоянно перемещались по всем этим домам для вечеринок — наркотики, мужчины, они делали всё, что хотели. Парни забирали нас из школы. В то время мы выражали обеспокоенность, потому что мы все ходили в клинику сексуального здоровья, так что об этом есть записи. Даже главный инспектор полиции [Отредактировано] был в курсе».

«Тинкербелл» (Пострадавшая)

«Через три недели после моего размещения я проснулась посреди ночи и обнаружила, что чья-то рука находится внутри моего влагалища. Мне было четырнадцать с половиной лет. Ночным социальным работником был шотландец. Я сообщила о том, что произошло. Он отвел меня в офис, сел рядом и помог мне написать отчет. На следующее утро он ушел. Никто не предпринял последующих действий. По отчету не было принято никаких мер. Никто не спросил меня, в безопасности ли я. Ничего не произошло. С этого момента я чувствовала себя не более защищенной, чем дома. Насилие продолжалось еще несколько

раз в условиях системы опеки. У меня остались яркие воспоминания о ночном распорядке в доме, включая случаи, когда одного ребенка выбирали, чтобы он не спал и смотрел фильм с персоналом, пока остальных отправляли в постель. Помню, как мне дали стакан лимонада, и после этого я не помню, что произошло».

«В это время моя учеба развалилась. Ранее я была успешной ученицей и стремилась стать архитектором. Однако я начала прогуливать занятия и терять интерес к учебе. Находясь под опекой, я также столкнулась со значительным хаосом, в том числе с тем, что полиция сообщила мне, что моя мать опустошила мой банковский счет, подделав мою подпись. 185

Несмотря на это, на меня оказывали давление, чтобы я вернулась домой. Я начала убегать из детского дома. Сначала я делала это одна. Позже в дом попала другая девочка, которую я знала ранее. После того как я рассказала ей о происходящем, мы начали убегать вместе. На улицах нас подвергали грумингу взрослые мужчины. Среди них были пакистанцы, а также поляк и его сын. Договоренность была негласной: кров, еда и сигареты в обмен на секс».

«Лия» (Пострадавшая)

«Я купила дом в 2002 году и заметила, что мой обидчик околачивался возле моего дома в такси с конца 2002-го по начало 2003 года. После того как в начале 2003 года у меня начались серьезные проблемы с моим обидчиком, в 2003 году я неоднократно подавала на него заявления в полицию, в том числе о том, что он непрерывно преследовал меня, похищал меня, почти каждый день на протяжении многих часов совершал на меня насильственные нападения, ломал мне нос и другие кости и т. д., непрерывно изнасиловал меня, непрерывно незаконно удерживал меня под стражей, а также постоянно угрожал убить меня и мою 5-летнюю племянницу. Он утверждал, что является сыном начальника полиции Багдада, и у него было два паспорта на два разных имени».

Анонимный временный менеджер по антикризисному управлению (Информатор)

«Я являюсь временным менеджером по антикризисному управлению. Я работал в этой роли на протяжении многих лет. Примерно в 2019 году меня привлекли на временной основе в службу стационарного размещения детей в крупном городе Большого Манчестера, ориентировочно с сентября по март следующего года. Моя роль заключалась в том, чтобы стабилизировать работу службы, оказать поддержку опекунам, выявить системные проблемы и применить профессиональное суждение относительно того, отвечала ли служба потребностям детей, размещенных там».

«С самого начала мне стало ясно, что служба не отвечала потребностям детей и подростков, размещенных в ней. Существовали давние опасения относительно поддержки опекунов, практики обеспечения безопасности (safeguarding) и того, как управлялись риски. Хотя проблемы неоднократно поднимались и официально расследовались, значимых изменений не последовало. Исходя из моих наблюдений и заявлений моих коллег, одни и те же ошибки повторялись снова и снова».

«По моему профессиональному мнению, эти упущения напрямую привели к тому, что дети подверглись риску, а в некоторых случаях — к насилию над детьми. Меры по обеспечению безопасности были неэффективными, особенно в отношении сексуальной эксплуатации. Служба не предпринимала необходимых шагов для обеспечения безопасности детей».

Анонимный врач-консультант (пострадавший и информатор)

«За свою медицинскую карьеру я лично наблюдал разрушительное воздействие сексуального насилия на детей и взрослых всех полов. Сексуальное насилие разрушает жизни, часто проявляясь в медицинских учреждениях не только через прямые признания, но и через физические симптомы, психологический стресс и сложные клинические картины, которые маскируют лежащее в основе насилие».

«Несмотря на это, ни на одном этапе моего медицинского обучения или профессионального развития меня не учили тому, как выявлять груминг или торговлю людьми в соответствии с профилем, позже описанным профессором Алексис Джей или недавно упомянутым в аудите банд груминга Кейси 2025 года. Нас также не обучали по самому Отчету Алексис Джей».

«В этот период меня перевезли в Грецию в качестве жертвы торговли людьми, чтобы он мог избежать правосудия и продолжать подвергать меня насилию в детстве. Религия использовалась как механизм контроля. Искаженная форма христианства применялась для внушения страха, чувства всемогущества [насильника] и послушания, с угрозами божественного наказания, смерти и ада в случае моего сопротивления».

«Насильник носил с собой пистолет, угрожал расправой, смертью и самоубийством, употреблял алкоголь и почти полностью изолировал меня от общества на протяжении примерно пяти лет, за исключением учебы. Даже мое школьное обучение жестко контролировалось через то, как меня забирали и привозили в школу, запугивание учителей и акты насилия по отношению к другим».

«Джо-Джо» (родитель пострадавшей)

«Существует широко распространенное мнение, что дети подвергаются грумингу или сексуальной эксплуатации только в том случае, если они происходят из неблагополучной среды или находятся под опекой. В случае с нашей семьей всё было иначе. У груминга нет границ. У меня было пятеро детей... Все они пользуются уважением, имеют хорошую работу и собственные семьи. Моя дочь не была выходцем из развалившейся 187 семьи».

«Проявилась еще одна тревожная закономерность. Мы находили ее утром брошенной у нашего порога в состоянии опьянения. Мужчины, занимавшиеся ее грумингом, давали ей алкоголь и наркотики».

«Мы расспрашивали её об этом так называемом парне. Она сказала нам, что любит его. Когда мы спросили о его возрасте, она ответила, что, по её мнению, ему около 25 лет. Она говорила о встрече с его семьей. Она была совсем юным подростком. Я не могла понять, как какая-либо семья могла допустить связь взрослого мужчины с ребенком».

«Я никогда не забуду слова полицейских о том, что если она продолжит в том же духе, то в итоге окажется либо мертвой, либо изнасилованной. Несмотря на эти слова, они не признали её жертвой. Они не арестовали взрослых мужчин, с которыми её находили, хотя ей было всего 13 или 14 лет».

«Когда моей дочери было 15 лет, полиция пришла к нам домой и сообщила, что её изнасиловали четверо мужчин азиатской внешности. Это были пакистанцы».

«Мы поспешили к ней. Она была в ужасном состоянии и едва могла ходить. Её напоили большим количеством алкоголя. Её изнасиловали и обсыпали порошком карри. Это произошло в отеле во время праздника Ид».

«Сотрудники отеля видели, как группа мужчин азиатской внешности сопровождала мою дочь в гостиничный номер. Именно менеджер отеля связался с полицией, которая затем связалась с нами».

«Преступникам, надругавшимся над моей дочерью, были предъявлены обвинения, и дело было подготовлено к суду. В день судебного заседания нам сообщили, что дело закрыто. Нам сказали лишь, что у преступника был очень хороший солиситор. Никаких письменных объяснений предоставлено не было».

«Этот момент сломил её. Она чувствовала, что ей не поверили и что она не добилась справедливости. Её пристрастие к алкоголю усилилось».

«В 2022 году мои дочери нашли свою сестру мертвой в её квартире. Ей было 33 года. Она умерла в одиночестве».

«Я считаю, что груминг, изнасилование, институциональные сбои и крах процесса правосудия непосредственно привели к смерти моей дочери».

«Фиби» (Пострадавшая)

«За последние несколько лет у нас отняли всё, и никто из нас не был к этому готов, особенно я. Было огромным шоком наблюдать, как наша прежняя жизнь постепенно исчезает, в частности, в результате того, что произошло со мной в подростковом возрасте».

«Моему отцу трудно облечь в слова то, насколько сильно это на него повлияло, но я знаю, что это глубоко изменило его. Это изменило всех нас. Хотя мы и пытались двигаться дальше и восстановить свою жизнь, с тех пор всё стало иначе».

«Мы ожидали, что полиция отнесется к нам серьезно. Мы верили, что закон существует для нашей защиты. Было глубоким потрясением обнаружить, что важнейшие улики были удалены из телефона, который мы передали. Это была [Данные удалены] Полиция».

«Росс» (Родитель «Фиби»)

«То, что произошло с моей дочерью «Фиби», и последовавшие за этим процессы, включая процедуры подачи жалоб, запросы о доступе к персональным данным (Subject Access

Requests) и длительные задержки без надлежащего расследования, оказали глубокое воздействие на меня и на нашу семью».

«Этот опыт повлиял на меня эмоционально, физически, психически и финансово. Он повлиял на мои отношения, мою способность доверять, мой сон, мои пищевые привычки и образ мышления. Эти последствия сохранялись на протяжении последних трех-четырех лет и продолжают по сей день».

«Мне пришлось сосредоточиться на защите Фиби, пытаюсь залечить нанесенный ей ущерб, и в то же время полностью посвятить себя прохождению через сложные процедуры подачи жалоб и сбору доказательств, чтобы понять, как с нами обращались».

«И Фиби, и я теперь страдаем от тревожности и депрессии. Состояние здоровья Фиби дополнительно ухудшилось в связи с диагнозом «эпилепсия», поставленным в 2024 году».

«Если власти могут так обращаться с моей дочерью и нашей семьей, я полагаю, что они способны поступить так же и с другими. Что произошло с «Фиби» и что через которые мы прошли за последние три-четыре года, останутся с нами навсегда».

«Селеста» (Пострадавшая)

«Затем ко мне подошел один из словаков и попросил меня отсосать его член... от чего я отказалась. Тогда он начал насильно заталкивать свой член мне в рот».

«(Затем) меня схватил высокий мускулистый мужчина в очках. Он толкнул меня на пол и сорвал с меня одежду. Я полностью замерла от страха, пока он изнасиловал меня. Я не могла дать ему отпор, так как он был намного крупнее меня. Он закончил то, что делал, и ушел».

«Прежде чем я успела осознать произошедшее, вошел другой мужчина. Он прижал мои плечи к полу, пока вводил свой член в меня. Меня непрерывно насиловали одни и те же четверо мужчин в течение двух дней. Это казалось вечностью. Они заставляли нас принимать душ и наблюдали за нами в это время. В тот момент я была в полном недоумении, почему они так поступали?»

«После этих событий мне назначили снотворные препараты, которые оказались неэффективными. Также мне назначили препараты для лечения биполярного расстройства, однако это не улучшило мое состояние. Ни в один из моментов мне не была предложена последовательная или надлежащая эмоциональная или психологическая поддержка. Мой приемный родитель организовал для меня сеансы арт-терапии, но я не чувствовала, что они приносят пользу».

«Я почувствовала, что система меня серьезно подвела. Ни один специалист не предпринял никаких значимых усилий, чтобы поговорить со мной о пережитом после инцидента. Мой социальный работник приходил только для рутинных ежемесячных визитов, и никакой дополнительной поддержки предоставлено не было».

«Примерно через три года мой приемный родитель получил телефонный звонок, в котором сообщили, что дело было прекращено из-за отсутствия доказательств. Мне было крайне трудно это понять, особенно учитывая, что я опознала четырех лиц, причастных к совершенным в отношении меня преступлениям».

«На протяжении всего подросткового периода я продолжала бороться с эмоциональными и психологическими последствиями произошедшего. Мне было крайне трудно справляться с повседневными ситуациями, которые другие могут считать нормальными. Даже сейчас, в возрасте 26 лет, я продолжаю испытывать постоянные трудности, включая дистресс, вызванный определенными запахами, звуками или обстановкой, которые возвращают воспоминания о тех событиях».

«Я пыталась прибегнуть к различным формам консультирования и терапии; однако из-за отсутствия доверия к специалистам мне было трудно полностью включиться в процесс, и эти меры не увенчались успехом».

«Я хочу прояснить долгосрочное воздействие, которое эти события оказали на мою жизнь. Хотя я понимаю, что некоторые аспекты этого заявления могут выходить за рамки непосредственных фактов инцидента, я считаю важным объяснить стойкие последствия. Травма, которую я перенесла, была значительной, и я также чувствую, что реакция задействованных специалистов сделала ситуацию более трудной, чем она должна была быть».

«Я чувствую, что полиция Южного Йоркшира и социальные службы в районе Ротерема меня подвели. Это до сих пор оказывает на меня глубокое влияние, и я продолжаю размышлять о том, что другие могли пережить подобное».

Приложение II – Цитаты пострадавших

В ходе слушаний пострадавшие предоставили разоблачающие и мучительные показания. Ниже приведен пример некоторых цитат, прозвучавших в ходе Расследования.

«[Член банды насильников] играл запутанную двойственную роль: он подбирал девушек для мужчин, но в то же время выступал в роли защитника. Он покупал мне телефоны, напитки и заставлял меня чувствовать себя особенной. Я доверяла ему. Позже в ту ночь, после того как [он] напал на меня, [он] нашел меня, купил мне еду и отвез домой. Я потеряла сознание и проснулась от того, что он тер своим пенисом мои губы».

«Однажды я пошла туда с [моей подругой]. Нам дали бутылки красного вина. После того как её заставили вступить в сексуальную связь с 15 или 20 мужчинами, [моей подруге] стало очень плохо от алкоголя. Я отвела её домой, чтобы её родители не увидели, в каком она была состоянии. Мои собственные родители вызвали полицию, но те не проявили интереса к расследованию произошедшего».

«Когда ресторан закрылся, он отвел меня туда, где хранились столы, и у нас был секс. Сразу после этого в помещение вошли все работники ресторана. [Член банды насильников] прижимал меня, пока каждый из них вступал со мной в сексуальную связь,

смеясь во время нападения. Позже, в машине, он оскорблял меня и называл унижительными словами, обвиняя меня в том, к чему он сам меня принудил».

«Однажды я проснулась и обнаружила, что [член банды насильников] и [другой член банды насильников] вступают со мной в сексуальную связь. Алкоголь стал моим способом справиться с этим. В школе сверстники насмехались надо мной и унижали меня. Наедине с собой я плакала, но в школе притворялась, что нахожу это смешным, даже отпуская грубые шутки, чтобы вписаться в компанию. Даже мои друзья верили, что я соглашалась».

«Это было жилье, предоставленное [члену банды насильников] в качестве временного жилья, так как он сообщил совету, что является бездомным. Эта квартира использовалась для того, чтобы приводить туда девушек для секса. Мы провели в этой квартире много ночей, выпивая алкоголь и играя в игру под названием „бутылочка“. Теперь я считаю, что мужчины манипулировали игрой так, что бутылка всегда останавливалась на мне. Часто в итоге я оказывалась сильно пьяной и обнаженной. В конце вечера других девушек отправляли домой, но меня оставляли и подвергали сексуальным действиям со стороны мужчин. Примерно в 5 утра меня отпускали домой, и я пробиралась в дом до того, как просыпались мои родители».

«Несмотря на всё это, власти относились ко мне так, будто я была виновата в происходящем. Я чувствовала себя совершенно бессильной, зажатой между жестокими преступниками и системой, которая не желала меня защищать».

«Был один мужчина из Бангладеш, от которого у меня двое детей, он проявлял физическую агрессию и, да, выбил мне зуб, понимаете, топтал меня по голове, и многое другое. Мне удалось сбежать от него, потому что, кажется, он угрожал сжечь мой дом».

«Это было почти так, будто они просто искали девушек, чтобы привести их на это свадебное торжество после того, как все разошлись по домам».

«Я слышала много историй от западных женщин о том, что их детей похитили и они больше их никогда не видели. Западные женщины, которые вышли замуж, уехали в [Ближний Восток], и их детей забрали».

«В каждом доме, где я была, были только белые девушки. И я имею в виду, я видела запертых девушек... Помню, как мужчина открыл заднюю часть фургона, и я увидела, может быть, 15, 20 девушек, запертых в собачьих клетках. Выглядели так, будто они под наркотиками».

«Но в возрасте, кажется, мне было 16 или 17 лет, мне сказали в клинике сексуального здоровья — меня обследовали, и мне поставили диагноз "поликистоз яичников". И они сказали, что шансы на то, что у меня когда-либо будет ребенок, очень, очень, очень малы. Из-за того, через что мне пришлось пройти. Они сказали, что из-за хламидиоза, из-за состояния моих яичников и из-за воспалительного заболевания органов малого таза, среда там, по сути, была настолько плохой, что ребенок, скорее всего, бы не удержался».

«[Мне] тошно от осознания того, что это всё еще продолжается. Что никто не хочет ничего с этим делать даже сейчас, в 2026 году. Мы всё еще ведем этот разговор. Мы всё еще пытаемся заставить людей говорить об этом».

«Они забирали мой паспорт, мои документы и удостоверение личности, и оформляли страховые выплаты по автомобильным авариям на мое имя, в которых я якобы участвовала. Я проходила медицинские осмотры, где должна была зайти и заявить, что у меня болит шея, и они получали за это деньги».

«Меня избивали постоянно, пока я находилась в [детском доме], очень много раз меня избивали за то, что я рассказывала полиции. Меня избивали до такой степени, что у меня случилась аневризма, у меня выпали волосы. Если не меня, то кого-то другого».

Член комиссии по расследованию: «В этот момент вам было 15 лет?»

Пострадавшая от действий банды насильников: «Да. Тот, что на фотографии в кожаной куртке. Это он лишил меня девственности».

Член комиссии: «Сколько ему было лет?»

Пострадавшая: «На тот момент около 33».

«Я сталкивалась с ответными мерами и враждебностью в рамках своих профессиональных обязанностей, когда выражала обеспокоенность. Меня предостерегали от публичных выступлений и говорили, что это может привести к дисциплинарным взысканиям или увольнению».

«Девушка, которая привела меня туда, отвела меня в ванную и сказала побриться. Затем она сказала мне, что нас продают мужчинам для секса. Заранее я об этом не знала. Я не хотела в этом участвовать, но мне было страшно, я чувствовала себя в ловушке и подчинилась из страха. Я не могу подробно описать, что произошло в спальне. Я подверглась сексуальной эксплуатации и насилию со стороны взрослого мужчины. После этого нас заставили спать в маленькой детской кроватке, принадлежавшей малышу».

Пострадавшая от действий банды насильников: «Я напрямую сообщила сотрудникам [детского дома] о том, что со мной происходило, включая сексуальную эксплуатацию, неоднократные поездки в квартиры, участие взрослых мужчин, обмен деньгами и причины моей стремительной и опасной потери веса. Я объяснила, что мне было страшно и я чувствовала себя в ловушке. Мне сказали слова в том смысле, что это не является торговлей людьми, что мне уже больше 16 и что происходящее — это вопрос „выбора“. На том этапе в полицию не обращались, и никаких незамедлительных мер по моей защите принято не было».

«И вот [член банды насильников] такой: "Хочешь меня поцеловать?". А я такая: "Нет, не особо". Он такой: "Ладно, хорошо, тогда займемся сексом". А я такая: "Нет". Я сказала: "У меня месячные". Это было первое, что пришло мне в голову, хотя это было не так. Но это было моим первым оправданием. Он такой: "О, ничего, это неважно". И я такая: "Нет, нет,

нет", отталкивала его. И он потянул мои ноги вперед, так что я оказалась почти в разложенном состоянии, как бы полулежа. И он толкнул меня назад. И он стянул с меня штаны, залез на меня сверху и изнасиловал меня. И я говорила "нет", я одновременно брыкалась. Мне было 12 лет. Этот парень, чтобы я выразилась ясно, был пойман и предстал перед судом. Его дело было пересмотрено, и он вышел сухим из воды. Сейчас он разгуливает по улицам».

«Они сигналили автомобильным клаксоном, а затем ребенка выводили к передней двери [сотрудником детского дома]».

Член комиссии по расследованию: «Были ли какие-либо другие предметы, которыми вас насиловали?»

Пострадавшая от банды насильников: «Бутылки из-под Соса-Cola. Ключи, почему-то. Кто-то пытался засунуть туда бейсбольную биту».

Член комиссии: «Как вы считаете, они делали это для получения сексуального удовлетворения?»

Пострадавшая: «Речь о причинении вреда. Им плевать. Им плевать на тебя. Обычно они пытаются делать такие вещи после того, как закончат с сексуальной частью, которую хотели сделать. Как только они закончили — всё. Они могут делать с тобой всё, что захотят. Так это выглядело».

«Я помню, как мой социальный работник впервые отвела меня в клинику сексуального здоровья. Она привела меня туда, и выяснилось, что у меня хламидиоз в горле и во влагалище. И в то же время у меня была гонорея. Одновременно с этим мне диагностировали генитальные кондиломы. А затем, через несколько месяцев, меня снова отвели туда. Мне снова диагностировали хламидиоз, снова гонорею, но на этот раз также воспалительное заболевание органов малого таза. Ни одна медсестра или врач ни разу не задали об этом никаких вопросов».

«Там был круг граждан [Пакистана], они указывали на детей, как будто выбирали их».

Член комиссии по расследованию: «Когда вас выбрали, что произошло?»

Пострадавший: «Сотрудники-мужчины [в детском доме] постоянно водили детей в игровой зал, и они были одеты в красивую одежду».

Член комиссии: «То есть вы утверждаете, что сотрудники детского дома продавали вас этим иностранцам?»

Пострадавший: «Да, это выглядело именно так, что-то было организовано, они знали имена детей, они все толпились в такси, стоявших друг за другом».

«Да. Множество раз. Они, типа, рассказывали мне вещи про доброго ангела и злого ангела, что я, типа, был одержим. И что они должны наказать меня, чтобы изгнать из меня зло. Вот почему они должны насиловать меня и делать со мной всё это, чтобы изгнать из меня

зло. Меня должны наказать. Да. И всё в таком духе. Слова, которые они вам говорят: вы — «гора» (урду), типа „белый мусор“ и „белая кожа“».

«Когда мне было 15, меня переправили в Бирмингем. Я зашла в ванную в квартире, и там в ванне лежала мертвая девочка».

«Мне сказала [член банды, женщина], чтобы я набрала больше веса, она сказала, что сомалийские мужчины любят крупных женщин, мне нужно было больше есть, и она пыталась меня накормить».

«Я зашла в квартиру, ожидая домашнюю вечеринку. Вместо этого я увидела квартиру кремового цвета, которая очень приятно пахла, очень спокойная обстановка. Фотографии детей, ребенка, маленькой девочки на стене, и шестеро сомалийцев в гостиной, сидящих вокруг кофейного столика и что-то жующих».

«Я не хотела этого делать. Я вышла покурить к этому окну, и один из мужчин подошел ко мне, положил руку мне на горло, рядом с окном, и говорит: „нет, ты должна это сделать, ты должна это сделать“. И я подумала: если я не сделаю то, что мне велят, я выпрыгну из этого гребаного окна. Поэтому я сделала».

«Меня даже просили выйти замуж за кого-то из Пакистана за деньги. С ними не обязательно спать, если не хочешь, но если хочешь быть с ними, то можешь, и всё в таком духе».

«Он потушил сигарету о лицо ребенка»

«Я помню, как закрывала глаза, а потом время от времени подглядывала, и всё, что я помню, — это его лицо, ну, знаете, когда кто-то, типа, действительно, типа, пытается силой, типа, впихнуть это. А потом, когда он это сделал, я просто помню, что мне было очень больно и у меня было сильное кровотечение. Я прямо очень-очень сильное».

«Нам давали абсент, водку и, типа, безалкогольный напиток, чтобы смешивать. Нам давали буквально один из самых крепких видов алкоголя, и это не было случайностью. Это было нужно для того, чтобы эксплуатировать нас самыми ужасными способами, которые только возможны по отношению к ребенку».

«Я выросла в семье среднего класса с двумя родителями, которые были в браке довольно долго, и я думаю, что это довольно важно, потому что чаще всего бытует мнение, что жертвами банд груминга становятся дети из приютов, беглецы или выходцы из низших социальных слоев; и я говорю это, чтобы просто опровергнуть предположение, что грумингу может подвергнуться только уязвимая или стереотипно уязвимая девочка, потому что преступники коварны и они выберут любую цель, они найдут слабость или уязвимость где угодно».

«Это случилось летом 2017 года. Мне было около 14 лет, когда я впервые встретила вторую группу преступников. Я познакомилась с ними через другую подругу, которую они активно подвергали грумингу, типа, очень жестко. В первый раз мы встретились с ними в

парке, который сейчас является огромным очагом сексуальной эксплуатации детей. Теперь там это случилось с сотнями девочек».

«Они сказали, что собираются напасть на дом [моей подруги], а у неё было двое маленьких братьев и сестер, и её мама тоже была довольно уязвимой. Так что для неё это было чем-то огромным: „Боже мой, я должна ехать с ними, потому что если я этого не сделаю, это произойдет“. И это из разряда вещей, в которые, ну, поверил бы ребенок, но, скорее всего, они бы действительно так и поступили. Они были абсолютно безумны, и они были известны насилием в отношении женщин».

«Это было действительно довольно жестокое сексуальное насилие. Он впивался в меня ногтями, и мне казалось, что он не получал от этого никакого реального удовольствия. Это был просто контроль и, по сути, осуществление власти над кем-то, кто явно уязвим, и демонстрация: „Ты у меня в руках“».

«Во время вынесения приговора она сидела позади нас, прямо за нами в галерее для публики. На протяжении всего процесса вынесения приговора она постоянно выкрикивала: „гребаные лгуньи, лживые белые суки“. Она сама была белой женщиной, которая, как я полагаю, могла подвергнуться грумингу и теперь, очевидно, вошла в семью через брак, выкрикивая в наш адрес ругательства. Она сказала мне, что Бог будет свидетелем того, что со мной случится».

«В прошлый раз полиция ничего не предприняла. Я сказала им, что это было, по сути, принуждением. А они ухмыльнулись мне в моем собственном доме и ушли. Так что, я имею в виду... не было никаких оснований полагать, что в этот раз они поступят иначе, что они действительно нас поддержат».

«Я хочу, чтобы институты сказали: „Знаете что, мы признаем свои ошибки“. „Мы верим вам, и нам жаль“. Я давно перестала надеяться на правосудие, но просто чтобы это было признано и в это поверили — вот и всё, чего я хочу. Когда тебе так долго говорят, что ты лгунья, ты, полагаю, начинаешь в это верить. Я просто хочу, чтобы кто-то сказал: „Знаете что? Мы облажались. Мы не выполнили свой долг по вашей защите. И нам жаль. И мы извлечем из этого урок“».

«Одно из нападений, которые на самом деле произошли с моей подругой: она была в том доме, и её принудила к этому 24-летняя женщина, которая сказала: "иди в комнату к нему и трахайся с ним сейчас же. Иди и, блядь, сделай это". И я помню её громкий крик, как она бежала обратно полураздетая и говорила, что у неё кровь и ей больно».

«Худшие люди в этой ситуации, не считая виновников этого ужасающего насилия, — это люди, занимавшие посты в тех органах власти, у которых были все возможности что-то с этим сделать, но они предпочли этого не делать. И когда это происходит на протяжении нескольких десятилетий, это приводит к подобным ситуациям. Именно так это и процветало. Именно так эта культура — так она родилась, так она процветала, так она выживает и так она будет продолжаться».

«Это началось, когда мне было 13 лет, [меня изнасиловали], вероятно, около шестисот или семисот разных мужчин за три года».

Член комиссии по расследованию: «Играла ли NHS какую-то роль и была ли у вас возможность поговорить с ними?»

Пострадавшая от действий банд насильников: «Я пришла туда в 13 лет с хламидиозом, затем у меня появились генитальные герпес, а затем случился выкидыш. И всё это произошло в период с 13 до 15 лет. Так что они знали, что что-то происходит. Я однажды пришла и спросила врача: "можете ли вы дать мне какие-нибудь антидепрессанты или что-то в этом роде?". И врач сказал: "ну, я не думаю, что это достаточное основание, чтобы назначать их вам, когда вы слишком молоды". NHS является соучастником».

Пострадавшая от действий банд насильников: «[Банды] неприкасаемы. Это так. Потому что никто не хочет признавать, что существует проблема, так как они не хотят, чтобы их сочли расистами. А также потому, что это доходит до самых верхов, и они не хотят, чтобы всё это всплыло».

«Они сказали, что хотят забрать меня с собой, чтобы познакомиться с их семьями. Так что, к счастью, у меня не было паспорта, иначе я, возможно, не сидела бы сейчас здесь».

Член комиссии по расследованию: «Имамы, которые управляют мечетью, как вы считаете, они в курсе?»

Пострадавшая от действий банды насильников: «Они знают, на все 100%, потому что моя подруга, когда ей было 15, спала с парнем, который был старше. От него у неё родился ребёнок, а его отец был имамом. Его отец знал. И он же устроил сыну свадьбу и сказал, что тому запрещено видеть ребёнка. Они прикрывают своих».

«Я помню, как была со своей подругой, она жила в детском доме. И они приходили и забирали нас снаружи. А затем из приюта звонили в полицию и, разумеется, сообщали им. Затем приезжала полиция, и они называли нас проститутками. Я не думаю, что службы, даже вплоть до социальных служб, действительно беспокоились. Думаю, они считали так же, как и большинство людей: что мы были проститутками и что мы сами этого хотели. Не думаю, что они видели ситуацию такой, какая она была на самом деле — что это был груминг и изнасилование. Они винили в этом нас. Мол, это был наш выбор».

«Это было не только изнасилование. Было ещё и насилие. Мне приставляли пистолет к голове. Меня избивали так, что я была буквально покрыта синяками с головы до ног. Это было, когда мне что-то подсыпали, когда меня опоили наркотиками. Мне приставляли нож к горлу, потому что он хотел, чтобы я „разрулила“ 10, 15 машин, полных мужчин. Меня похищали. Я не думаю, что люди осознают; мне кажется, они думают, что это было только изнасилование, но это были ещё и пытки. Меня похищали и запирали в комнате. Меня избивали. Мне говорили, что если я этого не сделаю, то домой не вернусь. Так что это было гораздо больше, чем просто изнасилование».

«Меня избивали до синяков, насиловали. Не только сексуально, их телами, но и предметами. Был случай — меня отвезли в больницу. Это даже не отражено в моей медицинской карте. Меня доставили в отделение неотложной помощи, потому что мое влагалище было разорвано стеклянной бутылкой».

«Я просто хочу, чтобы это прекратилось и не случилось ни с какими другими детьми, и чтобы люди наконец начали действовать, что-то предприняли и перестали так бояться».

Член комиссии по расследованию: «Как вы думаете, сколько разных мужчин насиловали вас в тот период, когда вам было 16?»

Жертва банд насильников: «Около 100».

Член комиссии: «Когда вам было 16 лет?»

Жертва: «Да».

Жертва банд насильников: «Все становилось всё хуже и хуже. Бесконечные телефонные звонки. Все знали, кто я. Я не могла пройти по улице, чтобы не подъехали машины и не сказали: „садись сейчас же“».

Член комиссии по расследованию: «И что происходило, когда вы садились в машину?»

Жертва: «Они просто увозили нас в какой-нибудь дом или куда-то еще, и вот тогда случалось всё самое плохое».

Член комиссии: «Вас насиловали?»

Жертва: «Да. Они не принимали отказа. Это происходило ежедневно. Это было так: вы находитесь в одной машине, и тут поступает звонок: „лучше приди и встретиться со мной сейчас“. И вы выходите из одной машины, садитесь в следующую, потом в следующую, так что за одну ночь могло быть около десяти».

Член комиссии по расследованию: «Вы сказали, около 100 мужчин. Каких они были рас?»

Жертва банд насильников: «Преимущественно пакистанцы».

Член комиссии: «Были ли там белые мужчины?»

Пострадавшая: «Нет».

Член комиссии: «Говорили ли они когда-нибудь о религии?»

Пострадавшая: «Да. Много раз. Они, типа, рассказывали мне вещи про доброго ангела и злого ангела, что я, типа, была чем-то одержима. И что они должны наказать меня, чтобы изгнать из меня зло. Вот почему они должны изнасиловать меня и делать со мной всё это, чтобы изгнать из меня зло. Меня должны наказать. Да. И всё в таком духе. Слова, которые они тебе говорят, ты — „гора“, типа белое отребье и белая кожа».

«Такси высаживали девушку, они заходили в магазин, такси уезжало, завершалось заказ, а затем подъезжало другое такси. Девушки наполовину пьяны, они просто садятся в такси, думая, что это то же самое, а затем их увозят в места, чтобы их изнасиловали. И там был чат, был групповой чат для всех водителей, так что они все общались друг с другом. В основном мусульманские таксисты».

«Я на самом деле была замужем за азиатом и полностью приняла веру. Через имама. Имам приходил ко мне домой. Я полностью приняла веру».

«Я услышала, как сработала рация [полицейского], и услышала, как они сказали, что везут [мою дочь] по адресу брата Мохаммеда. Я умоляла их не везти её туда. Я говорила: это те люди, которые это с ней делают. Вы не можете везти её туда. Они её убьют. Потому что я действительно верила, что они так и сделают. И они меня не послушали. Они всё равно повезли её туда. И, как я уже сказала, она подверглась там насилию с их стороны, со стороны Мохаммеда».

«Я помню, как закрывала глаза, а затем время от времени подглядывала, и всё, что я помню, это его лицо, ну, знаете, когда кто-то, типа, действительно, типа, пытается впихнуть, типа, ввести это силой. А затем, когда он это сделал, я просто помню, что была в сильной боли и очень сильно кровоточила. Я действительно, очень сильно кровоточила».

Мать выжившей в нападении банды насильников: «Нам пришлось защитить наш почтовый ящик от зажигательных смесей, потому что нам угрожали сжечь дом. Ей угрожали перерезать горло. Мне угрожали перерезать горло. Это продолжается на протяжении четырех лет, постоянно».

Отец выжившей в нападении банды насильников: «К этому моменту ее уже изнасиловала банда, и большинство членов банды учились в [ее] школе».

Приложение III – Институциональные провалы

Полиция и правосудие

Полицейские управления по всей стране игнорировали неоднократные сообщения об изнасилованиях, незаконном лишении свободы и эксплуатации. Офицеры часто прибывали на вызовы об исчезновении детей со значительным опозданием, после чего отказывались брать показания у потерпевших и закрывали дела без проведения расследования. Девушек часто арестовывали за хулиганство в состоянии алкогольного опьянения, которое следовало за нападениями членов банды. Условия залога заставляли замолчать информаторов, в то время как к известным преступникам не применялось никаких условий или надзора. Открыто практиковалась «двухуровневая» полицейская деятельность: управления уступали угрозам беспорядков со стороны определенных общин, фабриковали обвинения против критиков и позволяли офицерам, связанным с бандами, уходить на пенсию с выплатами.

Данные большинства свидетельских показаний свидетельствуют о том, что полицейские управления по всей Англии и Шотландии знали об организованном груминге и

изнасиловании детей, однако неоднократно не могли защитить жертв, расследовать действия преступников или действовать на основе четких разведанных. Офицеры препятствовали подаче заявлений, криминализировали жертв, уничтожали или игнорировали улики и позволяли преступникам оставаться на свободе. Имеются также тревожные свидетельства того, что действующие сотрудники полиции были активными членами банд насильников, в то время как другие прилагали особые усилия для защиты этих банд. Это не было единичной ошибкой. Это носило системный характер в нескольких управлениях и продолжалось десятилетиями. Ниже приведена малая часть инцидентов, о которых стало известно Комиссии.

Полиция Уэст-Мидлендса

Полиция Уэст-Мидлендса подвела [Данные удалены]. Офицер [Данные удалены] принимал непосредственное участие в первых эпизодах исчезновения. Несмотря на серьезные сообщения о том, что ребенка забрали мальчики старшего возраста, ни от матери, ни от ребенка не были взяты письменные показания. Дело так и не было расследовано должным образом. Офицеры выезжали на вызовы в связи с исчезновением, но прибывали в течение от двух до четырех часов. Реакция была охарактеризована как совершенно неадекватная. Полиция закрывала дела без принятия мер по обеспечению безопасности, даже когда мать прямо заявляла, что ее ребенок подвергается сексуальной эксплуатации.

Полиция Большого Манчестера (включая Теймсайд)

Полиция Большого Манчестера неоднократно подвела [Данные удалены]. Констебль [Данные удалены], впоследствии уволенный, присутствовал на межведомственном совещании и кричал на [Данные удалены], требуя прекратить подавать заявления о пропаже его дочери. Он сделал это в присутствии специалистов. Офицеры группы по поиску пропавших из дома часто не перезванивали. На записях с камер видеонаблюдения зафиксировано, как офицеры обсуждали, чтобы не будить отца, когда они прибыли в 3 часа утра. Полиция не обеспечила соблюдение условий залога в отношении известного насильника, который немедленно позвонил дочери [Данные удалены] и угрожал ей убийством. Пособники преступника пришли к дому семьи, а реакция полиции была запоздалой и пренебрежительной. Дочь [Данные удалены] неоднократно оставалась в компании грумеров. Полиция относилась к [Данные удалены] как к причине проблемы, а не как к добросовестному родителю, пытающемуся защитить своего ребенка.

Полиция Западного Йоркшира

Полиция Западного Йоркшира подвела многих потерпевших, включая [Данные удалены]. В деле [Данные удалены] ведомство закрыло раннее заявление о зарегистрированном сексуальном насилии над 13-летним ребенком без проведения расследования по факту создания или распространения материалов с сексуальным насилием над детьми. В деле [Данные удалены] сотрудники полиции регулярно забирали ребенка из автомобилей, в которых находились взрослые мужчины, но позволяли мужчинам уезжать без каких-либо расспросов. В деле [Данные удалены] сотрудники [Данные удалены] и [Данные удалены],

помимо прочих, не приняли мер на основании обширных журналов слежки, угроз и доказательств деятельности банд груминга. Ведомство неоднократно преуменьшало значимость полученных сообщений, теряло улики и относилось к потерпевшим как к недостоверным источникам. Среди сотрудников, названных в заявлении [Данные удалены], значатся те, кто игнорировал многолетние преследования и не смог связать дела между собой.

Полиция Южного Йоркшира

Полиция Южного Йоркшира оказывала давление на Томми Робинсона, проводя ранние рейды по домам его семьи и устанавливая условия залога. Робинсон до сегодняшнего дня подозревает, что ведомство часто подбирало время своих действий против него таким образом, чтобы сорвать законные протесты. Утверждается, что сотрудник полиции Южного Йоркшира, констебль Хассан Али, заключил «сделку о непривлечении к ответственности» с насильником над детьми Аршидом Хуссейном. Согласно условиям сделки, Хуссейн передал пропавшую несовершеннолетнюю девушку полиции на заправочной станции в обмен на то, чтобы его не арестовывали и не привлекали к ответственности за ее похищение.⁶⁷ Ведомство неоднократно связывают с тем, что оно заранее знало о бандах насильников, по крайней мере, начиная с дела Сэмми Вудхауса в 1999 году, однако никакой защиты предоставлено не было. Сотрудники полиции препятствовали подаче заявлений о пропаже без вести и защищали преступников.

67 См. «Водителю могут быть предъявлены обвинения в связи с гибелью констебля в ДТП, связанной со скандалом о груминге в Потереме» (Driver may face charges over crash death of PC linked to Rotherham grooming scandal), The Yorkshire Post, 10 марта 2016 г.

Полиция Мерсиса

Полиция Мерсиса подвела дочь [Данные удалены] и её семью. Детектив-констебль [Данные удалены] и констебль [Данные удалены] отговаривали 12-летнюю жертву изнасилования добиваться справедливости. Они акцентировали внимание на бумажной волоките, задержках и формулировке «её слово против его слова» в качестве причин для отказа от судебного преследования. Справедливость для 12-летней девочки, подвергшейся изнасилованию, была сочтена слишком трудоемким процессом. Это привело к тому, что её дочь отозвала свою жалобу. Ведомство не отреагировало на видеодоказательства нападения, угроз и продолжающегося преследования. После смерти её дочери семья столкнулась с дальнейшим запугиванием при неадекватной защите со стороны полиции.

Полиция Шотландии

Полиция Шотландии потерпела неудачу в деле [Данные удалены]. Детектив-констебль [Данные удалены] получил обширные цифровые доказательства от гражданского специалиста [Данные удалены], свидетельствующие о том, что мужчина, рекламирующий себя как репетитор по Корану, занимался грумингом ребенка. Несмотря на доказательства, [Данные удалены] уехал за границу, затем вернулся и продолжал свою деятельность, находясь под следствием. В ведомстве наблюдаются системные сбои в данных,

отсутствует специальный маркер для групповой сексуальной эксплуатации детей и наблюдается непоследовательная регистрация данных об этнической принадлежности. Это препятствует надлежащему пониманию и ликвидации сетей.

Столичная полиция

Столичная полиция подвела [Данные удалены]. Сотрудники полиции прибыли по адресу после её сообщения о принудительном сексуальном насилии над 13-летней, которое было зафиксировано на видео, однако не предприняли никаких дальнейших действий и закрыли дело без какого-либо расследования в отношении записи или её распространения. Позже сотрудники ведомства предположительно применили насилие в отношении [Данные удалены], когда она была обездвижена во время ареста.

Службы NHS

Национальная служба здравоохранения (NHS), включая её группы по охране психического здоровья, клиники сексуального здоровья, больницы, врачей общей практики и отделения неотложной помощи, неоднократно не обеспечивала безопасность детей, которые обращались с явными физическими травмами, повторяющимися ИППП, попытками самоубийства, самоповреждениями и сообщениями об изнасиловании. Персонал фиксировал доказательства, оказывал помощь, купировали симптомы и выписали детей обратно в руки их обидчиков, не запустив процедуры по обеспечению безопасности, не направив их к профильным специалистам и не обеспечив помощь при травме. Это не было случайным упущением. Это была систематическая практика во многих регионах и службах.

Больницы фиксировали физические повреждения, характерные для сексуального насилия, однако не предпринимали никаких защитных мер и отправляли детей домой в тот же вечер. СДВГ, аутизм и зависимость, напрямую связанные с эксплуатацией, лечились исключительно по симптомам, без установления связи с грумингом. Быстрая выписка возвращала травмированных детей в среду, где насилие продолжалось. Физический и психологический вред от неоднократных изнасилований оставался без внимания, в результате чего пострадавшие по всей стране оставались без скоординированной медицинской или психиатрической помощи.

Помимо хронического отсутствия профессиональной внимательности, должностные лица в структуре NHS также продемонстрировали отсутствие совместной межведомственной и мультидисциплинарной координации. Вместо этого службы NHS имели тенденцию работать изолированно в рамках своих подразделений, так что службы физического здоровья — отделения неотложной помощи (A&E), клиники сексуального здоровья и тому подобные — во многих случаях не взаимодействовали и не обменивались информацией со службами охраны психического здоровья.

Службы сексуального здоровья NHS (Западный Йоркшир)

Службы сексуального здоровья NHS лечили [Данные удалены] от нескольких инфекций, передающихся половым путем, включая гонорею и хламидиоз, когда ей было всего 13 лет.

Клиники диагностировали заболевание и назначили лечение, но так и не запустили процедуры по обеспечению безопасности и не сообщили о том, что ребенок подвергался неоднократным изнасилованиям со стороны взрослых мужчин. Направление в службу защиты детей не было оформлено. Служба рассматривала инфекции как медицинскую проблему, а не как свидетельство организованного изнасилования ребенка.

Доктор [Данные удалены] (врач общей практики, район Телфорд)

Врач общей практики, принимал [Данные удалены] с явными признаками сексуальной эксплуатации, включая травмы и поведенческие изменения, характерные для неоднократного изнасилования. Доктор [Данные удалены] не задал вопросы по обеспечению безопасности (safeguarding), не направил пациента на дальнейшее обследование и не обеспечил защиту ребенка, несмотря на очевидные тревожные признаки («красные флаги»).

Медицинские работники — врачи общей практики, хирурги и консультанты (лечащие группы [Данные удалены])

Врачи общей практики, хирурги и консультанты неоднократно фиксировали физические доказательства сексуального насилия в отношении [Данные удалены] с младенчества: сыпь в области гениталий, проблемы с кишечником, инвазивное лечение, а позже — тяжелые травмы в результате крайнего насилия (анальное изнасилование, проникновение предметами, удушение, укусы и порезы). Эти специалисты приписывали травмы психологическим причинам, проводили неоднократные инвазивные обследования без принятия мер по обеспечению безопасности и не обеспечили ее защиту.

Больничные и психиатрические службы (несколько жертв, включая [Данные удалены] и других)

Персонал больниц в нескольких регионах выписывал детей после серьезных попыток самоубийства, передозировок и членовредительства, требовавшего наложения швов, без проведения оценки безопасности или разработки планов защиты. В случае [Данные удалены] психиатрическое задержание и госпитализация произошли в состоянии сильного воздействия медикаментов; допросы полиции проводились в этом состоянии без поддержки специалистов по работе с травмой. Были зафиксированы физические травмы, характерные для сексуального насилия, однако никаких защитных мер принято не было. Детей отправляли домой в ту же ночь.

CAMHS и службы связи (лечащие группы [Данные удалены])

Специалист Службы психического здоровья детей и подростков (CAMHS) [Данные удалены] и связанные с ней службы представили сообщения [Данные удалены] об организованной торговле людьми, изнасилованиях на камеру, шантаже и крайнем насилии («красные комнаты») как проблемы с психическим здоровьем, а не как организованную преступность. После этих сообщений не последовало ни передачи дела на уровень защиты, ни начала расследования.

Социальная опека

Детские дома стали центрами торговли людьми, где персонал не предпринимал мер, чтобы остановить взрослых мужчин, забирающих девочек по ночам. Местные органы власти часто возвращали детей в небезопасные дома и места размещения, несмотря на неоднократные сообщения о груминге.

Социальные работники игнорировали опасения родителей, подрывали родительский авторитет в присутствии детей, закрывали дела без принятия мер и считали своей задачей замену самих родителей. Дети, находящиеся на долгосрочном попечении, неоднократно перемещались 207 между местами размещения, что подвергало их дальнейшему насилию. Дети не получали долгосрочной поддержки по преодолению травм после изъятия из семей. Государство систематически подводило самых уязвимых и создавало условия для деятельности банд внутри системы опеки.

Система социальной опеки по всей Англии систематически способствовала организованному грумингу и изнасилованиям детей. Службы по делам детей, местные органы власти, приемные родители, детские дома и независимые учреждения неоднократно возвращали уязвимых детей в условия известного риска.

Уязвимые молодые люди, которые уже подверглись грумингу, помещались в учреждения, которые были известны как центры для банд насильников. Это не было единичной ошибкой. Это была общенациональная проблема и практика, продолжавшаяся десятилетиями.

По данным Национального аудиторского управления, средняя стоимость содержания ребенка в детском доме составляет 318 000 фунтов стерлингов в год. *68 Обучение ребенка в Итоне обходится в 63 000 фунтов стерлингов в год. Провалы в системе социальной опеки обусловлены не отсутствием финансовых ресурсов, а имеют полное отношение к идеологии, которая пропитала нашу культуру, как обсуждалось ранее в этом отчете.

[Данные удалены] муниципальный совет столичного округа

Один муниципальный совет столичного округа подвел каждого ребенка, находящегося под опекой в его полунезависимых учреждениях. Социальный работник, выступивший в роли осведомителя, официально сообщила о финансовом злоупотреблении в отношении лиц, выходящих из системы опеки, нецелевом использовании государственных средств, незаконных санкциях, незаконных выселениях, расизме в отношении детей, находящихся под опекой, и системных сбоях в обеспечении защиты от сексуальной и криминальной эксплуатации. Высокопоставленные должностные лица [Данные удалены] (Менеджер службы по переходу из системы опеки), [Данные удалены] (Временно исполняющий обязанности директора по социальному обеспечению детей и ранней помощи), [Данные удалены] (Главный исполнительный директор), [Данные удалены] (Лидер) и [Данные удалены] (Глава корпоративного управления) признали опасения обоснованными, однако не провели надлежащего расследования. [Данные удалены] (Глава отдела по борьбе с мошенничеством) и [Данные удалены] (Менеджер группы по борьбе с мошенничеством)

подтвердили, что записи были уничтожены (в учреждениях были закуплены шредеры). Совет счел сообщение о нарушениях «рассмотренным» без проведения интервью с ней и предпринял ответные меры в виде отстранения от работы и изоляции.

68. См. Национальное аудиторское управление, «Правительству необходим более эффективный надзор для устранения рыночных сбоя в сфере стационарного ухода за детьми», 12 сентября 2025 г.

Дети оставались в небезопасных условиях размещения, и уровень рисков рос. Последующих мер по исправлению ситуации принято не было.

Служба по делам детей Теймсайда (Большой Манчестер)

Служба по делам детей Теймсайда подорвала родительский авторитет Марлона и подвергла его дочь опасности. Социальный работник в частном порядке признал провалы в обеспечении безопасности, однако служба сообщила дочери Марлона, что она может покинуть дом и связаться с властями, если её отец попытается ей помешать. Сотрудники службы Edge of Care вернули её именно на ту ферму, где она была изнасилована, уничтожая криминалистические улики. После того как насильник, находившийся под залогом, угрожал её жизни, никаких мер защиты предпринято не было. В деле дочери Марлона старший социальный работник [Данные удалены] ввел Гарантии ограничения свободы (Deprivation of Liberty Safeguards), ограничил контакты с семьей, проигнорировал сообщения о происшествиях и искажил записи в документах. Агентский социальный работник [Данные удалены] подписал отчеты, которые, как полагают, были составлены [Данные удалены]. Социальный работник [Данные удалены] не сообщил об изнасиловании дочери Марлона и, что непостижимо, вернул её на место преступления. Служба расценила защищающего дочь отца как проблему и подвергла ребенка дальнейшему грумингу в приемных учреждениях, где персонал состоял исключительно из мужчин-мусульман, что сопровождалось расистскими и экстремистскими издевательствами.

Социальные службы [Данные удалены]

Социальные службы Вулверхэмптона подвели [Данные удалены] и её дочь. Социальный работник [Данные удалены] неоднократно получал сообщения о присутствии взрослых мужчин с ребенком, однако не предпринял никаких действий. Служба отклонила запросы о переезде, понизила уровни риска и закрыла дело, несмотря на прямые заявления о том, что ребенок подвергался сексуальной эксплуатации. Собственная история груминга [Данные удалены] в детстве была использована для того, чтобы возложить на неё вину как на родителя. Позже NRM (Национальный механизм перенаправления) признал ребенка жертвой торговли людьми, не уведомив об этом мать.

[Отредактировано] Совет / [Отредактировано] Службы

[Отредактировано] Совет и [Отредактировано] Социальные службы изъяли [Отредактировано] и её братьев и сестер из любящей семьи и поместили на попечение, где насилие было еще более жестоким. Социальный работник [Отредактировано] подверг сексуальному насилию сестру [Отредактировано], а позже женился на ней. Социальный

работник [Отредактировано] был вынужден участвовать в создании вымышленной истории с целью скрыть факт насилия. Приемный родитель [Отредактировано] эксплуатировал [Отредактировано] в качестве рабочей силы и изолировал её. Руководство детского дома [Отредактировано] (персонал, включая [Отредактировано], и управляющий [Отредактировано] физически и сексуально подвергали детей насилию, передавали их водителям такси для внешней эксплуатации и скрывали это. Записи замалчивались на протяжении почти 40 лет. Операция «Мармион» была свернута на уровне высшего руководства, и никто не был привлечен к ответственности.

(Данные удалены) Социальные службы

Отредактированные социальные службы подвели Отредактированную. Служба преуменьшала значимость заявлений о принудительном переходе в ислам, принудительном исламском браке, коэрцитивном контроле и угрозах, сформулированных в религиозных терминах, с целью изъятия у неё ребенка. Они рассматривали насилие с религиозной мотивацией как «культурную» проблему или проблему «отношений» и принимали решения, которые привели к отчуждению родителей.

(Данные удалены) учреждение размещения (Лондон)

Персонал учреждения (якобы детского дома с высоким уровнем поддержки и системой видеонаблюдения) отклонил заявления Отредактированной о торговле людьми в целях передачи взрослым мужчинам в квартирах Хаунслоу, расценив это как «выбор», а не как эксплуатацию. Они не поверили сообщению другого резидента о похищении и изнасиловании. Записи из учреждения размещения отсутствуют или уничтожены.

Социальные службы в деле (данные удалены) (Западный Йоркшир)

Социальные службы знали, что Отредактированная общается с взрослыми мужчинами из Южной Азии и подвергается изнасилованиям, однако расценивали это как «рискованное поведение» или «выбор образа жизни». Они сосредоточились на контрацепции и проверках сексуального здоровья, вместо того чтобы признать факт статутного изнасилования. Приемные семьи не смогли защитить её, и насилие продолжилось.

Отредактированные социальные службы в деле Отредактированной

Социальный работник Отредактированный не поверил заявлениям Отредактированной, и её дневник странным образом позже исчез. Менеджер по социальной работе Отредактированный курировал ответные меры. Что совершенно непостижимо, служба расценила организованную торговлю людьми, шантаж с использованием видеозаписей изнасилований и «красные комнаты» как действия по взаимному согласию.

(данные удалены) Социальные службы в деле (данные удалены) (Телфорд)

Социальный работник (данные удалены) обеспечил неэффективное вмешательство, несмотря на неоднократные заявления об организованном групповом изнасиловании, которому способствовали таксисты, рестораны и женщины-надзиратели.

Социальные службы в деле [Данные удалены] (Шеффилд)

Различные социальные работники и специалисты по обеспечению безопасности реализовывали планы по защите детей, которые так и не вырвали [Данные удалены] из организованных домов в [Данные удалены], где иракско-курдские мусульмане торговали ею и насиловали её. Они знали о рисках, однако не смогли принять решительных мер.

Общие сбои в детских домах и службах поддержки на грани опеки (Edge of Care)

Дело [Данные удалены] и множество других случаев показывают, что неназванный персонал детских домов и группы поддержки на грани опеки неоднократно сталкивались с пропавшими без вести, находящимися в состоянии опьянения и ранеными детьми в компании взрослых мужчин, но не сообщали об изнасилованиях, не передавали информацию о рисках на вышестоящий уровень и не забирали детей из известной среды эксплуатации. Места размещения становились путями для дальнейшего насилия.

Образование

Школы по всей Британии наблюдали за тем, как банды насильников действовали открыто, и ничего не предпринимали для защиты детей, находившихся под их опекой. Учителя видели, как взрослые мужчины забирали девочек у школьных ворот, слышали прямые признания в совершении сексуальных действий в туалетах, фиксировали прогулы, членовредительство и видимые травмы, а также видели детей, приходящих в школу с подарками, наркотиками или синяками. Вместо того чтобы инициировать направления на проверку безопасности, они отстраняли жертв от занятий, рассматривали эксплуатацию как поведенческие проблемы и позволяли преступникам продолжать забирать детей с территории школы. Органы управления образованием не смогли связать очевидные признаки груминга с организованной преступностью, игнорировали сообщения родителей и помещали отстраненных детей в среду, где действовали банды. Это не было недосмотром. Это было активное соучастие, в результате которого детей каждый божий день передавали в руки их насильников.

Школа [Данные удалены], Телфорд

Персонал школы [Данные удалены] наблюдал, как взрослые мужчины забирали девочек у ворот, и слышал прямые признания в сексуальной активности в школьных туалетах. Они фиксировали прогулы и членовредительство, четко связанные с эксплуатацией. Учителя отстраняли жертв за «нарушения низкого уровня» вместо того, чтобы обеспечить их безопасность. Направления на проверку подавались редко, и к детям относились как к людям с поведенческими проблемами, а не как к жертвам организованного группового изнасилования. Тейлор и её подруг открыто забирали от школьных ворот и перевозили в места насилия, в то время как сотрудники школы ничего не предпринимали.

[Данные удалены] Мерсисайд

После того как 12-летняя ученица с аутизмом, дочь [Данные удалены], сообщила об оральном изнасиловании, средняя школа [Данные удалены] не смогла изолировать её от

предполагаемого преступника. Меры по обеспечению безопасности были формальными, и мальчик остался в школе. Её дочь подверглась беспощадной травле и нападениям, заснятым на видео, которые были связаны с преступником. Школа не предприняла никаких эффективных действий. Полиция уже препятствовала расследованию изнасилования, а школа усугубила вред, оставив ребенка беззащитной. Её дочь скончалась от передозировки после того, как травля и запугивание обострились.

[Данные удалены] Дочь

Школы игнорировали заметные синяки, разбитые губы и гематомы вокруг глаз ребенка [Данные удалены], начиная с 11 лет. Учителя помечали её как «должна стараться больше» и «не ладит с другими», не задавая вопросов. Когда сексуальное изображение ребенка [Данные удалены], которое её принудили отправить, распространилось по нескольким школам, никаких ответных мер по обеспечению безопасности не последовало. Школа расценила эксплуатацию как поведенческую проблему, а не как организованное насилие.

Лицензирование такси

Органы лицензирования такси по всей Великобритании заведомо выдавали, продлевали и не аннулировали лицензии на транспортные средства и водителей, которые составляли центральную транспортную и оперативную основу банд насильников. Преступники использовали такси и автомобили с частным наймом, чтобы забирать детей от школьных ворот, из домов опеки и с улиц, перевозить их между городами для группового изнасилования, снабжать наркотиками и алкоголем, а затем возвращать их ранеными или находящимися без сознания. Лицензирующие органы неоднократно получали сведения, связывающие конкретных водителей и фирмы с организованной эксплуатацией, однако не предпринимали никаких принудительных мер, игнорировали ошибки при проверке биографических данных и уступали организованным протестам, когда предлагались базовые меры безопасности, такие как видеонаблюдение (CCTV). Этот провал был активным содействием торговле детьми в национальном масштабе.

[Данные удалены] Органы лицензирования

Лицензирующие органы [Отредактировано] подвели [Отредактировано] и десятки других девочек из той же сети. Такси и автомобили с частным наймом были основным средством, использовавшимся для сбора, транспортировки и эксплуатации детей по всему [Отредактировано]. Отдельные водители и фирмы неоднократно связывались с бандами на основании показаний жертв, оперативных данных полиции и прямых свидетельств. Лицензирующие органы не предприняли никаких действий по аннулированию лицензий или ужесточению проверок благонадежности, несмотря на явные доказательства использования транспорта в целях организованной преступности. Когда были предприняты попытки внедрить системы видеонаблюдения (CCTV) в такси, совет [Отредактировано] столкнулся с организованными протестами и отступил. Результатом стала значительная мобильность преступников и полное отсутствие ответственности за режим лицензирования.

Лицензирование совета [Отредактировано]

Система лицензирования совета [Отредактировано] подвела [Отредактировано] и каждого ребенка, переданного в детский дом [Отредактировано]. Персонал открыто отбирал детей и передавал их непосредственно водителям такси для сексуальной эксплуатации. Эта практика продолжалась годами на глазах у лицензирующего органа. Система лицензирования совета позволила водителям такси функционировать как прямое продолжение сети насилия внутри детского дома.

[Отредактировано]

[Отредактировано] занимала должность городского советника [Отредактировано] с непосредственным закреплением ответственности за обеспечение безопасности, лицензирование и общественную безопасность. Она получила переписку в WhatsApp, касающуюся жертв банд насильников. Она приняла осознанное решение сделать всю переписку публичной. Разглашение вызвало немедленный политический скандал, освещение в СМИ, а затем последовали официальные жалобы и дисциплинарные разбирательства в отношении неё. [Отредактировано] использовала этот момент, чтобы осветить доказательства деятельности банд по грумингу в [Отредактировано] и напрямую связать безопасность пассажиров и женщин в лицензированных транспортных средствах с рисками эксплуатации. Её действия обнажили тот факт, что местные органы власти продолжали рассматривать серьезные проблемы обеспечения безопасности как политические проблемы, а не как чрезвычайные ситуации в области защиты детей. Инцидент еще больше подорвал общественное доверие к системам обеспечения безопасности в [Отредактировано] и продемонстрировал, что даже избранные советники, пытавшиеся забить тревогу, сталкивались с институциональным сопротивлением вместо поддержки.

Приложение IV – Список районов, в которых, как известно, действовали банды

Районы органов местного самоуправления (149)

Абердин-Сити

Ангус

Антрим и Ньютаун-Эбби

Аргайл и Бьют

Эшфорд

Эйлсбери-Вейл

Баркинг и Дагенэм

Барнсли

Барроу-ин-Фёрнесс

Бассетло
Бексли
Бирмингем
Блэкберн с Дарвеном
Блэкпул
Болтон
Борнмут
Брэдфорд
Брент
Бристоль
Бромли
Броксборн
Брокстоу
Бёрнли
Бери
Колдердейл
Кембридж
Кэмден
Кентербери
Карлайл
Касл-Пойнт
Челмсфорд
Червелл
Восточный Чешир
Западный Чешир и Честер
Чилтерн

Крайстчерч

город Эдинбург

графство Дарем

Ковентри

Крейвен

Кройдон

Дакорум

Дартфорд

Дерби

Донкастер

Дадли

Илинг

Восточный Хартфордшир

Восточный Райдинг Йоркшира

Восточный Стаффордшир

Энфилд

Эппинг-Форест

Гейтсхед

город Глазго

Гринвич

Хакни

Хаммерсмит и Фулхэм

Харинги

Харлоу

Харроу

Хастингс

Хаверинг
Хай-Пик
Хиллингдон
Хаунслоу
Хиндберн
Ипсвич
Остров Уайт
Ислингтон
Кингстон-апон-Халл
Кирклиз
Ламбет
Ланкастер
Лидс
Лестер
Луишем
Ливерпуль
Лутон
Манчестер
Медуэй
Мертон
Мидлсбро
Милтон-Кинз
Монмутшир
Ньюкасл-апон-Тайн
Ньюкасл-андер-Лайм
Ньюхэм

Северный Линкольншир

Северный Тайнсайд

Нортумберленд

Норидж

Ноттингем

Олдем

Оксфорд

Пембрукшир

Пендл

Питерборо

Плимут

Пул

Престон

Рединг

Редбридж

Реддич

Ричмонд-апон-Темз

Рочдейл

Россендейл

Ротерем

Сэндвелл

Сефтон

Шеффилд

Шропшир

Солихалл

Южный Эйршир

Южный Дербишир
Южный Сомерсет
Саутэнд-он-Си
Саутуорк
Сент-Хеленс
Стокпорт
Сток-он-Трент
Саттон
Суонси
Суиндон
Теймсайд
Телфорд и Рекин
Танет
Террок
Тауэр-Хэмлетс
Вейл-оф-Уайт-Хорс
Уэйкфилд
Уолсолл
Уолтем-Форест
Уондсуорт
Уоррингтон
Уотфорд
Западный Беркшир
Западный Данбартоншир
Вестминстер
Уэймут и Портленд

Уиган

Уилтшир

Виндзор и Мейденхед

Уиррал

Вулверхэмптон

Вустер

Уайкавон

Уайком

Уайр-Форест

Йорк

В ходе нашего Расследования также были обнаружены дополнительные веские доказательства деятельности банд насильников более широко в следующих графствах, хотя и с меньшей степенью конкретики.

Графства (11)

Дербишир

Девон

Дорсет

Большой Манчестер

Большой Лондон

Ланкашир

Линкольншир

Мерсисайд

Норфолк

Йоркшир

Уорикшир